

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 5

1 • 2023

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1 Отечественная история

5.6.2 Всеобщая история

5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

5.6.8 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обогащающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubenicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoy, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центра РАН, Элиста, Российская Федерация

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улутбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБиТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

- Х. Норовсамбуу*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сенин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

А.А. Никитин, А.А. Хохлов

Новые факты из жизни профессора Д.Ф. Беляева
в свете переписки с Д.А. Корсаковым 12

О.В. Кочукова, С.А. Кочуков

Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской
саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891) 24

В.В. Никонов

Дело «контрреволюционной группировки
церковников г. Егорьевска» 1935 г.
как пример преследования органами НКВД
движения «непоминающих» в Православной Российской Церкви
(по материалам ГА РФ, ГА СО и ЦГА г. Москвы) 47

Всеобщая история

М.А. Эминова

Торговые связи Азербайджана
с Россией в первой половине XVIII в. 63

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Н.А. Комочев

Трактаты Якоба фон Раммингена о регистратуре (1571):
опыт интерпретации в контексте эпохи 79

А.Х. Мустафина

Историография развития архивного дела Казахстана
(1991–2021) 93

Персональная история

Г.Г. Лисицына

В.М. Хвостов и Московский институт социальной психологии
(1917–1922) 101

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика К 100-летию классика отечественного архивоведения В.Н. Автократова

Н.В. Середа

В.Н. Автократов и формирование научно-педагогической школы
источниковедения 125

З.П. Иноземцева

Архивная информационная среда
в воззрениях В.Н. Автократова (1922–1992) 138

В фондах отечественных архивов

О.Н. Апанасюк, А.М. Скоробогатов, Т.А. Буланцева

Создание базы данных репозитория архивных документов
по проблемам преодоления последствий радиационной аварии
на химкомбинате «Маяк» в 1957 г. 147

CONTENTS

Russian History

A. Nikitin, A. Khokhlov

New facts from professor D. Belyaev's life in view
of the correspondence with professor D. Korsakov 12

O. Kochukova, S. Kochukov

Letters from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya
to the Saratov governor A.I. Kosich (1891) 24

V. Nikonov

The case of the "counterrevolutionary group of churchmen
of the town of Yegoryevsk" in 1935 as an example of the persecution
by the NKVD of the "non-commemorators" movement
in the Russian Orthodox Church (based on the materials
of the GA of the Russian Federation, the GA of SO
and the Central State Administration of Moscow) 47

World History

M. Eminova

Trade relations of Azerbaijan with Russia
in the first half of the 18th century 63

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

N. Komochev

Jacob von Rammingen's treatises on registry (1571).
An interpretation in the context of their time 79

A. Mustafina

Historiography of the development of archival affairs
in Kazakhstan (1991–2021) 93

Personal Histories

G. Lisitsyna

V.M. Khvostov and the Moscow Institute
of Social Psychology (1917–1922) 101

**Archives Administration and Records Management:
History, Theory, Procedures
To commemorate the 100th anniversary of V.N. Avtokratov,
the classic of the national archival science**

N. Sereda

V.N. Avtokratov and the formation
of the scientific pedagogical school of source studies 125

Z. Inozemtseva

Archival information environment
in the views of V.N. Avtokratov (1922–1992) 138

In the Funds of Russian Archives

O. Apanasyuk, A. Skorobogatov, T. Bulantseva

Creation of the repository database for the archival documents
on the issues of overcoming the consequences
of the radiation accident at the “Mayak” Chemical Plant in 1957 147

Новые факты из жизни профессора Д.Ф. Беляева в свете переписки с Д.А. Корсаковым

Антон А. Никитин

*Национальный музей Республики Татарстан,
г. Казань, Россия, anton.nikitin.14@mail.ru*

Александр А. Хохлов

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
г. Казань, Россия,
kazan_molodezh@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья представляет анализ эпистолярного наследия ординарного профессора Казанского Императорского университета, филолога-классика и византиниста Дмитрия Федоровича Беляева (1846–1901), хранящегося в настоящее время в личном фонде профессора Д.А. Корсакова – адресата Д.Ф. Беляева – в Национальном музее Республики Татарстан. Выявленный и сформированный комплекс источников впервые в отечественной историографии дает информацию о ряде ранее малоизвестных, иногда практически неосвещенных в науке событиях из научной биографии ученого. Рассматриваемые источники позволяют уточнить обстоятельства личной жизни филолога, дополнить его биографию качественно новыми характеристиками. Указанные архивные документы проливают свет на такое важное событие из жизни исследователя, как переезд в Казань в 1877 г. с целью работы в Императорском Казанском университете, выделяют научный круг общения, а также дают сведения о жизни и персоналиях историко-филологического факультета в 1880–1890 гг. Наряду с этим удастся установить некоторые особенности научной работы профессора над византийскими древностями. Проведенное исследование позволяет вновь открыть ранее забытые в отечественной исторической науке факты из биографии, более определенно и точно провести историко-биографическую реконструкцию жизни и научного наследия Дмитрия Беляева.

Ключевые слова: Дмитрий Федорович Беляев, Дмитрий Александрович Корсаков, фонды личного происхождения, историко-биографическая

реконструкция научной биографии, Казанский Императорский университет, Национальный музей Республики Татарстан

Статья поступила в редакцию 10 июля 2022 г.;

принята к публикации 18 октября 2022 г.

Для цитирования: Никитин А.А., Хохлов А.А. Новые факты из жизни профессора Д.Ф. Беляева в свете переписки с Д.А. Корсаковым // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 12–23. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-12-23

New facts from professor D. Belyaev's life in view of the correspondence with professor D. Korsakov

Anton A. Nikitin

*The National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia,
anton.nikitin.14@mail.ru*

Alexandr A. Khokhlov

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,
kazan_molodezh@mail.ru*

Abstract. The study presents an analysis of the epistolary heritage of Dmitry Belyaev (1846–1901), the resident professor of Kazan Imperial University, classical philologist and byzantologist. These precious documents are currently kept in the personal fund of professor D. Korsakov – the addressee of D. Belyaev – in the National Museum of the Republic of Tatarstan. For the first time in Russian historiography, the identified and formed complex of the sources provides information on a number of events from the scientific biography of the scholar previously little-known and sometimes virtually unreported in science. The sources under consideration allow us to clarify the circumstances of the philologist's personal life, to supplement his biography with qualitatively new characteristics. The above archival documents cast light on such an important event in the researcher's life as moving to Kazan in 1877 to work at Imperial Kazan University, identify his circle of scientific communication, and also provide information about the activities and personalities of the Faculty of History and Philology in the 1880s–1890s. Along with that, it is possible to specify some of the peculiarities of the professor's scientific work on Byzantine antiquities. The conducted research makes it accessible to rediscover the facts from the scholar's biography previously forgotten in home historical science, to carry out a more definite and accurate historical and biographical reconstruction of the life and scientific heritage of Dmitry Belyaev.

Keywords: Dmitry Belyaev, Dmitry Korsakov, funds of personal provenance, historical and biographical reconstruction of scientific biography, Kazan Imperial University, National Museum of the Republic of Tatarstan

The article was submitted 10.07.2022;

accepted for publication 18.10.2022.

For citation: Nikitin, A.A. and Khokhlov, A.A. (2023), "New facts from the life of professor D. Belyaev in view of the correspondence with D. Korsakov", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-12-23

Введение

В фонде письменных источников Национального музея Республики Татарстан хранится архив казанского профессора, доктора русской истории Дмитрия Александровича Корсакова (1843–1919), содержащий корреспонденцию 664 адресантов. В ряду писем российских ученых, литераторов, художников, священнослужителей и чиновников видное место занимает эпистолярное наследие филолога-классика, профессора Императорского Казанского университета, декана историко-филологического факультета Дмитрия Федоровича Беляева (1846–1901).

Имя Беляева сегодня малоизвестно в гуманитарной науке, а ведь до революции ученый считался одной из наиболее значимых фигур в отечественном византиноведении. Двухтомное исследование византийских древностей и церемоний, и в частности топографии Большого Константинопольского дворца, обрядов выхода василевса в собор Святой Софии¹, а также многочисленные статьи и рецензии авторства Беляева, посвященные отдельным вопросам византийской культурологии, были высоко оценены еще при жизни ученого. Однако безвременный уход византиниста из жизни, отсутствие интереса к византийской тематике в советский период привели к забвению имени Д.Ф. Беляева и его научного наследия на многие десятилетия.

Тем не менее с конца 1990-х гг. в условиях подъема историографического интереса [Репина 1996; Репина 2010; Успенский 2019] к личностям дореволюционных гуманитариев начали появляться отдельные небольшие исследования, в которых затрагивались определенные аспекты византийских исследований Дмитрия Федоровича

¹ Беляев Д.Ф. *Byzantina: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям*. Кн. 1–3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891–1906. Т. 3. 697 с.

и признавалась их фактологическая ценность для исторической литургики и истории православной архитектуры [Медведев 1998]. Однако о полном, всестороннем понимании историографической важности византийских штудий ученого для отечественной и мировой византистики пока говорить не приходится.

Не лучше обстоят дела и с биографией Д.Ф. Беляева, основными источниками по которой в настоящее время являются небольшая, но обстоятельная статья в энциклопедическом словаре профессоров Санкт-Петербургского университета за 1869–1894 гг.², а также более сжатая биографическая статья в словаре Н.П. Загоскина³, вышедшие более 100 лет назад. Таким образом, перед современными исследователями стоит задача восполнения имеющихся в научной биографии ученого пробелов [Иванова 2012], равно как и нового прочтения его трудов, а также определения их места в современной византистике. Указанная задача неизбежно сопровождается проблемой терминов и введением в научный оборот корпусов архивных источников [Сабенникова, Хими́на 2016, Софьин, Софьина 2021, Новокрещенных, Новокрещенных 2020, Шатохина-Мордвинцева 2021].

Письма Д.Ф. Беляева как исторический источник

В этой связи особую ценность приобретают 63 письма Д.Ф. Беляева, хранящиеся в личном архиве Дмитрия Александровича Корсакова в фонде письменных источников Национального музея Республики Татарстан. Выявленный корпус архивных материалов проливает свет на многие неизвестные ранее страницы из биографии византиста: переезд в Казань, ближайшее окружение ученого, организация исследований. Анализируемые нами письма были написаны в период с 5 августа 1877 г. по 21 апреля 1897 г. в Петергофе, Петербурге и Казани и охватывают жизнь ученого с 1877 по 1897 г. Письма небольшие, на 1, реже 2 листа, написаны чернилами характерным для Беляева почерком – ясным, выполненным по одной линии, правонаклонным и при этом размашистым. Центральным сюжетом каждого из писем является та или иная проблема:

² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869–1894: [В 2 т.]. Т. 1: А–Л. СПб.: Тип и лит. Б.М. Вольфа, 1896. С. 108–111.

³ *Загоскин Н.П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904). Ч. 1. Казань: Тип. Казанского Императорского ун-та, 1904. С. 50–52.

приглашение в гости, благодарность за оказанную помощь, извещение о составлении годового отчета и пр.

Выявленную нами часть эпистолярного наследия ученого можно типологизировать следующим образом:

1) письма делового содержания (процесс переезда в Казань, передача деловых бумаг);

2) письма личного характера (приглашение на обед, покупка дров, поздравления с поездкой в Италию, с избранием Д.А. Корсакова в профессора, соболезнование по поводу кончины дочери Д.А. Корсакова, извещение о рождении сына у Беляева);

3) письма, несущие информацию о научной жизни факультета (обсуждение диссертаций Н.Н. Фирсова, неких Сеничева и Лучинина, назначение дат экзаменов, подготовка к поездке на Восток);

4) поздравления (с Рождеством, днем рождения и т. д.) с вписанным именем Д.Ф. Беляева.

Особую ценность представляет то, что биография ученого дополняется уникальными фактами из писем архива Корсакова, написанных в 1877–1900 гг. И.А. Бодуэном-де-Куртенэ, Н.Н. Буlichem, С.К. Кузнецовым, П.В. Траубенбергом, неким Акинфиевым – коллегами и учениками Д.Ф. Беляева по Казанскому университету. Благодаря им есть возможность альтернативного взгляда на ученого и корректировки официальной биографии [Бушуева 2011].

Из писем Д.Ф. Беляева к Д.А. Корсакову следует, что профессора находились между собой в доверительных, дружеских отношениях. Так, Беляев был частым гостем в имении Корсакова Арышхазде⁴, хорошо знал его супругу Варвару Дмитриевну и их детей⁵. С другой стороны, Д.А. Корсаков был званым гостем на обедах семейства Беляевых⁶, первым получал от них важные известия, как, например, о рождении сына византиниста⁷. О степени доверительности двух людей говорит тот факт, что Д.А. Корсаков выступил в роли крестного отца дочери Беляева⁸. В силу обстоятельства информация, содержащаяся в обозначенных письмах, в плане информативной ценности представляется нам особо значимой.

Корреспонденция является одновременно ценным источником по истории переезда Д.Ф. Беляева в Казань. Можно заключить, что этот процесс был долгим и напряженным, у ученого не было

⁴ Арышхазда – село в Пестречинском районе Республики Татарстан. До 1920 г. входило в состав Казанского уезда Казанской губернии.

⁵ НМ РТ. Фонд письменных источников. Архив Д.А. Корсакова. Папка № 3: Письма Д.Ф. Беляева к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-3631. Л. 1.

⁶ Там же. Инв. № 123666-3597. Л. 1.

⁷ Там же. Инв. № 123666-3631. Л. 1.

⁸ Там же. Инв. № 123666-3627. Л. 1.

яности относительно своего академического будущего: на каком-то этапе Беляев даже стал сомневаться в целесообразности карьеры в качестве доцента по кафедре греческой филологии в Казанском университете.

Помимо прочего, как указывалось выше, ученый параллельно состоял в переписке и с профессорами Н.А. Фирсовым и И.А. Бодуэном-де-Куртенэ. Этот факт не менее важен, поскольку позволяет реконструировать круг общения нашего героя и степень доверительности с каждым респондентом.

Архивные документы дают определенную информацию и о личной жизни профессора. Так, в одном из них содержится упоминание о племяннике Д.Ф. Беляева – Иване Богданове, студенте Казанской духовной академии, трудившегося над сочинением по истории взаимоотношения церковной и государственной властей в России⁹. К сожалению, письма не позволяют углубиться в детали биографии молодого человека. Между тем подобные сведения были бы отнюдь нелишними в контексте нашего исследования¹⁰. Также на основании еще одного раннего письма¹¹ оказалось возможным установить и имя тещи ученого – Амалии Ивановны Яковлевой, урожденной Утермарк. Исследовательское внимание к этой персоне привело нас к частичному восстановлению родословной ученого по линии его супруги. Выяснилось, что Амалия Ивановна в молодости была камер-юнгферой Александры Федоровны – супруги императора Николая I. Она оставила после себя мемуары, в которых упомянула и будущего зятя как прекрасного преподавателя древних языков¹².

Письма проливают свет и на ближний круг семьи профессора. В частности, в одном из них ученый сообщает о рождении сына Дмитрия 6 августа 1882 г.¹³ Благодаря письму 1883 г. мы узнаем, что ученый переселился на улицу Вторая Гора в дом Зороастрова¹⁴, о чем упоминала в воспоминаниях и его дочь Зоя¹⁵. Интересно, что

⁹ Там же. Инв. №123666-3574. Л. 1.

¹⁰ Возможно, обращение к фонду Казанской духовной академии ГА РТ (ф. 10) может дать какие-либо сведения о племяннике византиниста.

¹¹ НМ РТ. Фонд письменных источников. Архив Д.А. Корсакова. Папка № 3: Письма Д.Ф. Беляева к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-3632. Л. 2.

¹² *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. Т. 21. С. 603.

¹³ НМ РТ. Фонд письменных источников. Архив Д.А. Корсакова. Папка № 3: Письма Д.Ф. Беляева к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-3631. Л. 1.

¹⁴ Там же. Инв. № 123666-3629. Л. 1.

¹⁵ *Беляева З.Д.* Старая Казань [Воспоминания: 80–90-е гг. XIX в.]. Л., 1930. Машинопись. 1930-е гг. // Отдел рукописей и редких книг Научной

Н.Н. Булич¹⁶ в связи с этой историей утверждал: «*Беляеву не давали покоя лавры Осокина*»¹⁷, подразумевая под лаврами имущественные приобретения профессора всеобщей истории Николая Алексеевича Осокина на имя супруги Марии Кирилловны каменного дома в центре Казани на улице Грузинской¹⁸. Сделка имела под собой далеко идущие планы – владение домом открывало Осокину двери в Городскую Думу¹⁹. По всей видимости, Николай Алексеевич видел себя не только историком, но и влиятельной общественной личностью. Из дальнейшего содержания письма следует, что Беляев испытывал определенную зависть удаче коллеги и достоверно стремился в глазах общественности выглядеть не менее успешно. Таким образом, не исключаем, что Д.Ф. Беляев был в некоторой степени честолюбивым человеком, что корректирует тот идеальный образ, который сформирован в мемуарах его дочери и официальных биографиях. Таким образом, изучение документов повседневности ученого помогает лучше понять образ его мыслей в конкретных исторических условиях [Иллерицкая 2022, с. 12–20; Хорхордина 2017, с. 325–333].

Судя по письмам, отношения Д.Ф. Беляева и Н.А. Осокина носили конкурентный характер и в служебной плоскости. Профессор Беляев, оценивая активность Н.А. Осокина, не без раздражения отмечал, что его визави беспрестанно «...торчал в Совете Университета»²⁰. Можем предположить, что основой этого неприятия было идейное противостояние представителей двух научных школ: петербургской в лице Д.Ф. Беляева и казанской в лице Н.А. Осокина. Наше умозаключение основывается на следующих фактах. Профессор Беляев поддерживал тесные научные контакты с бывшими преподавателями и друзьями по Петербургскому

библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). 133 л.

¹⁶ Булич Николай Никитич (1824–1895 гг.) – профессор русской словесности, в 1882–1885 гг. – ректор Императорского Казанского университета.

¹⁷ НМ РТ. Фонд письменных источников. Архив Д.А. Корсакова. Папка № 3: Письма Н.Н. Булича к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-332. Л. 1об.

¹⁸ Дом сохранился до настоящего времени. Находится на улице Карла Маркса, 37.

¹⁹ Наиболее полно на настоящий момент биография профессора Николая Алексеевича Осокина представлена в следующем исследовании: Ягудин Б.М. Николай Алексеевич Осокин. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. 32 с.

²⁰ НМ РТ. Фонд письменных источников. Архив Д.А. Корсакова. Папка № 3: Письма Д.Ф. Беляева к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-3631. Л. 1об.

университету: И.В. Помяловским, Г.С. Дестунисом, В.Г. Васильевским; некоторые ученики профессора прошли в дальнейшем фундаментальную научную подготовку в столице, как, например, Н.П. Лихачев или С.К. Булич. Такие же ученые, как Н.А. Осокин и Н.А. Фирсов были, на наш взгляд, ориентированы прежде всего на местный, казанский научный круг, что приводило к непониманию и расхождению взглядов двух оппонентов. Допускаем и иной вариант. Вполне возможно, Дмитрий Федорович так и не смог к тому времени стать «своим» на факультете. В силу непростого характера, у Беляева были сложные отношения не только с профессорами, но и со студентами, считавшими его слишком требовательным²¹. Даже казанский филолог-славист А.С. Архангельский, будучи к тому времени уже сложившимся ученым, переживал за диссертацию, отправленную Д.Ф. Беляеву на рассмотрение с целью получения разрешения на ее публикацию²².

Отдельного рассмотрения заслуживает инцидент ученого с Петром Викторовичем Траубенбергом, хранителем музеев историко-филологического факультета. 16 марта 1887 г. Д.Ф. Беляев лично запер музей на замок до прихода хранителя, вследствие чего Д.А. Корсаков не смог провести научную работу в музее. Траубенберг отмечает бесцеремонность в поведении Д. Беляева²³, которая и привела к недоразумению. На следующий день Корсакову пришло письмо от Беляева, в котором он ссылаясь на непунктуальность П.В. Траубенберга²⁴, не находившегося в установленное рабочее время в музее. Должно быть, в этой ситуации и декан, и хранитель музеев были правы по-своему, но сам факт авторитарного поведения ученого и его исключительной педантичности не может остаться вне оценок его личных качеств.

Ряд писем предоставляет важные сведения о византийских студиях профессора. Так, в письме от 20 апреля 1894 г. ученый сообщает Д.А. Корсакову, что приобрел билет до Иерусалима и запасается рекомендательными письмами в Иерусалим и Константинополь. Некий Тертий Иванович обещал византинисту подготовить рекомендательное письмо к иерусалимскому патриарху, без согласия которого было бы невозможно заниматься в патри-

²¹ Там же. Письма И.А. Бодуэна-де-Куртенэ к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-3329. Л. 3.

²² Там же. Письма А.С. Архангельского к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-200. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Письма П.В. Траубенберга к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-2016. Л. 1об.

²⁴ Там же. Письма Д.Ф. Беляева к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-3621. Л. 1–1об.

аршей библиотеке рукописями²⁵. Здесь речь идет о планах летней заграничной командировки Д.Ф. Беляева в Константинополь и на Восток. В течение нескольких лет Беляев вынашивал идею поездки в Константинополь с целью уточнения некоторых топографических вопросов, связанных с церемониалом византийского двора, и в Иерусалим для работы с литургическими греческими рукописями.

В более раннем письме от 2 декабря 1893 г. ученый просит Д.А. Корсакова прислать ему точные заглавия камер-фурьерских журналов, изданных А.Ф. Бычковым, а при наличии и сами книги. Из трудов Д.Ф. Беляева по византийскому церемониалу хорошо известно, что ученый проводил сравнение труда «О церемониях» Константина Багрянородного с камер-фурьерскими журналами российских императоров, содержащих информацию о ежедневном распорядке государей. Можно предположить, что это сравнение было проведено не без помощи Д.А. Корсакова²⁶.

Настоящей находкой является рукописная копия формулярного списка профессора, созданная в 1897 г.²⁷ К сожалению, нам неизвестно местонахождение оригинального документа; в Государственном архиве РТ список, к сожалению, отсутствует; возможно, он был увезен супругой ученого в 1900 г. при переезде в Петербург. Из документа можно почерпнуть интересные факты из жизни ученого, в частности в нем фигурируют ранее неизвестные в историографии сведения о временном замещении Д.Ф. Беляевым должности ректора Казанского университета: в 1895, 1893 и 1897 гг.²⁸ Список дает информацию и о работе профессора в качестве председателя испытательных комиссий при Казанском, Петербургском, Харьковском и Киевском университетах (период с 1889 по 1897 г.)²⁹. Эти сведения дают возможность дополнить официальный портрет ученого важными штрихами, указывающими на активную образовательную позицию Беляева. В связи с энергичной деятельностью в рамках работы факультета, небезынтересным является факт участия Дмитрия Федоровича в выборах проректора в 1887 г., которые он проиграл профессору Н.А. Фирсову³⁰. Из письма можно сделать однозначный вывод о наличии у Н.А. Фирсова серьезной поддержки в лице ректора

²⁵ Там же. Инв. № 123666-3592. Л. 2.

²⁶ Там же. Инв. № 123666-3606. Л. 1.

²⁷ Там же. Инв. № 123666-3633. 2 Л.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 1. об.

³⁰ Там же. Письма И.А. Бодуэна-де-Куртенэ к Д.А. Корсакову. Инв. № 123666-3331. Л. 1–1об.

и ряда «старичков» (как их именует И.А. Бодуэн-де-Куртенэ), вероятно, представителей профессорско-преподавательской корпорации³¹.

Заключение

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы. В фонде письменных источников Национального музея Республики Татарстан нами был выявлен уникальный корпус источников, связанных с биографией выдающегося византиниста Дмитрия Федоровича Беляева. Проанализированные документы позволили установить структуру личных связей ученого, в которых одно из центральных мест занимал Д.А. Корсаков. Помимо прочего, детализация на их основе родословной ученого со стороны супруги дала возможность углубить историю его семьи до начала XIX в. Не менее ценны выявленные источники и своей информативностью в плане реконструкции научной деятельности Д.Ф. Беляева. Письма помогают определить линии научной работы исследователя над византийскими древностями и, как следствие, полнее представить специфику их изучения на современном этапе. Без сомнения, публикация в перспективе этой части эпистолярного наследия видного ученого позволит внести значительный вклад в отечественное византиноведение как самостоятельное научное направление.

Литература

- Бушуева 2011 – *Бушуева Л.А.* Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 248–266.
- Иванова 2012 – *Иванова Т.Н.* Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 167–176.
- Иллерицкая 2022 – *Иллерицкая Н.В.* «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 12–20.
- Медведев 1998 – *Медведев И.П.* И.В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 1998. С. 207–241.
- Новокрещенных, Новокрещенных 2020 – *Новокрещенных И.А., Новокрещенных В.В.* Личные дела и личные фонды филологов-зарубежников в архивах Пермского края: преемственность и новаторство // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 940–949.

³¹ Там же.

- Репина 1996 – Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как методологическая и историографическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М.: Наука, 1996. С. 20–32.
- Репина 2010 – Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы. СПб.: Алетей, 2010. С. 5–18.
- Сабенникова, Хими́на 2016 – Сабенникова И.В., Хими́на Н.И. Публикация исторических документов в постсоветский период: анализ археографической практики // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2016. № 1. С. 103–114.
- Софьин, Софьина 2021 – Софьин Д.М., Софьина М.В. Обзор личного фонда великого князя Сергея Александровича в Государственном архиве Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 891–903.
- Успенский 2019 – Успенский В.Л. Жизнь и труды академика Василия Павловича Васильева: размышления по поводу 200-летнего юбилея // Новый исторический вестник. 2019. № 2 (60). С. 108–120.
- Шатохина-Мордвинцева 2021 – Шатохина-Мордвинцева Г.А. Дипломат Александр Гаврилович Головкин: новые штрихи к биографическому портрету // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 5. С. 47–59.
- Хорхордина 2017 – Хорхордина Т.И. Документ в истории повседневности // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. М.: Древлехранилище, 2017. С. 325–333.

References

- Bushueva, L.A. (2011), “Professorial corporation in Kazan in the era of changes. Interpersonal communications of university people (the beginning of the 20th century)”, *Dialog so vremenem*, no. 36, pp. 248–266.
- Illeritskaya, N.V. (2022) “ ‘History of everyday life’ in the context of modern historiography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 12–20.
- Ivanova, T.N. (2012), “New aspects of biography in modern historiographical research”, *Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical cognition and historiographical situation at the turn of the 20th – 21st centuries], Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 167–176.
- Khorkhordina, T.I. (2017), “Document in everyday history”, *Tvorcheskoe nasledie A.A. Zimina i sovremennaya rossiiskaya istoriografiya* [Creative heritage of A.A. Zimin and contemporary Russian historiography], Drevlekhranilishche/Repository, Moscow, Russia, pp. 325–333.
- Medvedev, I.P. (1998), “I. V. Pomyalovsky and his contribution to Byzantine studies (based on the materials of the scientist’s archive)”, in *Mir russkoi vizantinistiki* [The world of Russian Byzantine studies], Saint Petersburg, Russia, pp. 207–241.
- Novokreshchennykh, I.A. and Novokreshchennykh, V.V. (2020), “Personal files and personal provenance fonds of the philologists studying foreign literature in the

- archives of the Perm Krai. Continuity and innovation”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 940–949.
- Repina, L.P. (1996), “Highlighting the sphere of private life as a methodological and historiographical issue”, in *Chelovek v krugu sem'i: Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala novogo vremeni* [Person in the family circle. Essays on the history of private life in Europe before the beginning of modern times], Nauka, Moscow, Russia, pp. 20–32.
- Repina, L.P. (2010), “From historical biography to biographical history”, in *V teni velikikh: obrazy i sud'by* [In the shadow of the greats. Images and destinies], Aletheya, Saint Petersburg, Russia, pp. 5–18.
- Sabennikova, I.V. and Khimina, N.I. (2016), “Publication of historical documents in the Post-Soviet period. Analysis of archaeographical practice”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, no. 1, pp. 103–114.
- Sofin, D.M. and Sofina, M.V. (2021), “Review of the personal fund of Grand Duke Sergei Alexandrovich in the State Archives of the Russian Federation”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 891–903.
- Uspensky, V.L. (2019), “The life and works of academician Vasilii Pavlovich Vasiliev. Reflections on the occasion of his 200th jubilee”, *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 60, no. 2, pp. 108–120.
- Shatokhina-Mordvintseva, G.A. (2021), “Diplomat Aleksandr Gavrilovich Golovkin. New touches to biographical portrait”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 47–59.

Информация об авторах

Антон А. Никитин, Национальный музей Республики Татарстан, Казань, Россия; 420111, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 2; anton.nikitin.14@mail.ru

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0002-5923-1140>

Александр А. Хохлов, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; kazan_molodezh@mail.ru

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Information about the authors

Anton A. Nikitin, National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; bld. 2, Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420111; anton.nikitin.14@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5923-1140>

Alexandr A. Khokhlov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420008; kazan_molodezh@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891)

Ольга В. Кочукова

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, kochukovsgu@mail.ru*

Сергей А. Кочуков

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, kochukovsgu1974@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется содержание писем друзей и родственников С.В. Ковалевской (Ф.В. Корвин-Круковского, С.И. Ламанского, Ю.В. Лермонтовой) саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891 г.), хранящихся в Государственном архиве Саратовской области. Материалы архивной переписки дополняют многочисленными деталями картину повседневной реальности семьи и окружения Софьи Ковалевской. Впервые вводимые в научный оборот архивные материалы представляют интерес с точки зрения их содержания, исторического контекста, упоминаемых общественных и культурных деятелей.

В центре публикуемых эпистолярных источников – реакция друзей и родственников С.В. Ковалевской на ее смерть и вопрос об устройстве будущего ее дочери. Авторы статьи на материалах переписки уточняют характеристику общественных настроений в окружении Софьи Ковалевской. Особенное внимание уделяется роли А.И. Косича в попытках привлечения внимания российской общественности и властных элит к задаче возвращения в Россию знаменитой русской женщины-математика, а после ее смерти – в увековечивании ее памяти. Материалы публикуемой переписки позволяют акцентировать сюжет о патриотических настроениях в окружении Софьи Ковалевской, а также приверженности традициям русского национального сознания и интересе к идеям о роли православно-славянской идентичности в цивилизационно-историческом выборе России.

Ключевые слова: эпистолярные источники, персональная история, история науки, С.В. Ковалевская, А.И. Косич, семья Корвин-Круковских, семья Ковалевских, С.И. Ламанский, Ю.В. Лермонтова, Санкт-Петербургская академия наук, Государственный архив Саратовской области.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2022 г.;

принята к публикации 18 ноября 2022 г.

Для цитирования: Кочукова О.В., Кочуков С.А. Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 24–46. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-24-46

Letters
from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya
to the Saratov Governor A.I. Kosich
(1891)

Olga V. Kochukova

Saratov State University, Saratov, Russia, kochukovasgu@mail.ru

Sergei A. Kochukov

*State Archives of the Saratov region, Saratov,
Russia, kochukovsgu1974@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the content of the letters from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya (F.V. Korvin-Krukovsky, S.I. Lamansky, Yu.V. Lermontova) to Saratov Governor A.I. Kosich (1891), kept in the State Archives of the Saratov Region. The materials from the archival correspondence add numerous details to the picture of the everyday reality for Sofya Kovalevskaya's family and circle. The archival materials introduced into the scientific circulation for the first time are of interest in terms of their content, historical context, and the public and cultural figures mentioned.

In the center of the published epistolary sources are focused on the reaction of the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya on her death and the question of the arrangement for her daughter's future. Based on the materials of the correspondence, the authors of the article make an attempt to clarify the characteristics of the public sentiments in Sofya Kovalevskaya's circle. Particular attention is paid to the role of A.I. Kosich in an attempt to attract the attention of the Russian public and the power elites to the task of returning the famous Russian woman mathematician to Russia, and after her death – to perpetuating her memory. Materials of the published correspondence allow accentuating the subject of patriotic moods in Sofya Kovalevskaya's circle, as well as the commitment to the traditions of the Russian national consciousness and the interest in the ideas connected with the role of Orthodox-Slavic identity in the civilizational and historical choice of Russia.

Keywords: epistolary sources, personal history, history of science, S.V. Kovalevskaya, A.I. Kosich, Korvin-Krukovsky family, Kovalevsky family, S.I. Lamansky, Yu.V. Lermontova, St. Petersburg Academy of Sciences, State Archives of the Saratov Region

The article was submitted 16.09.2022;

accepted for publication 18.11.2022.

For citation: Kochukova, O.V. and Kochukov, S.A., (2023), "Letters from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya to the Saratov Governor A.I. Kosich (1891)", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 24–46, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-24-46

Введение

Личности и биографии Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891), знаменитой женщины-математика, члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук, профессора Стокгольмского университета, принадлежит особое место в истории интеллектуальной, культурной и общественной жизни России второй половины XIX в. Масштаб ее личности определяется не только тем фактом, что она как первая в мире женщина – профессор математики стала, по выражению М.М. Ковалевского, образцом «действенного феминизма», но и широтой интересов, гениальностью мышления, а также интенсивной вовлеченностью в ведущие социальные и культурные процессы эпохи. Поразительна к тому же глубина проникновения С.В. Ковалевской в этико-философское содержание вопроса человеческого бытия, что нашло отражение в некоторых ее литературных опытах, но прежде всего во внутренне насыщенной жизни, такой, что Генрих Ибсен сказал, что написать биографию Ковалевской – значит создать поэму о ней. Помимо научных трудов, в ее наследие входят литературные воспоминания, повести, стихи и обширная переписка [Афанасьева 2015]. Большой труд по изысканию и систематизации материалов о жизни и деятельности С.В. Ковалевской был проделан многими исследователями и популяризаторами истории науки, среди которых С.Я. Штрайх [Штрайх 1935], Л.А. Воронцова [Воронцова 1957], П.Я. Кочина [Кочина 1981], а также ее дочь Софья Владимировна Ковалевская, переводившая на русский язык научные труды матери.

Обширное эпистолярное наследие С.В. Ковалевской включает семейную переписку, письма к различным деятелям науки и культуры, материалы из стокгольмского архива Г. Миттаг-Леффлера, поступившего после Великой Отечественной войны в Академию наук СССР. В распоряжении исследователей фундаментальная

публикация мемуарных и эпистолярных источников о жизни и деятельности С.В. Ковалевской, осуществленная С.Я. Штрайхом и М.В. Нечкиной¹.

На фоне хорошей изученности эпистолярия Ковалевской неожиданно впечатляющим открытием является любая новая архивная находка. Такой редкой находкой стали письма, обнаруженные в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО). Это пять писем друзей и родственников С.В. Ковалевской (ее брата Ф.В. Корвин-Круковского, дочери Софьи («Фуфы») Ковалевской, лучшей подруги Ю.В. Лермонтовой и поверенного в делах семьи С.И. Ламанского), написанных в 1891 г., вскоре после ее смерти, саратовскому губернатору А.И. Косичу, приходившемуся Ковалевской двоюродным дядей². Некоторые из них дополняют контекст опубликованной переписки С.В. Ковалевской. Так, в письме А.И. Косича к Ю.В. Лермонтовой, имеющемся в издании С.Я. Штрайха и М.В. Нечкиной³, упоминается факт сообщения адреса Лермонтовой в письме С.И. Ламанского, но само письмо Ламанского до сих пор оставалось неизвестным, так же, как и ответное письмо Лермонтовой Косичу. То, что эти письма до сих пор не были введены в научный оборот, отчасти, видимо, объясняется тем, что личного фонда А.И. Косича в ГАСО нет, и они находятся в составе дела «Письма и личные документы А.И. Косича» в фонде Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК).

Впервые публикуемые в тексте данной статьи письма друзей и родственников С.В. Ковалевской, адресованных саратовскому губернатору А.И. Косичу, представляют интерес с точки зрения их содержания, исторического контекста, упоминаемых общественных и культурных деятелей. Думается, что их публикация имеет научное значение в контексте современного гуманитарного научного знания в сфере персональной истории [Звавич 2021], истории науки и научной повседневности [Горшенин 2022], гендерной истории [Пушкарева, Богдашина 2021], источниковедческого изучения эпистолярных источников [Кюнг 2022]. Содержание писем имеет самостоятельную научную ценность в плане исследования проблемы родственных отношений внутри элит Российской империи [Белоусова 2022].

¹ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма / Отв. ред. М.В. Нечкина; ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407 (Саратовская ученая архивная комиссия). Оп. 2. Д. 686а: Письма и личные документы А.И. Косича.

³ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 356–357.

А.И. Косич и С.В. Ковалевская

Андрей Иванович Косич (1833–1917), генерал от инфантерии, военный и общественный деятель, был участником Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн, о последней оставил интересные воспоминания [Кочуков 2010, с. 88–89]; занимал в 1870–1880-е гг. различные командно-штабные должности, а в 1887–1891 гг. – должность саратовского губернатора. С Софьей Васильевной Ковалевской (урожд. Корвин-Круковской) его соединяли родственные узы: он приходился двоюродным братом ее матери – Елизавете Федоровне Шуберт. С.В. Ковалевская и А.И. Косич постоянно поддерживали родственные отношения, состояли в переписке.

С.В. Ковалевская в своих «Воспоминаниях детства», впервые напечатанных в 1890 г., дала своему двоюродному дяде достаточно подробную характеристику, но предпочла скрыть его имя, не желая навредить репутации родственника, завоевавшего популярность либерального администратора. Поэтому в тексте воспоминаний он появляется как некий «дальний родственник», и само это появление объяснялось только контекстом обращения к истории взаимоотношений семьи Корвин-Круковских и Ф.М. Достоевского. Эпизод воспоминаний относится к 1864 г., когда Ф.М. Достоевский, находившийся тогда под гнетом тяжелых обстоятельств личной жизни после смерти жены М.Д. Достоевской (Исаевой), как будто увлекся старшей сестрой С.В. Ковалевской Анной Васильевной Корвин-Круковской (впоследствии А.В. Жаклар), настолько поразившей его своим литературным талантом, что он опубликовал две ее повести в журнале «Эпоха». Текст воспоминаний С.В. Ковалевской передает атмосферу ревности младшей сестры Софьи (на тот период девочки-подростка, юношески преклонявшейся перед Достоевским) к старшей Анне и Достоевского к «дальному родственнику» (А.И. Косичу), которого он, видимо, расценивал как возможного претендента на руку Анны. Ковалевская вспоминала: «В числе гостей был один, который с первой же минуты сделался ему особенно ненавистен. Это был наш дальний родственник со стороны Шубертов; это был молодой немец, офицер какого-то из гвардейских полков. Он считался очень блестящим молодым человеком; был красив и умен, и образован, и принят в лучшем обществе – все это как следует, в меру и не чересчур. И карьеру он тоже делал как следует, не нахально быстро, а солидную, почтенную; умел угодить, кому надлежит, но без явного искательства и низкопоклонства»⁴.

⁴ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 110.

Характеристики, данные современниками А.И. Косичу на посту саратовского губернатора, были неоднозначны и в немалой степени определялись их политическими взглядами. Более благожелательными были оценки лиц, разделявших либеральные убеждения, и, напротив, отрицательно высказывались консерваторы. Известный саратовский общественный деятель и мемуарист И.Я. Славин писал о Косиче: «Вообще Косич был губернатор наособицу. Это был симпатичный, жизнерадостный военный генерал, обращавший особенно серьезное внимание на санитарию, гигиену и разведение садов... Он любил в разные торжественные случаи или в многочисленных деловых собраниях говорить речи... Косич иногда в частных беседах проявлял такой либерализм и говорил такие “вольности”, которые русскому человеку как-то непривычно было слышать из уст губернатора и военного генерала»⁵. В воспоминаниях саратовского старожила В.А. Шомпулева А.И. Косич охарактеризован следующим образом: «Косич почему-то считался либералом, но он был до крайности сердечный человек, готовый прийти на помощь каждому в справедливом деле. Он любил молодежь и был прост в обращении, но с членами губернского присутствия и со своим правителем канцелярии обращался как с адъютантами»⁶.

Скорее всего, именно сердечность характера и желание помогать людям, наряду с родственными чувствами, были мотивами проявленной А.И. Косичем активности в реализации идеи о возвращении его знаменитой родственницы в Россию. В сентябре 1889 г. А.И. Косич обратился с письмом к президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу, содержащим просьбу о содействии возвращения С.В. Ковалевской в Россию в качестве члена академии. Косич напомнил изречение Наполеона, что «всякое государство должно дорожить возвращением выдающихся людей более, нежели завоеванием богатого города»⁷. В октябре 1889 г. непременный секретарь Академии наук К.С. Веселовский отправил А.И. Косичу письмо, в котором по приказанию вел. кн. Константина Николаевича передавал ответ на его предложение. После нескольких фраз о несомненном признании заслуг С.В. Ковалевской, утверждалось: «Так как доступ на кафедры в наших университетах совсем закрыт для женщин, каковы бы ни были их способ-

⁵ Славин И.Я. Минувшее-пережитое: Воспоминания. Саратов, 2013. С. 163.

⁶ Шомпулев В.А. Записки старого помещика / Сост., вступ. ст., подгот. текста А.В. Кумакова; коммент. А.В. Кумакова, И.Н. Плешакова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 189.

⁷ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 513 (коммент. С.Я. Штрайха).

ности и познания, то для г-жи Ковалевской в нашем отечестве нет места, столь же почетного и хорошо оплачиваемого, как то, которое она занимает в Стокгольме»⁸.

П.Л. Чебышев полагал, что А.И. Косич начал ходатайствовать о возвращении С.В. Ковалевской в Россию без ее ведома, считал, что ее высокопоставленный родственник мало знал о ее ученой карьере, если не мог сообразить того, что она не может променять почетное место профессора в Стокгольмском университете на единственно доступное ей в России место преподавателя Высших женских курсов⁹. Тем не менее С.В. Ковалевская в письме А.И. Косичу признавалась, что ее, несмотря на долгое житие за границей, все же тянет в Россию и благодарила за проявленную им инициативу: «Большое, большое вам спасибо за ваши письма и за ваши хлопоты по столь горячо интересующему меня делу»¹⁰. В этом же письме она высказывала опасения относительно возможных подозрений по поводу ее политической благонадежности («...у нас ведь, кажется, уже принято каждую ученую женщину подозревать в неблагонадежности»¹¹). Начатое А.И. Косичем дело не было безрезультатным, так как в скором времени по инициативе академических математиков С.В. Ковалевская была избрана в члены-корреспонденты Академии наук. В ноябре 1889 г. Ковалевская, получившая известие об избрании ее в члены-корреспонденты Академии наук, писала Косичу: «Вы можете себе представить, как я была обрадована этой телеграммой. Итак, ваши хлопоты не прошли даром и повели к результату. Большое и сердечное вам за них спасибо. Конечно, член-корреспондент не более как почетный титул и не дает мне возможности вернуться в Россию, но я все же очень рада, что они решились сделать меня и этим, так как теперь, если откроется вакансия на место действительного академика, у них уже не будет предлога не выбрать меня только на том основании, что я женщина»¹².

Многим мечтам, замыслам и надеждам С.В. Ковалевской не суждено было сбыться. 29 января (10 февраля по нов. ст.) 1891 г. после тяжелой и скоротечной болезни С.В. Ковалевская умерла. Ее брат Ф.В. Корвин-Круковский в телеграмме А.И. Косичу сообщал: «Умерла от плеврита, хоронят в Стокгольме откуда жду новостей»¹³. Во время похорон М.М. Ковалевский, обращаясь к памяти ушедшей из жизни, произнес: «Вы всегда были и будете славой нашей родины.

⁸ Там же. С. 353–354.

⁹ Там же. С. 352–353.

¹⁰ Там же. С. 305.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 306.

¹³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 686а. Л. 446.

Недаром оплакивает Вас вся ученая и литературная Россия. Со всех концов обширной империи, из Гельсингфорса и Тифлиса, из Харькова и Саратова, присылают венок на Вашу могилу»¹⁴.

Родственники и друзья С.В. Ковалевской, русские и заграничные, кроме переживания тяжелой утраты, были обеспокоены вопросом об устройстве судьбы оставшейся без обоих родителей¹⁵ 12-летней Сони Ковалевской (в семье ее называли «Фуфой»). Три человека из ближайшего окружения С.В. Ковалевской (Ф.В. Корвин-Круковский, С.И. Ламанский и Ю.В. Лермонтова), помня о родственных чувствах А.И. Косича и его горячем желании принимать участие в жизни семьи Ковалевских, решили обратиться к саратовскому губернатору в надежде на помощь и совет.

Письмо Ф.В. Корвин-Круковского

Федор Васильевич Корвин-Круковский (1855–1920) – младший брат С.В. Ковалевской. По его собственному признанию, его общение с сестрой не было слишком близким, так как их жизненные пути почти не сходились: в раннем детстве разделяла возрастная разница в пять лет, впоследствии он учился в гимназии в Петербурге, а Софья Ковалевская уехала за границу; в основном их личное общение было ограничено периодами ее приездов в Россию. После смерти сестры он написал небольшой мемуарный очерк о ней, опубликованный в журнале «Русская старина»¹⁶. Ф.В. Корвину-Круковскому перешло семейное имение Полибино, но он, по свидетельствам родственников¹⁷, плохо справлялся с управлением имуществом и, в конце концов, проиграл имение в карты. С.В. Ковалевская постоянно проявляла обеспокоенность в связи с финансовыми затруднениями брата («...ужасная эта беда с долгами Феди»¹⁸).

Смерть сестры произвела на Ф.В. Круковского тяжелое впечатление, и он сразу же после получения известия поспешил обратиться с письмом к А.И. Косичу как уважаемому родственнику,

¹⁴ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 407.

¹⁵ Муж С.В. Ковалевской, отец Фуфы, Владимир Онуфриевич Ковалевский (1842–1883), ученый-палеонтолог и зоолог, в возрасте 40 лет покончил жизнь самоубийством.

¹⁶ Корвин-Круковский Ф.В. Софья Васильевна Корвин-Круковская, в замужестве Ковалевская // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9; см. также: Корвин-Круковский Ф.В. Воспоминания о сестре // Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 369–374.

¹⁷ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 368.

¹⁸ Там же. С. 288.

имеющему авторитет и влияние в обществе. Дата отправления на письме не проставлена, что, скорее всего, объясняется эмоциональным состоянием автора, проявившего забывчивость, но рукой А.И. Косича на письме сделана надпись: «Получено 10 февраля». Письмо содержит описание внезапной и скоротечной болезни Софьи Ковалевской. Ее смерть была воспринята всеми людьми, близко знавшими ее, как внезапный и несправедливый удар судьбы, оборвавший ее жизнь именно в тот момент, когда она была полна надежд на личное счастье и чувствовала в себе силы на дальнейшие научные труды. Как и все другие друзья и родственники С.В. Ковалевской, Ф.В. Корвин-Круковский тем более был поражен известием о ее смерти, что в начале болезни доктора надеялись на благоприятный исход [Кочина 1981, с. 175].

Главное в письме Ф.В. Корвин-Круковского А.И. Косичу – выражение обеспокоенности по поводу будущей судьбы дочери С.В. Ковалевской. Очевидно, вопрос об опекунстве со стороны его самого как наиболее близкого родственника Софьи Ковалевской и как родного дяди Фуфы даже не возникал в связи с его крайне затруднительным материальным положением, что, видимо, автор письма подразумевал как само собой разумеющееся и в письме к Косичу даже не заводил речь о своей возможной роли.

Многоуважаемый Андрей Иванович!

Ужасное и столь неожиданное известие о смерти Софьи до такой степени поразило меня, что я едва могу собраться с мыслями, чтобы написать Вам несколько слов и сообщить те немногие подробности, которые до сих пор удалось получить из Стокгольма.

Из письма профессора Гюльдена¹⁹ мы узнаем, что еще в пятницу 25 января (ст. ст.) Софа была у него в гостях, но уже чувствовала себя не совсем хорошо и вернулась домой раньше обыкновенного. В первое время болезнь ее не представляла, по-видимому, серьезной опасности, и доктор имел надежду на благополучный исход; и только в последний день болезнь неожиданно и быстро повернула к худшему. В ночь с понедельника на вторник Софе стало так дурно, что послала за мадам Гюльден²⁰, которая придя к ней, нашла ее уже умирающей, и через четверть часа Софа скончалась. Всех удивляет такая странная форма болезни, и я могу объяснить себе ее только каким-нибудь осложнением, по всей вероятности, пороком сердца, на что она часто жаловалась при жизни. Объясняют также простудой во время переезда с юга

¹⁹ Гюльден, Йохан Аугуст Гуго (1841–1896) – шведский ученый-астроном, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук; семья Гюльденов входила в круг шведских друзей С.В. Ковалевской.

²⁰ Тереза Гюльден, жена шведского астронома Йохана Гуго Гюльдена.

Франции, где Софа проводила рождественские каникулы и только за несколько дней до начала болезни вернулась в Стокгольм.

Какое ужасное несчастье эта смерть! Не говоря уже о горе для родственников и всех близко знавших Софу людей, какая эта утрата для науки и для всего общества! Ведь она умерла в полном расцвете умственных сил, сравнительно недавно достигши результатов многих лет упорного труда.

Вместе с известием о смерти Софы была получена телеграмма от Юлии Всеволодовны Лермонтовой о том, что она едет в Стокгольм за Фуфой. Но теперь она решила отложить эту поездку. И действительно, было бы неблагоразумно вести Фуфу в Россию в настоящее время года, подвергая ее опасности простуды. Относительно же участи ее на первых порах беспокоиться особенно нечего, так как в семье у Гюльденов она как дома. Лучше дожидаться весны, и тогда перевезти Фуфу. Но вот вопрос о дальнейшей судьбе девочки и ее воспитании имеет гораздо более серьезное значение. Хотя Академия наук и решила принять участие в этом и определить Фуфу в институт²¹ на казенный счет, но вряд ли такая форма будет принята дядей Фуфы Александром Онуфриевичем Ковалевским²² (который будет, вероятно и опекуном), так как она не соответствует желаниям Софы, не любившей вообще институтского воспитания. Лучше было бы, если возможно, хлопотать о стипендии. Впрочем, вообще вопрос о будущем Фуфы едва ли может быть решен до приезда Александра Онуфриевича, который теперь в Одессе.

Будьте здоровы, многоуважаемый Андрей Иванович, от души желаю Вам всего лучшего и остаюсь преданный Вам

Федор Корвин-Круковский

В тексте письма Ф.В. Корвин-Круковский выразил соображение о том, что самым вероятным опекуном следует считать дядю Фуфы по отцовской линии А.О. Ковалевского, проявил осведомленность относительно обстоятельств ее жизни в семье шведских друзей С.В. Ковалевской Гюльденов (у которых «она, как дома») и сообщил А.И. Косичу о большой решимости Ю.В. Лермонтовой на правах лучшей подруги умершей и крестной матери Фуфы принимать участие в воспитании девочки. В ближайшем окружении С.В. Ковалевской эта решимость Ю.В. Лермонтовой не подвергалась ни малейшему сомнению, так как она фактически была

²¹ Имеется в виду Институт благородных девиц.

²² Ковалевский Александр Онуфриевич (1840–1901) – русский биолог, основоположник эмбриологии и физиологии; член Петербургской Академии наук, профессор Петербургского университета. Брат мужа С.В. Ковалевской Владимира Онуфриевича Ковалевского, отца Фуфы (Софы Владимировны Ковалевской).

«второй матерью» Фуфы, у которой та проживала в раннем детстве до переезда в Стокгольм, а впоследствии постоянно проводила каникулы.

Вместе с тем Ф.В. Корвин-Круковский, обращаясь к А.И. Косичу и, видимо, учитывая его высокое положение и влияние во властных кругах, заострял вопрос о возможности назначения Фуфе стипендии на дальнейшее обучение от Академии наук. Постановка этого вопроса была связана с известием о готовности Академии наук принять участие в судьбе дочери прославленной учеными трудами соотечественницы в форме ее определения за казенный счет в Институт благородных девиц. Ф.В. Корвин-Круковский в связи с этим напоминал, что С.В. Ковалевская к институтскому образованию девушек относилась неприязненно. В этом она была неодинока. Так, в одном из многочисленных мемуаров воспитанниц институтов благородных девиц отмечалось: «В первое время было особенно тяжело потому, что дома я жила на свободе, никогда не слыхала грубого слова и не знала что такое страх. В институте я чувствовала себя, как птица в клетке, и утратила веселость и живость. <...> Наказание за всякую мелочь, грубость воспитанниц – все это угнетающе действовало на мягкие и нервные натуры, забивая их, а в детях с развитой индивидуальностью развивало дерзость, непослушание, желание сделать назло, обмануть и помучить»²³.

Именно вопрос о возможности назначения Софье Ковалевской-младшей академической стипендии является главным в следующем по времени письме, полученным саратовским губернатором, на сей раз от С.И. Ламанского.

Письма С.И. Ламанского

Сергей Иванович Ламанский (1841–1901) – русский ученый, физиолог и физик, автор исследований о нефтяном газе, преподавал в Медико-хирургической академии и Варшавском университете, занимался техническими проектами газового освещения столицы. С.И. Ламанский – сын сенатора и чиновника Министерства финансов И.И. Ламанского (1794–1879), брат крупного финансиста, управляющего Государственным банком Е.И. Ламанского (1825–1902) и историка-слависта, славянофила, профессора Санкт-Петербургского университета, академика В.И. Ламанского (1833–1914).

С.И. Ламанский, в молодости испытывавший увлечение Софьей Ковалевской, впоследствии на протяжении всей жизни был

²³ Воспоминания институтки шестидесятых годов // Русская старина. 1909. Т. 140. № 10. С. 171–172.

преданным другом и поверенным в материальных делах семьи Ковалевских²⁴. Он занимался финансовыми вопросами, переговорами с издателями сочинений Ковалевской, пересылкой ей книг и журналов из России²⁵. Управление материальными делами было не всегда эффективным, но Ламанский был незаменим как своего рода «связующее звено» с Россией. Характерна запись в дневнике С.В. Ковалевской от 17 мая 1890 г.: «Приехала в Петербург. Никто не встретил на железной дороге. Вечером пришел Ламанский и выложил мне все сплетни, ходящие на мой счет»²⁶.

После смерти С.В. Ковалевской С.И. Ламанский писал Ю.В. Лермонтовой: «Тяжело помириться с этой утратой. Трудно встретить вторую женщину, в которой было такое счастливое сочетание глубокого ума с талантом, веселостью и живостью характера»²⁷. С большой энергией Ламанский включился в хлопоты об устройстве воспитания и обучения дочери Ковалевской. Публикуемые два письма С.И. Ламанского А.И. Косичу содержат самую подробную информацию о той деятельности, которую он развернул в попытке добиться назначения Софье Ковалевской-младшей пенсии от Санкт-Петербургской Академии наук.

18 февраля 1891 г.

Милостивый государь Андрей Иванович!

В дополнение к моему письму сообщаю Вам, что я убедил Александра Онуфриевича Ковалевского, дядю Фуфы, написать частное письмо великому князю Константину Константиновичу²⁸, которое могло бы послужить официальным основанием для предложения о пенсии Фуфы. Кроме того, некоторые знакомые Софьи Васильевны обещались говорить с Тертием Ивановичем Филипповым²⁹ и говорили

²⁴ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 508 (коммент. С.Я. Штрайха).

²⁵ Там же. С. 288–289.

²⁶ Там же. С. 181.

²⁷ Там же. С. 532.

²⁸ Великий князь Константин Константинович (1858–1915) – сын великого князя Константина Николаевича, брата императора Александра II, генерал-адъютант, с 1889 г. президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, поэт и переводчик (поэтический псевдоним *К. Р.*) Именно к нему А.И. Косич обращался с письмом о содействии возвращению С.В. Ковалевской в Россию. За несколько лет до этого вел. кн. Константин Константинович дважды встречался с С.В. Ковалевской и выражал надежду на ее возвращение в Россию.

²⁹ Филиппов Тертий Иванович (1826–1899) – государственный деятель Российской империи, государственный контролер с 1889 по 1899 г.

уже с Д.М. Сольским³⁰, который обещался, коль скоро представление от великого князя Константина Константиновича пойдет к Делянову³¹, переговорить с последним и с Вышнеградским³².

Александр Онуфриевич Ковалевский в одно время с присланной мне газетой отправил письмо великому князю Константину Константиновичу, так что сегодня он должен был его получить. Я переговорю с некоторыми академиками еще раз, но они, как например Яков Карлович Грот³³, полагают, что они свое дело сделали.

Хотя мы здесь открыли подписку на фонд С.В. Ковалевской, но подписка идет до сих пор довольно туго. Шведские друзья С.В.³⁴, как мне сообщил Миттаг-Леффлер³⁵, открывают в различных странах среди друзей подписку на памятник на могилу С.В.

Фуфа останется до мая месяца в Стокгольме, когда за ней поедет Ю.Вс. Лермонтова и возьмет к себе. Где же Фуфа дальше будет, то это до сих пор не решено. Постоянная переписка Ю.Вс. Лермонтовой со мной и Александром Онуфриевичем не приводит к результату, и в полученном сегодня письме Юлия Всеволодовна предлагает нам

Был известен как церковный публицист и собиратель русского песенного фольклора; придерживался консервативных взглядов, являлся сторонником русского национального направления, был в дружеских отношениях с философом русского консерватизма К.Н. Леонтьевым, но в конфликтных – с К.П. Победоносцевым. Почетный член Петербургской Академии наук и Московской духовной академии, вице-председатель Императорского православного Палестинского общества.

³⁰ Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910) – русский государственный деятель, государственный секретарь (1867–1878), предшественник Т.И. Филиппова на посту государственного контролера (1878–1889), председатель Департамента законов (1889–1893).

³¹ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) – государственный деятель Российской империи; в царствование императора Александра III занимал пост министра народного просвещения (1882–1897).

³² Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – русский ученый-механик и государственный деятель; с 1888 г. почетный член Санкт-Петербургской Академии наук; с 1887 по 1892 г. возглавлял Министерство финансов.

³³ Грот Яков Карлович (1812–1893) – русский ученый-филолог; с 1889 г. вице-президент Санкт-Петербургской Академии наук.

³⁴ Среди шведских друзей С.В. Ковалевской известны семья Гюльденов, математик М.Г. Миттаг-Леффлер, писательницы Эллен Кей и А.-Ш. Леффлер-Эдгрэн.

³⁵ Миттаг-Леффлер, Магнус Густав (1846–1927) – шведский математик, профессор Стокгольмского университета; был известен как сторонник равноправия женщин.

сехаться для обсуждения всех вопросов, возникших как относительно воспитания Фуфы, так и других дел, остающихся неразрешенными за смертью Софьи Васильевны.

Примите уверение в моем почтении, готовый к услугам

С. Ламанский

22 февраля 1891 г.

Милостивый государь Андрей Иванович!

Сейчас получил следующую записку от вице-председателя Академии наук Якова Карловича Грота: «Долгом считаю сообщить Вам, что гр. Делянов считает невозможным просить пенсии для Сони Ковалевской, потому что на пенсию имеют право только такие сироты, чьих отцы или по отца мать получали таковую, о чем сегодня пишу это и А.О. Ковалевскому».

Этот чисто формальный отказ сделан Деляновым несмотря на желание великого князя Константина Константиновича и членов Академии наук почтить память С.В. Ковалевской.

Из газеты «День»³⁶ я узнал, что Вы собираетесь в скором времени приехать в Петербург. Если Вы проездом остановитесь в Москве, не поvideаетесь ли Вы с Ю.В. Лермонтовой (Старая Конюшенная, дом Курилко, кв. 5), она имеет прямые сведения о M-me Gulden, у которой осталась Фуфа. Вообще она может Вам многое сообщить о состоянии дел С.В. и будущем Фуфы.

Примите уверение в совершенном почтении, готовый к услугам

С. Ламанский

Как следует из публикуемых писем, С.И. Ламанский и несколько друзей и знакомых С.В. Ковалевской приложили неординарные усилия к тому, чтобы решить вопрос о назначении ее дочери пенсии от Петербургской Академии наук. Они обращались к действительным и почетным членам Академии наук, занимавшим в то же время высокие посты, в основном в финансовом ведомстве, среди которых упоминаются Т.И. Филиппов, Д.М. Сольский, И.А. Вышнеградский. Напрямую обращались к президенту Академии великому князю Константину Константиновичу и вице-президенту Я.К. Гроту. Но все усилия оказались безрезультатными. Видимо, сочувствие вел. кн. Константина Константиновича было формальным и ему не сопутствовала решимость отстаивать положительное решение вопроса, а главную роль сыграла позиция министра просвещения И.Д. Делянова, отказавшегося писать прошение о выдаче

³⁶ «День» – газета политическая, общественная и литературная; выходила в Санкт-Петербурге в 1888–1895 гг.; редактор и издатель Н.А. Россовский.

пенсии Софье Ковалевской-младшей на том основании, что на такую пенсию она имела бы право, согласно действовавшим распоряжениям, только в том случае, если бы ее получали ее умершие родители.

Конечно, в такой ситуации уже не имела бы значения помощь и поддержка саратовского губернатора в каких бы то ни было дальнейших хлопотах о пенсии. Поэтому С.И. Ламанский всего лишь информировал А.И. Косича о неутешительных итогах предпринятой инициативы. Вместе с тем он постарался привлечь Косича к решению самого неотлагательного семейного вопроса о том, кто возьмет на себя обязанности по воспитанию Сони Ковалевской и станет ее официальным опекуном. Сразу несколько человек изъявили такую готовность. Это были: ее дядя А.О. Ковалевский; крестная мать Ю.В. Лермонтова; крестный отец, знаменитый русский ученый-физиолог И.М. Сеченов³⁷; близкий друг С.В. Ковалевской в последние годы ее жизни, историк и социолог М.М. Ковалевский.

С.И. Ламанский поддержал предложение Ю.В. Лермонтовой съехаться ближайшим друзьям С.В. Ковалевской для решения вопроса о воспитании ее дочери и попросил А.И. Косича, собиравшегося в поездку в Петербург, по возможности, будучи проездом в Москве, встретиться с ней лично.

Письмо Ю.В. Лермонтовой

Юлия Всеволодовна Лермонтова (1847–1919) – троюродная племянница знаменитого поэта, одна из первых русских женщин-химиков, работавшая в лаборатории А.М. Бутлерова в Петербургском университете, переводившая на иностранные языки труды Д.И. Менделеева, одна из первых исследователей свойств нефти; была принята в члены Русского химического общества и Русского технического общества. Ю.В. Лермонтова была ближайшей подругой С.В. Ковалевской, прошедшей вместе с ней трудные дороги

³⁷ Жена И.М. Сеченова М.А. Сеченова (Бокова) писала Ю.В. Лермонтовой 6 февраля 1891 г. из Парижа: «Дорогая Юлия Всеволодовна! Мы ужасно поражены смертью Софьи Васильевны. Можно легко представить, каково наше горе. Мысль непосредственно переносится к Фуфочке. Где она теперь, у кого будет, кому поручила ее Софья Васильевна, если успела сделать какие-нибудь распоряжения на ее счет. Вы знаете, что мы оба, то есть я и Иван Михайлович, очень склонны любить эту милую девочку. Нам хотелось бы принять возможно близкое участие в ее судьбе, на что имя крестного отца дает И.М. полное право. Пожалуйста, напишите нам точас по получении этого письма. Это вопрос для нас обоих очень важный» (*Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 356*).

учебы, научной деятельности и жизненные перипетии в России и за рубежом. В 1878 г. она вместе с И.М. Сеченовым стала восприемницей при крещении дочери С.В. Ковалевской. Именно Ю.В. Лермонтова занималась воспитанием Фuffy до того момента, как С.В. Ковалевская смогла организовать совместную жизнь с дочерью в Стокгольме, и впоследствии всегда принимала самое большое участие в жизни девочки, называвшей ее не иначе как «мамой Юлей». В свою очередь, С.В. Ковалевская безгранично доверяла Ю.В. Лермонтовой; в письме к Терезе Гюльден она признавалась, что лучшая подруга «сосредоточила всю любовь своего сердца на моей маленькой Соне»³⁸.

Публикуемое письмо Ю.В. Лермонтовой от 2 марта 1891 г. является ответом на письмо А.И. Косича от 26 февраля 1891 г. Косич писал: «Я подавлен несчастьем общей нашей невознаградимой потери. Я телеграфировал по получении депеши о смерти Софы: Leffler, Феде и С.Ф. Шуберт и даже вам в Стокгольм»³⁹. Автор письма вновь возвращался к теме о безуспешных попытках возвращения Софы Ковалевской в Россию: «Как грустно, что Софа похоронена в Стокгольме; хотя бы это утешение не было от нас отнято, чтобы ее прах покоился в России, которая не успела пригреть ее у себя»⁴⁰. Косич сообщал в этом письме о своей предстоящей поездке в Петербург и о своем намерении встретиться с Ю.В. Лермонтовой, будучи проездом в Москве.

Вопрос, который в наибольшей степени занимал Ю.В. Лермонтову, был о возможном удочерении Фuffy ее дядей А.О. Ковалевским или несостоявшимся мужем матери М.М. Ковалевским. А.О. Ковалевский с самого начала выразил готовность прислушиваться к мнению Ю.В. Лермонтовой; он писал ей: «Вы можете быть вполне уверены, что ни на один серьезный шаг я не решусь, не посоветовавшись с Вами и не переговорив с Вами самым подробным образом. Я уверен, что могу даже обещать, что ни на что серьезное не решусь без вашего согласия»⁴¹. Большие опасения Ю. Лермонтовой вызывала возможная реакция М.М. Ковалевского, к которому она относилась неоднозначно. Отношения Софы Ковалевской со столь же знаменитым, как и она сама, однофамильцем, были сложными, их роман доставлял ей много переживаний, далеко не всегда счастливых. Летом 1890 г. они провели вместе два месяца, путешествуя по Европе, и на июнь 1891 г. была намечена свадьба [Кочина 1981, с. 173]. После смерти С.В. Ковалевской М.М. Ковалевский

³⁸ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 282.

³⁹ Там же. С. 357.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 528.

признавался в письме к Ю.В. Лермонтовой, что «в их отношениях с Софьей Васильевной было много такого, что трудно понять людям посторонним»⁴². В свою очередь, А.О. Ковалевский, считавший удочерение Фуфы М.М. Ковалевским «невозможным», не хотел обижать его резким отказом, учитывая желание Софьи Ковалевской связать с ним свою судьбу и тот факт, что мысль об удочерении принадлежала именно ей⁴³. Уже в письме от 6 марта 1891 г. А.О. Ковалевский извещал Ю.В. Лермонтову, что столь пугавшее ее удочерение М.М. Ковалевским не состоится⁴⁴.

Москва, 2 марта 1891 г.

Милостивый государь Андрей Иванович!

Меня очень обрадовало получение Вашего письма, тем более что я сама в это время порывалась написать Вам.

Столь неожиданная, несвоевременная во всех отношениях кончина Софьи Васильевны как громом поразила меня. Я и до сих пор не могу еще хорошенько придти в себя и взвесить всю неизмеримость утраты, понесенной как обществом, так и ее близкими друзьями. Теперь остается одно утешение – сосредоточить все свои заботы на Фуфе, на ее дальнейшем воспитании и образовании.

Здесь много еще неразрешенных вопросов. Друзья Софьи Васильевны в Швеции, и кажется также М.М. Ковалевский⁴⁵, думают, что Фуфе лучше было бы кончить свое гимназическое и быть может и университетское образование в Стокгольме, а только каждое лето приезжать ко мне в Россию. Я же полагаю, что Фуфе, как русской девочке, следует учиться в России, по крайней мере здесь получить среднее образование, и полагаю, что и Софья Васильевна желала этого же самого. Понятно, что я горячо желаю, чтобы она у меня нашла себе родное гнездо, и знаю, что она нигде не будет себя чувствовать так у себя дома, как у меня.

А.О. Ковалевский со своей стороны очень желает взять ее к себе. Конечно, его общество, равно как и влияние его старшей дочери⁴⁶, очень

⁴² Там же. С. 358.

⁴³ Там же. С. 357.

⁴⁴ Там же. С. 528.

⁴⁵ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист и социолог, общественный деятель, один из руководителей масонских организаций, академик Санкт-Петербургской академии наук. В 1887 г. по приказу министра просвещения И.Д. Делянова был уволен из Московского университета, после чего жил за границей и читал лекции по приглашениям в ряде европейских университетов. С С.В. Ковалевской познакомился в 1888 г. в Швеции.

⁴⁶ Имеется в виду старшая дочь А.О. Ковалевского Ольга Александровна Ковалевская.

милой девушки, для Фуфы могло бы быть только благотворное, но дело в том, что жена А.О. (между нами будет сказано) женщина необразованная⁴⁷, простая по происхождению и, как я слышала, не особенно хорошего характера, поэтому я думаю, что Фуфе быть у меня все-таки лучше.

Весною, в мае, я полагаю ехать за Фуфой в Швецию, а до этого времени все эти вопросы должны быть разрешены так или иначе. Для этого мне, вероятно, придется ехать в Одессу и повидаться лично с А.О. Ковалевским. Письменные переговоры трудно приводить к определенному решению вопроса.

Я очень обрадовалась известию, что Вы в начале марта поедете в Петербург и, быть может, проездом в Москве найдете возможным заехать ко мне. Мне бы очень хотелось с Вами как с человеком расположенным обсудить все эти вопросы и узнать Ваше мнение.

Каждому из нас трудно на себя одного взять ответственность за будущую судьбу Фуфы, и потому происходит вредная для девочки нерешительность. Еще один весьма важный вопрос – это вопрос об отношениях к Фуфе М.М. Ковалевского. Если мы увидимся с Вами в Москве, то лучше переговорить об этом лично – писать пришлось бы слишком много. Во всяком случае должна сказать Вам свое мнение, которое не сходится с мнением друзей Софьи Васильевны в Швеции и отчасти и в России – мне не особенно нравится этот проект усыновления Фуфы, и какое-то внутреннее чувство говорит мне, что из деликатности к памяти Софьи Васильевны следовало бы от этого отказаться. Впрочем, об этом мы подробно переговорим при свидании.

Покуда до весны Фуфа устроена хорошо, посещает по прежнему школу, учится Закону Божьему у русского священника, по своему собственному желанию, посещает раз в неделю семейство секретаря посольства Арсеньева⁴⁸, где с ней занимаются русским чтением и правописанием. Теперь надеюсь, что она до весны не забудет по-русски. Семейство Гюльден, где она живет, прекрасные люди и очень ее любят. Я пишу ей каждую неделю и она мне также. Однако боюсь утомить Ваше внимание и кончаю свое письмо просьбою нам непременно свидеться в Москве. Надеюсь, что разговор с Вами уяснит многие вопросы.

С совершенным уважением
Ю. Лермонтова

⁴⁷ Имеется в виду жена А.О. Ковалевского Татьяна Кирилловна Ковалевская (Семенова).

⁴⁸ Арсеньев Сергей Васильевич (1854–1922) – русский дипломат, сотрудник русских посольств в Швеции и Норвегии; один из членов-учредителей Императорского православного Палестинского общества. Семья С.В. Арсеньева включала в себя его супругу Екатерину Васильевну Арсеньеву (Шеншину) и их детей: Василия, Николая, Юрия.

P.S. Сейчас получила портрет Софьи Васильевны, за который несказанно благодарна Вам. Портрет в «Русской старине»⁴⁹ действительно восхитительный.

В этом письме достойны внимания два момента, которые являются своего рода маркерами общественных настроений в окружении С.В. Ковалевской. Во-первых, это приверженность русскому национальному сознанию и стремление поддерживать на уровне семьи традиции национального воспитания и образования. Именно поэтому Ю.В. Лермонтова выступила против идеи шведских и некоторых русских друзей С.В. Ковалевской (прежде всего, М.М. Ковалевского) о завершении образования ее дочери за границей, убежденно утверждая, что «Фуфе, как русской девочке, стоит учиться в России». Здесь следует еще раз вспомнить о постоянной тоске Софьи Ковалевской по родине и о ее попытках вернуться в Россию. Ее тяготила невозможность говорить и выражать мысли по-русски во время жизни за границей: «...это все равно как если бы вас заставили ходить целый день с маской на лице»; «...всякий раз, как я возвращаюсь в Россию, мне кажется, что я вернулась из тюрьмы, где держали взаперти связанными мои лучшие мысли» [Кочина 1981, с. 172]. Как видно из публикуемого письма, С.В. Ковалевская успела предпринять шаги к тому, чтобы ее дочь, наряду с получением общего образования в шведской школе, имела возможность изучать русский язык и русскую литературу, а также воспитывалась в православной вере и училась Закону Божьему у русского священника. Особенно примечательно в письме упоминание о том, что Ковалевская-младшая раз в неделю посещала семейство секретаря русского посольства в Швеции С.В. Арсеньева, где с ней специально занимались русским чтением и правописанием. С.В. Арсеньев, дипломат и специалист в области русской, славянской и византийской истории, отец русского религиозного мыслителя, философа и богослова Н.С. Арсеньева [Лысков 2007] – еще один деятель политики и культуры из круга общения С.В. Ковалевской, наряду с семьей Ламанских, испытывавший глубокий интерес к славянофильским и национально-консервативным идеям о роли православно-славянской идентичности в цивилизационно-историческом выборе России. В этой связи можно упомянуть и об особом почтении С.В. Ковалевской к личности и творчеству Ф.М. Достоевского и о том, что в попытке добиться пенсии для Фуфы С.И. Ламанский большие надежды возлагал на консервативно-церковного публициста Т.И. Филиппова (последний, кстати, наряду с С.В. Арсеньевым был

⁴⁹ Портрет С.В. Ковалевской был помещен в журнале «Русская старина» в № 10 за 1890 г. Фототипию портрета исполнил В.И. Классен.

одним из учредителей Императорского православного Палестинского общества). Эти обстоятельства не согласуются с устоявшимся представлением о близости Софьи Ковалевской (автора повести «Нигилистка») к традициям освободительного (радикального) движения в России и, надо полагать, могут еще явиться немаловажным мотивом для дальнейшего, по возможности беспристрастного и объективного, изучения общественно-политических взглядов знаменитой русской женщины-математика. Здесь же подчеркнем еще один «маркер» общественных настроений в окружении Ковалевской, отразившийся в тексте публикуемого письма Ю.В. Лермонтовой. Одним из аргументов в ее позиции относительно удочерения Фуфы А.О. Ковалевским стала ссылка на необразованность и «простое происхождение» его жены. Культурные традиции и сословные предрассудки русского дворянства продолжали сохранять свое значение в семейном быту ее представителей, зачастую несмотря на «демократизм» занимаемой общественной позиции. Неслучайно, в свое время С.И. Ламанский сетовал на дурное влияние «демократизма» на воспитание сына сестры Ковалевской А.В. Жаклар [Румянцева 1997, с. 156–157].

Письмо «Фуфы» Ковалевской

Софья Владимировна Ковалевская (1878–1952) – дочь С.В. Ковалевской и В.О. Ковалевского. После смерти матери ее воспитанием занималась Ю.В. Лермонтова; в 1897 г. она закончила гимназию в Петербурге, потом училась на Бестужевских курсах и в Санкт-Петербургском медицинском институте. Ковалевская-младшая работала врачом в лаборатории, занималась переводами трудов С.В. Ковалевской на русский язык, оставила воспоминания о матери.

Публикуемое короткое письмо Соня Ковалевская написала в марте 1891 г. в ответ на послание, адресованное ей А.И. Косичем, о котором он упомянул в письме к Ю.В. Лермонтовой: «Я писал Фуфе, чтобы она рассчитывала на наш дом, как на самый близкий, родной»⁵⁰.

Дорогой дядя!

Благодарю вас за ваше доброе письмо, я очень хорошо вас помню, когда мы вместе с дорогой мамой были в Париже.

Кончина дорогой мамы была так неожиданна. Она была больна только четыре дня, должно быть, простудилась в дороге. Она ездила

⁵⁰ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 357.

на праздники в Ниццу к дяде Максиму Максимовичу Ковалевскому. Он приезжал на похороны сюда и позаботился поместить меня у М-м Гюльден, которая ко мне очень добра. Я продолжаю ходить в школу каждый день. Лето я, вероятно, проведу в России у Ю.В. Лермонтовой.

Крепко обнимаю вас, дорогой дядя.

Фуфа Ковалевская

Заключение

Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу, сохранившиеся в Государственном архиве Саратовской области, в фонде Саратовской ученой архивной комиссии, представляют собой достаточно интересный исторический источник. Основное их содержание связано с реакцией ближайшего окружения С.В. Ковалевской на ее скоропостижную кончину и с обсуждением вопросов относительно устройства жизни и обучения ее дочери – Сони (Фуфы) Ковалевской. Материалы архивной переписки дополняют многочисленными деталями картину повседневной реальности семьи и окружения Ковалевских, проливают свет на обстоятельства обращения в Петербургскую академию наук с просьбой о назначении стипендии дочери знаменитой соотечественницы и получения отката. Помимо того, мысли и суждения Ф.В. Корвин-Круковского, С.И. Ламанского, Ю.В. Лермонтовой, высказанные ими в переписке с А.И. Косичем, характеризуют общественные настроения в окружении Софьи Ковалевской.

Литература

- Афанасьева 2015 – *Афанасьева Ю.Ю.* Софья Ковалевская в воспоминаниях и критических исследованиях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 10. С. 195–198.
- Белоусова 2022 – *Белоусова О.В.* Родственные отношения внутри российской элиты Российской империи – недооцененный фактор или ложный след? // Российская история. 2022. № 4. С. 140–145.
- Воронцова 1957 – *Воронцова Л.* Софья Ковалевская. М., 1957. 341 с.
- Горшенин 2022 – *Горшенин А.В.* История жизни и научной деятельности советского микробиолога З.В. Ермольевой в документах российских федеральных архивов // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 916–928.
- Звавич 2021 – *Звавич В.И.* Бежавший от войны: О российском ученом-эмигранте Б.М. Сапире // История и архивы. 2021. № 2. С. 100–106.

- Кочина 1981 – *Кочина П.Я.* Софья Васильевна Ковалевская. М., 1981. 312 с.
- Кочуков 2010 – *Кочуков С.А.* Рушукский отряд в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (по воспоминаниям А.И. Косича) // Известия Саратовского университета. Новая серия «История. Международные отношения». 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 88–92.
- Кюнг 2022 – *Кюнг П.А.* Документ в системе документоведения и архивоведения: к построению единой теории // История и архивы. 2022. № 3. С. 105–116.
- Лысков 2007 – *Лысков А.П.* Николай Арсеньев: вдали от Родины, но сердцем с ней // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2007. № 3. С. 3–33.
- Пушкарева, Богдашина 2021 – *Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93–104.
- Румянцева 1997 – *Румянцева В.П.* Родословная Корвин-Круковских // Невельский сборник. СПб., 1997. Вып. 2. С. 146–157.
- Штрайх 1935 – *Штрайх С.Я.* С. Ковалевская. М., 1935. 240 с.

References

- Afanas'eva, Yu.Yu. (2015), "Sofya Kovalevskaya in the memoirs and critical research", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 10, pp. 195–198.
- Belousova, O.V. (2022), "Kinship relations within the Russian elite of the Russian Empire – an underestimated factor or a false footprint?", *Rossiiskaya istoriya*, vol. 4, pp. 140–145.
- Gorshenin, A.V. (2022), "History of life and science activity of Soviet microbiologist Z.V. Ermolyeva in the documents of the Russian federal archives", *Herald of an Archivist*, vol. 3, pp. 916–928.
- Kochina, P.Ya. (1981), *Sof'ya Vasil'evna Kovalevskaya* [Sofya Vasilyevna Kovalevskaya], Moscow, Russia.
- Kochukov, S.A. (2010), "Rushchuk detachment in the Russian-Turkish war of 1877–1878 (according to the memoirs of A.I. Kosich)", *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 10, no. 1, pp. 88–92.
- Kyung, P.A. (2022), "Document in the system of records management and archives administration. Towards a unified theory", *History and Archives*, no. 3, pp. 105–116.
- Lyskov, A.P. (2007), "Nikolay Arsenyev. Far away from the homeland but the hearts are with it", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 3, pp. 3–33.
- Pushkareva, N.L. and Bogdashina, I.V. (2021), "Personal provenance sources on the history of provincial daily life of Soviet women in the 1950–1960s, *Herald of an Archivist*, vol. 1, pp. 93–104.
- Rumyantseva, V.P. (1997), "Ancestry of the Korvin-Krukovskys", in *Nevel'skii sbornik*, Saint Petersburg, Russia, iss. 2, pp. 146–157.
- Shtrajkh, S.Ya. (1935), *S. Kovalevskaya* [S. Kovalevskaya], Moscow, USSR.

- Voroncova, L. (1957), "Sof'ya Kovalevskaya"[Sof'ya Kovalevskaya] , *Moscow, 1957.* 341 p.
- Zvavich, V.I. (2021), "Bezhavshij ot vojny: O rossijskom uchenom-emigrante B.M. Sapire" [Fleeing from the war. About Russian emigrant-scientist V.M.Sapir], *Istoriya i arhivy*, no 2, pp. 100–106.

Информация об авторах

Ольга В. Кочукова, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; kochukovasgu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Сергей А. Кочуков, доктор исторических наук, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; kochukovsgu1974@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3448-7457

Information about the authors

Olga V. Kochukova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Saratov State University, Saratov, Russia; bld. 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; kochukovasgu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Sergei A. Kochukov, Dr. of Sci. (History), State Archives of the Saratov Region, Saratov, Russia; bld. 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; kochukovsgu1974@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3448-7457

Дело «контрреволюционной группировки
церковников г. Егорьевска» 1935 г.
как пример преследования органами НКВД
движения «непоминающих»
в Православной Российской Церкви
(по материалам ГА РФ, ГА СО и ЦГА г. Москвы)

Вадим В. Никонов

*Гжельский государственный университет,
Гжель, Россия, nikonova-box2009@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается дело «контрреволюционной группировки церковников, состоящей из монахов, монашек и бывших людей г. Егорьевска», начатое в апреле 1935 г. В числе обвиняемых по делу оказались монашествующие, представители белого духовенства храмов г. Егорьевска и окрестностей, а также миряне, занимавшие активную процерковную позицию. Формальные обвинения, которые предъявлялись членам «контрреволюционной группировки», сводились к антисоветской агитации, направленной на срыв мероприятий, организуемых советской властью, распространению ложных слухов о ее скорой гибели и организации тайной церкви. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что главной целью возбужденного дела являлась атака на верующих, не принявших Декларацию 1927 г. Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и образовывавших группы истинно-православной церкви и непоминающих. В середине 1930-х гг. эти группы активно пополнялись за счет возвращавшихся из ссылки священно- и церковнослужителей, вынужденных селиться за пределами 100-километровой зоны от Москвы, в таких городах, как Егорьевск, Покров, Александров и др. Материал основан на документах из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Смоленской области и Центрального государственного архива Московской области.

Ключевые слова: антицерковная политика, Декларация 1927 г., истинно-православная церковь, митрополит Сергей (Страгородский), архимандрит Неофит (Осипов), непоминающие, Православная Российская Церковь, протоиерей Тихон Калинин

Статья поступила в редакцию 10 июня 2022 г.;

принята к публикации 18 октября 2022 г.

Для цитирования: Никонов В.В. Дело «контрреволюционной группировки церковников г. Егорьевска» 1935 г. как пример преследования органами НКВД движения «непоминающих» в Православной Российской Церкви (по материалам ГА РФ, ГА СО и ЦГА г. Москвы) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 47–62. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-47-62

The case of the “counterrevolutionary group
of churchmen of the town of Yegoryevsk” in 1935
as an example of the persecution by the NKVD
of the “non-commemorators” movement
in the Russian Orthodox Church
(based on the materials
of the GA of the Russian Federation, the GA of SO
and the Central State Administration of Moscow)

Vadim V. Nikonov

Gzhel State University, Gzhel, Russia, nikonova-box2009@yandex.ru

Abstract. The article deals with the case of the “counter-revolutionary group of churchmen, consisting of the monks, nuns and former people of the town of Yegoryevsk”, that began in April 1935. Among the defendants in the case were the monastics, the representatives of the white clergy from the temples in the town of Yegoryevsk and the surrounding area, as well as the laypeople who took an active church position. The formal charges brought against the members of the “counterrevolutionary group” were reduced to anti-Soviet agitation aimed at disrupting the events organized by the Soviet government, directed to spreading false rumors about its imminent downfall and to organizing a secret church. However, the archival documents indicate that the main purpose of the initiated case was an attack on the believers who did not accept the 1927 Declaration of Metropolitan Sergius of Nizhny Novgorod (Stragorodsky), the Deputy Patriarchal Locum Tenens, and who formed the groups of the True Orthodox Church and the non-commemorators. In the mid-1930s, those groups were mostly filled by the priests and clergymen returning from exile who were forced to settle outside the 100-kilometer zone from Moscow, in the towns such as Yegoryevsk, Pokrov, Alexandrov, etc. The material is based on the documents from the collections of the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of the Smolensk Region and the Central State Archives of the Moscow Region

Keywords: anti-church policy, 1927 Declaration, True Orthodox Church, Metropolitan Sergius (Stragorodsky), Archimandrite Neophyte (Osipov), non-commemorators, Russian Orthodox Church, Archpriest Tikhon Kalinkin

The article was submitted 10.06.2022;

accepted for publication 18.10.2022.

For citation: Nikonov, V.V. (2023), "The case of the 'counterrevolutionary group of churchmen of the town of Yegoryevsk' in 1935 as an example of the persecution by the NKVD of the 'non-commemorators' movement in the Russian Orthodox Church (based on the materials of the GA of the Russian Federation, the GA of SO and the Central State Administration of Moscow)", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 47–62, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-47-62

Введение: странная справка на арест

Формальным основанием для возбуждения весной 1935 г. дела «контрреволюционной группировки церковников, состоящей из монахов, монашек и бывших людей г. Егорьевска» стала справка на арест, в которой утверждалось наличие антисоветски настроенной группы, образовавшейся вокруг Казанского храма г. Егорьевска и состоявшей из семнадцати человек, «подлежавших аресту»¹. Однако даже такой обширный список не охватил всех предполагавшихся членов «группировки», и вскоре сотрудникам подмосковного НКВД пришлось составить дополнительную справку, в которой числилось еще три человека, имевших отношение к делу². Общий объем двух справок составил 8 машинописных страниц, что даже с учетом большого числа подлежавших аресту было явлением исключительным.

Не только объем справки (будем называть так совокупность обеих, так как вторая была фактическим продолжением первой) делает ее необычной в ряду подобных документов. Вопросы вызывает и ее содержание. Дело в том, что логика составления подобных справок предполагала, как правило, наличие у органов НКВД ряда свидетельских показаний, на основании которых и признавался факт противоправной деятельности. Причем первоначальные свидетельские показания должны были быть получены спецслужбами *до*, но не *после* составления справок на арест. Далее, в процессе следствия, старые и новые свидетели могли быть допрошены еще

¹ Справка на арест членов контрреволюционной группы церковников. 4 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 1–6.

² Справка на арест членов контрреволюционной группы церковников. 12 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 7–8.

и еще раз, но даты этих допросов, естественно, оказывались более поздними по сравнению с датами составления справок. При этом самые первые свидетельские показания, на основании которых справки и составлялись, очевидно, должны были иметь дату более раннюю, нежели дата на справке. Однако в деле, к рассмотрению которого мы приступаем, ничего подобного не наблюдается. Справка на арест была составлена 4 апреля 1935 г., а самые первые свидетельские показания датируются 9 апреля и далее идут довольно плотно.

Объяснений этому может быть три: либо свидетельские показания, давшие основание для возбуждения следственных действий, были, но по каким-то причинам в дело не попали; либо справка была составлена задним числом, т. е. уже после допросов свидетелей; либо никаких свидетельских показаний не было вовсе и справка являлась плодом аналитической работы органов НКВД, под результаты которой будущие свидетельские показания в дальнейшем подгонялись. Строго говоря, все три варианта возможны, но этот вывод не снимает вопроса о логике составления справки на арест «контрреволюционной группировки церковников» в апреле 1935 г.

Одно можно утверждать точно: сведения о будущих фигурантах дела на момент составления справки на их арест у сотрудников областного отделения НКВД имелись, причем довольно подробные, хотя и не всегда точные.

Основные фигуранты дела

С первых строк справка определяла основных подозреваемых в деле. Ими оказались схимонахиня Серафима (Дуганова) и протоиерей Тихон Калинин, названный «попом Тихоном Калининком». В справке было искажено не только его имя, но и краткие биографические данные: «Калинник Тихон Александрович, 1865 г. р., ур. Моск. обл., бывший жел. дор. служащий, сан попа принял после Октябрьской революции, имел свое имение в 45 дес. земли. Лишен избирательных прав. Служит попом в с. Ванилове Воскресенского района»³.

Подобных искажений биографических сведений о предполагаемых участниках «контрреволюционной группировки церковников» в материалах дела достаточно. На примере отца Тихона легко понять, были они случайными или намеренными.

³ Справка на арест членов контрреволюционной группы церковников. 4 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 5.

Из иных источников про священника Тихона Алексеевича Калинкина известно, что родился он 11 июня 1855 г. в Тульской губернии в крестьянской семье и первоначально не задумывался о духовном сане. В юности вместе со своим отцом крестьянствовал⁴, а в период 1877–1880 гг. служил в царской армии ефрейтором⁵. После службы поступил на Сызранско-Вяземскую железную дорогу кассиром, где и проработал до 1914 г.

В 1914 г. епископ Феодосий Смоленский⁶ рукоположил почти шестидесятилетнего Тихона Алексеевича во иерея, после чего тот «служил в различных церквях»⁷.

До революции отец Тихон проживал в селе Плещееве Издешковской волости Смоленской губернии, где у него имелось хозяйство, состоявшее из дома 8×9 арш. с надворными постройками, коровы, лошади, 3 десятин пахотной и 20 десятин лесной земли, что в сегодняшних мерах составляет в общей сложности примерно 26 га. Следует отметить, что такой большой участок не принадлежал священнику лично, но, согласно установленным в Синодальный период правилам, находился в пользовании причта храма, настоятелем или клириком которого он в те годы состоял. Вполне вероятно также, что и дом с надворными постройками отцу Тихону не принадлежал, а был частью храмового имущества.

По материалам, сохранившимся в архиве Смоленской области, в промежутке 1923–1925 гг. семья священника проживала в с. Потапове Гжатского уезда Смоленской губернии, где была зарегистрирована «Потаповская религиозная организация... со служителями культа священником Калинкиным Т.А. и псаломщиком Ефремовым Н.Е.»⁸. Тогда же отец Тихон впервые подвергся репрессиям. В архивном фонде смоленского губисполкома в списке лиц, лишенных избирательного права по Гжатско-Пригородной волости, от

⁴ Допрос обвиняемого Калинкина Т.А. 9 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 84–87 об.

⁵ Анкета арестованного Калинкина Т.А. 9 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 40, 40 об.

⁶ Архиепископ Феодосий (Николай Иванович Феодосиев, 1864–1943), епископ Польской и Русской Православных Церквей, архиепископ Смоленский и Дорогобужский (1908–1919).

⁷ Допрос обвиняемого Калинкина Т.А. 9 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 85.

⁸ Список Гжатско-Пригородного волисполкома по учету служебных культов и религиозных организаций, имеющих на территории волостей Гжатского уезда. 11 апреля 1925 г. // ГА СО. Ф. Р-2674. Оп. 1. Д. 53. Л. 106.

12 октября 1925 г. значится Калинин Тихон, 65 лет, служитель культа с. Потапово⁹.

Во второй половине 1920-х гг. семья священника возвращается в Тульскую губернию и оседает в родном селе Борятине, где владеет собственным домом 10×9 арш. (менее 50 кв. м.) с надворными постройками, коровой и землей в размере 3,5 десятины (примерно 3,8 га).

На рубеже 1920–1930-х гг., но не ранее 1926 г.¹⁰, отец Тихон с семьей перебирается в Виноградовский район Московской области, в котором оставалось несколько действовавших храмов [Никонов 2022], и становится жителем села Ванилова, где в 1935 г. его и арестовали. Здесь все его имущество составлял дом 7×7 арш. (менее 40 кв. м.) с постройками. Ни скотины, ни земли у семьи священника не было, однако в 1934 г. ему пришлось заплатить налог в размере 900 руб.¹¹

Таким образом, сведения об отце Тихоне в справке на арест, состоящие из шести пунктов, в пяти из них – ложные. Во-первых, было неправильно указано его отчество, во-вторых, священник родился не 1865, а в 1855 г., в-третьих, не в Московской, а в Тульской губернии, в-четвертых, он никогда не владел земельным наделом площадью 45 дес. (более 50 га в современных мерах), напротив – земли на момент ареста у него не было вовсе, и в-пятых, сан он принял не после, а до революции. Зачем нужно было на 10 лет уменьшать возраст 80-летнего предполагавшегося к аресту священника, приписывать ему несуществующую собственность и утверждать, что священником он стал после революции, в целом понятно. Так формировался образ врага: крупного землевладельца, принявшего сан при советской власти, значит, убежденного ее противника, кроме того, еще нестарого.

Помимо отца Тихона и схимонахини Серафимы, в число «руководителей контрреволюционной группировки церковников» входили также архимандриты Неофит (Осипов) и Прокопий (Марков), иеромонах Арсений (Смирнов) и некоторые церковнослужители егорьевских храмов. Кроме того, в справке, причем не под первым номером, как можно было бы предположить, исходя из его сана, фигурировал епископ Афанасий (Сахаров)¹².

⁹ Список лиц, лишенных избирательного права по Гжатско-Пригородной волости. 12 октября 1925 г. // ГА СО. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 25. Л. 134.

¹⁰ Список служителей культа Ваниловского религиозного общества. 1926 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 42. Л. 4 об. 5.

¹¹ Анкета арестованного Калинкина Т.А. 9 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 40.

¹² Афанасий (Сергей Григорьевич Сахаров, 1887–1962), епископ Русской Православной Церкви. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг.,

*Помощь ссыльным
как основной мотив преследования*

Примечательным представляется и то, какие именно деяния членов группировки, согласно справке, следовало квалифицировать как контрреволюционные. И здесь ее автор¹³ допускает нехарактерную для его коллег из НКВД оплошность: вместо того чтобы начать с общих, привычных обвинений, а ключевое «спрятать» в общем перечне, он с ключевого начинается. Тем самым он фактически раскрывает одну из основных причин (хотя, как будет показано ниже, не главную), ради которой и начиналось все дело: «Участники группировки, – читаем в документе, – принимают активное участие в организации помощи ссыльным за к/р деятельность попам и монахам, также дают помощь и ночлег возвратившимся из ссылки попам и монахам, осевшим за 100 клм. зоной»¹⁴.

Нет ничего удивительного в том, что в середине 1930-х гг. помощь ссыльным и возвращавшимся из ссылки со стороны неравнодушных людей была делом вполне обыкновенным. Репрессии в СССР в отношении Церкви проводились волнами. Одной из таких волн стал период рубежа 1920–1930-х гг., когда «попам и церковникам» приписывалось, наряду с привычными «а/с агитацией» и «к/р деятельностью», «активное сопротивление колхозному строительству». Под этим предлогом было арестовано значительное число духовенства и верующих мирян. Стандартным наказанием для церковников¹⁵ в то время было три года лагерей или ссылки. В отдельных случаях – пять. Так или иначе, но к середине 1930-х гг. у большинства осужденных заканчивался срок заключения, и они возвращались домой. Очевидно, что это были люди с искаленной судьбой, часто с подорванным здоровьем, а иногда и психикой, не имевшие возможности устроиться на достойную работу и в ряде

церковный педагог, литургист, активный член ИПЦ. Неоднократно арестовывался. Канонизирован в 2000 г. в лике новомучеников и исповедников Российских. В 2002 г. в г. Петушки Владимирской области состоялось великое освящение храма во имя святителя Афанасия Ковровского.

¹³ Здесь и далее: мы опускаем фамилию и занимаемую должность автора справки на арест как не имеющие принципиального значения для темы настоящей статьи.

¹⁴ Справка на арест членов контрреволюционной группы церковников. 4 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 1.

¹⁵ Этот термин для общего обозначения духовенства и мирян, близко связанных с Церковью, вопреки распространенному мнению, был в ходу не только в среде сотрудников ВЧК-ОГПУ-НКВД, но использовался и в церковной среде.

случаев проживать в родном городе или селе. Разумеется, им была необходима помощь и поддержка, хотя бы временные, чтобы как-то устроить свою жизнь.

Но даже эта помощь вызывала раздражение у властей. Уже освободившиеся узники, потерявшие три или даже пять лет жизни в страшных условиях ГУЛАГа, по мнению большевиков, должны были и после отбытия наказания оставаться изгоями и не иметь возможности пользоваться чьей-либо поддержкой. А те, кто такую поддержку оказывал, становились в глазах властей контрреволюционерами и должны были отправляться туда, откуда вернулись ими опекаемые.

Обозначив причину возникновения дела, автор справки перечисляет прочие деяния «контрреволюционной группировки», давно ставшие общими почти для всех следственных дел тех лет: «Участники группировки среди окружающего населения систематически ведут а/с агитацию, распространяют слухи о войне и гибели соввласти, проводят большую работу по привлечению населения к церкви, доказывая окружающим, что наступили времена антихриста, поэтому нужно как можно больше посещать церковь и молиться, прося бога об избавлении от антихристовой советской власти, которая разрушила православную церковь и устроила гонение на служителей церкви». Как видим, текст сплошь состоит из шаблонных фраз, поэтому читается бегло, вскользь. Однако в самом конце автор справки снова возвращается к главному основанию для ареста: «Квартиры участников группировки служат постоянным местом притона различных странников, юродивых, бездокументных попов, монахов и монашек, вернувшихся из ссылки и не имеющих права проживания в пределах Московской области». Таким образом, перечень преступных деяний «контрреволюционной группировки церковников» заканчивался тем же, с чего и начинался.

Допросы свидетелей

После арестов начались допросы свидетелей, среди которых были как местные жители, так и служители культа. Показания первых, как правило, напуганных самим фактом общения со следователем и зачастую готовых подтвердить все, что от них требовалось, представляли собой набор штампованных формулировок, отличавшихся одна от другой лишь деталями. Показания же священно- и церковнослужителей были куда более содержательными и разнообразными.

При рассмотрении дел, связанных с деятельностью духовенства и активных верующих, органы ВЧК-ОГПУ-НКВД часто старались

привлечь в качестве свидетелей людей, имевших отношение к Церкви. Причины понятны: во-первых, они хорошо знали внутренние механизмы церковной жизни, а во-вторых, сам факт участия церковников в политических процессах на стороне властей свидетельствовал о якобы существовавшем расколе в церковной среде.

В рассматриваемом деле таких свидетелей было шестеро. Их показания были особенно важны следствию потому, что в них содержались указания на глубинные мотивы настроений, доминировавших в «контрреволюционной группировке» и характерных для членов так называемой истинно-православной церкви, объединявшей духовенство и мирян, не принявших Декларацию 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского)¹⁶. В свидетельских показаниях духовенства присутствовало описание группы лиц, формировавшейся на основаниях куда более глубоких, нежели абстрактные антисоветские высказывания, упоминания о которых характерны для протоколов допросов рабочих и крестьян. Большевики в середине 1930-х гг. прекрасно понимали всю беспомощность такого рода заявлений, а вот за попытками организовать новую церковь или даже примитивную секту следили очень внимательно. Не зря же они в 1920-х гг. инспирировали один за другим серию церковных расколов [Снычев 1991; Мазырин 2020]. Цель была в том, чтобы ослабить Православную Церковь – «тихоновскую», как ее стали называть в прессе и в протоколах допросов, – а вовсе не в том, чтобы своими неуклюжими действиями заставить наиболее последовательных христиан объединиться на тех самых началах, для разрушения которых властями и предпринимались столь значительные усилия. В чем-то большевики, несомненно, своей цели достигли: Декларация митрополита Сергия (Страгородского) и в самом деле Церковь расколола, но те, кто ее не принял, неожиданно стали представлять серьезную угрозу.

Неслучайно в показаниях одного свидетеля – псаломщика Александро-Невского храма г. Егорьевска – неоднократно упоминается истинно-православная церковь – ИПЦ, «ячейка» которой быстро формировалась в Егорьевске, расширяясь за счет возвращавшихся из ссылки монашествующих и белого духовенства. Начался этот процесс в 1933 г. (тогда еще не была распространена практика перед самым концом срока добавлять еще несколько лет), в 1934 г. он стал массовым и в 1935 г. должен был продолжиться.

Освободившиеся ссыльные не имели возможности проживать в крупных городах и, как правило, в 100-километровой зоне вокруг Москвы. Поэтому они оседали в таких городах, как, например,

¹⁶ Протокол допроса свидетеля К-кого Е.В. 20 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 197–199 об.

Александров, Покров, Егорьевск и пр. Эти города становились местом компактного проживания большого числа священников и мирян, прошедших сталинские лагеря, но несломленных и сохранивших веру. Многие из них были хорошо образованны, что в представлении властей делало их еще более опасными. Поэтому формировавшаяся группа ссыльного духовенства вкупе с местным в советско-чекистской системе координат вполне могла представлять собой «контрреволюционную группировку церковников», что и дало название делу. В это же время и по таким же основаниям фабриковались дела в других районах Подмоскovie [Никонов, Ушатова 2018, с. 625].

В конце мая 1935 г. была проведена серия допросов лидеров «контрреволюционной группировки церковников» из числа монашествующих: архимандритов Неофита (Осипова) и Прокопия (Маркова), иеромонаха Арсения (Смирнова), схимонахини Серафимы (Дугановой).

В контексте цели организации всего дела важными для следствия стали показания архимандрита Неофита (Осипова)¹⁷. Это был самый образованный член «контрреволюционной группировки церковников» (в 1901 г. он окончил Духовную академию) и одновременно «опытный» страдалец за веру: к моменту ареста в 1935 г. он уже дважды был судим и провел в ссылках в общей сложности около шести лет [Орловский 2009]. С будущим патриархом Тихоном (Белавиным) он был знаком со времени учебы в Холмской духовной семинарии, ректором которой в те годы был Святейший. В 1918 г. иеромонах Неофит становится ризничим при патриаршем подворье и секретарем патриарха Тихона. Таким образом, архимандрит Неофит (Осипов) всю свою жизнь посвятил духовному образованию, был человеком ученым и сделал стремительную карьеру от сына военного в далеком провинциальном городке до помощника патриарха¹⁸.

Высокая образованность и печальный опыт арестов и ссылок наложили весьма выразительный отпечаток на показания отца Неофита. Живя в Егорьевске, он не афишировал свои взгляды, но и не скрывал их. Например, как следует из показаний хозяйки, у которой квартировал архимандрит Неофит, он ей, женщине очевидно посторонней, на ее вопрос, почему он молится у себя дома, а в церковь не ходит, якобы ответил: «Митрополит Сергей продал

¹⁷ Протокол допроса обвиняемого Осипова Николая (Неофита) Александровича. 26 мая 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 94–96 об.

¹⁸ См.: Хайлова О.И. «Авво мой родной!»: Жизнеописание, избранные труды и переписка преподобномученика Неофита (Осипова). М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 752 с.

православную церковь... я же – истинный христианин, не могу примириться с этим положением»¹⁹.

Его ответы на вопросы следователя отличаются мужеством, конкретикой и отказом назвать какие-либо имена: «О своем круге знакомств, – твердо заявляет архимандрит Неофит, – давать какие-либо показания отказываюсь»²⁰. На главный вопрос об отношении обвиняемого к Декларации митрополита Сергия он отвечает: «Я не признаю как сергиевскую, так и новообновленческую церковь и управление, так как не было церковного суда, который должен был бы осудить деятельность патриарха и его местоблюстителей»²¹.

Показания главного свидетеля

В длинном ряду свидетелей (более 20 человек), допрошенных по делу «контрреволюционной группировки церковников», особое место занимали показания некоего П.А. Г-нова, которые он давал 27 мая²² и 7 июня 1935 г.²³ Они отличались от прочих не только полнотой (два протокола его допросов занимают пятнадцать страниц против обычных одной–двух), но и глубиной оценок и точных свидетельств в буквальном смысле этого слова, ибо события, в них описанные, может излагать человек, несомненно, бывший лично их участником, то есть действительно *свидетелем*.

На вопрос о политической деятельности членов «контрреволюционной группировки церковников» Г-нов отвечает содержательно, причем избегает общих формулировок, таких как: «анти-советская деятельность», «контрреволюционная агитация» и пр. Все четко структурировано: «к советской власти настроены враждебно», «распускают слухи о ее скорой гибели», «являются приверженцами патриарха Тихона, считают, что Церковью управляет ОГПУ, а митрополит Сергей не более, чем ширма», «формируют вокруг себя группу недовольных, сами же являются ядром ИПЦ». «Во главе “группировки” стоят: монахиня Серафима, поп Тихон

¹⁹ Протокол допроса свидетеля И-вой Е.А. 20 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 200–201.

²⁰ Протокол допроса Осипова Николая (Неофита) Александровича. 21 мая 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 96.

²¹ Протокол допроса Осипова Николая (Неофита) Александровича. 2 июня 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 98 об.

²² Протокол допроса свидетеля Г-нова П.А. 27 мая 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 209–214 об.

²³ Протокол допроса свидетеля Г-нова П.А. 7 июня 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 232–235.

Калинкин, монашествующие Неофит, Арсений и Вениамин». Последнее важно, и свидетель это подчеркивает: «В числе руководителей “группировки” нет малообразованных монашек и старцев-прозорливцев – это рядовые члены, а ядро составляют люди хорошо образованные и целеустремленные».

Знает свидетель и биографии всех перечисленных лиц. Например, говоря об архимандрите Неофите, он не только точно называет учебные заведения, которые тот окончил, и места его служения, но и сообщает о том, что в 1902 г., например, его посылали как миссионера в Пекин, не говоря уже о его работе секретарем патриарха. Знает он также о судимостях отца Неофита и о его знакомстве с митрополитом Кириллом (Смирновым), о том, что последний являлся местоблюстителем патриаршего престола. Даже о том, что владыка Кирилл подарил отцу Неофиту священническое облачение, Г-нову откуда-то известно.

Но еще более удивительным является то, что свидетель в курсе события, о котором не знают даже самые близкие к архимандриту Неофиту члены «группировки». «Осенью 1934 г., – читаем показания Г-нова, – квартиру Вениамина²⁴ посетил прибывший из ссылки епископ Афанасий (Сахаров. – *В. Н.*), который был приведен архимандритом Неофитом. Целью посещения епископа Афанасия было исключительно восстановление связей с группировками истинного православия... Афанасий был выслан за тайные служения на домах и как участник к.р. группировки и был активный участник по организации нелегальных групп верующих в Москве из последователей Тихона. Афанасий в целях сохранения в тайне своего посещения приезжал в светском платье»²⁵. Удивления достойно то, что, несмотря на все меры предосторожности, которые принимал святитель Афанасий, чтобы сохранить в тайне свою встречу с архимандритом Неофитом, о ней знали не только сам архимандрит и хозяин квартиры иеродиакон Вениамин, но и свидетель П.А. Г-нов.

Не менее подробными сведениями располагал Г-нов и обо всех остальных «руководителях группировки». В качестве примера приведем выдержку из его показаний, касавшихся протоиерея Тихона Калинкина: «Поп Калинкин Тихон принадлежит к крайне реакционной части духовенства, не признает существующей духовной

²⁴ Имеется в виду иеродиакон Вениамин (Бажанов), бывший келейник патриарха Тихона. Дважды арестовывался. Весной 1935 г. вместе с руководством «контрреволюционной группировки церковников» осужден на 5 лет ИТЛ. На момент ареста проживал в д. Голубево неподалеку от Егорьевска.

²⁵ Протокол допроса свидетеля Г-нова П.А. 27 мая 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 214.

власти, считает ее пагубной для Русской Православной Церкви, что она якобы сотрудничает совместно с соввластью и помогает разрушать Православную Церковь. Калинин Тихон открыто противопоставляет себя существующей духовной власти, группируя вокруг себя своих единомышленников с целью создать антисинодскую церковь и встать во главе ее. Существующий синод неоднократно предлагал Калинин Тихону письменно принять хиротонию епископа, но Калинин отклонил, считая, что синод лишен благодати, и хиротонию хотел принять только от истинно православных епископов, пострадавших за веру православную со стороны соввласти»²⁶. Последний пассаж о том, что истинно православными священник якобы считал только тех иерархов, которые пострадали за веру от большевиков, выглядит особенно выразительным.

Единственным объяснением такой информированности свидетеля Г-нова и одновременно готовности последнего поделиться ею с органами НКВД может быть то, что он был их сотрудником. Из чего неопровержимо следует, что разрабатывать «контрреволюционную группировку церковников г. Егорьевска» УНКВД по МО начало задолго до возникновения собственно дела этой группировки. В пользу такого предположения говорит необъяснимая на первый взгляд осведомленность органов на момент составления справки на арест, где, как читатель помнит, перечислены практически все будущие арестованные по делу, причем с довольно подробным описанием их высказываний и действий, при том что никаких свидетельских показаний, полученных прежде составления справки, где эти высказывания и действия фигурировали бы, в деле не имеется. Приведенные соображения говорят о том, какое значение власти придавали движению «непоминающих».

Обвинение и приговор

В обвинительном заключении²⁷, составленном 9 июня 1935 г., было перечислено 17 членов якобы существовавшей в Егорьевске контрреволюционной группировки церковников из двадцати, поименованных в справке на арест. В обвинительное заключение не попали: некий монах Петр, о котором в справке на арест указано: «имя, отчество и фамилия неизвестны»; «монашка Агафоно-

²⁶ Протокол допроса свидетеля Г-нова П.А. 7 июня 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 233 об.

²⁷ Обвинительное заключение по следственному делу № 9138 по обвинению: Смирнова А.В., Дугановой А.Г., Калинкина Т.А., Маркова П.Е. и др. 9 июня 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 259–278.

ва Наталья проживает без прописки» и епископ Афанасий (Сахаров). Думается, первые двое не попали в число обвиненных в силу незначительности их фигур в ряду членов истинно-православной церкви. Что же касается епископа Афанасия (Сахарова), то взять его могли в любое время (в следующий раз его арестуют в апреле 1936 г. [Ежикова 2013, с. 124–129]), но именно сейчас по каким-то причинам решили не трогать. Возможно, и для того, чтобы проследить его связи среди деятелей ИПЦ, одним из лидеров которой он те годы являлся. Отметим, что в 1955 г. патриарх Алексий I принял в общение епископа Афанасия без покаяния, а в 2000 г. он был прославлен [Орловский 2020] Русской Православной Церковью в лике священноисповедника.

Заседание ОСО при НКВД по делу состоялось через 5 дней после составления обвинительного заключения – 14 июня 1935 г. Все обвиняемые были приговорены к ссылкам и лагерям. Сроки заключения были на три и на пять лет. Руководители «группировки» были осуждены на пять лет, а «рядовые» члены – на три года.

Заключение

Приведенные архивные документы позволяют сделать вывод о том, что раскрытие и обезвреживание Егорьевской ячейки ИПЦ было основной задачей НКВД в рассмотренном деле. Что касается помощи духовенству и монашествующим, возвращавшимся из заключения и ссылки, то это, с нашей точки зрения, представляло интерес для органов лишь во вторую очередь и только в том отношении, что большинство из этих людей могли пополнять (и пополняли, несомненно) группы отвергавших не только «обновленчество», но и «сергианство», а значит, любой компромисс с властью. Этим, а не материальной помощью, им оказываемой, они виделись опасными для боготорческого государства.

При этом власти не были заинтересованы в открытых обвинениях верующих в том, что они уходят из официальной Церкви в тайную. И неважно, что фактически дело шло к очередному внутрицерковному расколу, – это как раз было одной из целей большевиков на протяжении всего советского периода отечественной истории. Важно, что набиравшая силу и, как следствие, увеличивавшая число своих сторонников ИПЦ через оппозицию митрополиту Сергию становилась в еще большую оппозицию существующему строю [Каиль 2021]. В отличие, например, от обновленцев, которые были «проставнее», чем даже «сергиане», хотя формально от последних дистанцировались. Создававшаяся ситуация, будучи в середине 1930-х гг. неопределенной, представляла собой опасность уже не

только внутрицерковного, а еще одного общественного раскола, который власти терпеть не могли. При этом репрессии в отношении членов ИПЦ, разумеется, не рассматривались властями как средство консолидации Церкви и не означали ослабления антицерковной политики в целом.

Литература

- Ежикова 2013 – *Сергия (Ежикова)*, игумения. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. М.: СТСЛ, 2013. 400 с.
- Каиль 2021 – *Каиль М.В.* Православие в России 1914–1964 гг.: Опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. 2021. № 3. С. 74–86.
- Мазырин 2020 – *Мазырин А.В.* Сравнительная характеристика обновленческого и григорианского расколов 1920–1940-х гг. // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 178–186.
- Никонов 2022 – *Никонов В.В.* Проект «сноса» 26 селений Московской области из-за действовавших в них православных храмов. 1951 г. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 546–556.
- Никонов, Ушатова 2018 – *Никонов В.В., Ушатова Н.П.* За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 3. Загорновская волость. Гжель: ГГУ, 2018. 943 с.
- Орловский 2009 – *Дамаскин (Орловский)*, архим. Преподобномученик Неофит (Осипов) // Московские епархиальные ведомости. 2009. № 1–2. С. 98–112.
- Орловский 2020 – *Дамаскин (Орловский)*, архим. Канонизация святых и псевдоканонизация усопших подвижников: Проблемы и решения // История и архивы. 2020. № 3. С. 52–68.
- Снычев 1991 – *Иоанн (Снычев)*, митр. Расколы // Христианское чтение. 1991. № 6. С. 8–49.

References

- Kail, M.V. (2021), “Orthodoxy in Russia 1914–1964. The studying experience and public memory in the discourse of repressions and the search for alternative cognitive approaches”, The New Historical Bulletin, no. 3, pp. 74–86.
- Mazyrin, A.V. (2020), “Comparative characteristics of the Renovationist and Gregorian schism in the 1920s – 1940s”, Christian Reading, no. 2, pp. 178–186.
- Nikonov, V.V. (2022), “The ‘demolition’ project for the 26 villages of the Moscow region because of the Orthodox churches operating in them. 1951”, Herald of an Archivist, no. 2, pp. 546–556.
- Nikonov, V.V. and Ushatova, N.P. (2018), Za Khrista preterpevshie. Tserkov’ i politicheskie repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo raiona

- Moskovskoi oblasti. T. 3. Zagornovskaya volost' [Those who suffered for Christ. The Church and the political repressions of the 1920s – 1950s on the territory of the Ramenskoye district of the Moscow region. Vol. 3. Zagornovskaya volost], GSU, Gzhel, Russia.
- Damaskin (Orlovsky), Archimandrite (2009), "The Venerable Martyr Neophyte (Osipov)", Moskovskie eparkhial'nye vedomosti, no. 1–2, pp. 98–112.
- Damaskin (Orlovsky), Archim. (2020), "Canonization of saints and pseudo-canonization of deceased ascetics. Problems and solutions", History and Archives, no. 3, pp. 52–68.
- John (Snychev), metropolitan (1991), "Schisms", Christian Reading, no. 6, pp. 8–49.
- Sergiya (Yezhikova), abbess. (2013), Svyatitel' Afanasii (Sakharov), ispovednik i pesnopisets [St. Athanasius (Sakharov), confessor and hymnist], STSL, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вадим В. Никонов, кандидат педагогических наук, Гжельский государственный университет, Гжель, Россия; 140155, Россия, Московская область, Раменский район, пос. Электроизолятор, д. 67; nikonova-box2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9585-564X

Information about the author

Vadim V. Nikonov, Cand. of Sci. (Pedagogics), Gzhel State University, Gzhel, Russia; bld. 67, village Electrical insulator, Ramensky district, Moscow region, Russia, 140155; nikonova-box2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9585-564X

УДК 94(479.24)

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-63-78

Торговые связи Азербайджана с Россией в первой половине XVIII в.

Мирвари А. Эминова

Шекинский филиал

*Азербайджанского государственного педагогического университета,
г. Шеки, Азербайджан, mirvari.eminova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается влияние изменений в регионе, связанное с великими географическими открытиями и развитием капиталистических отношений в период позднего Средневековья, на характер и масштабы внешнеторговых отношений Азербайджана, и в первую очередь азербайджано-российских экономических отношений через Волго-Каспийский транзитный торговый путь. В статье показано, что русский царь Петр I, воспользовавшись новой ситуацией в регионе, связанной с утратой значения «Великого Шелкового пути», и глубоким упадком Сефевидского государства, начал предпринимать активные военно-дипломатические шаги для укрепления позиций России в международной торговле, превращения Волго-Каспийского торгового пути в главную артерию восточно-западной торговли, а главное, для установления прямых торговых отношений с Индией. В статье при решении этой весьма актуальной для азербайджанской историографии проблемы автор отказалась от традиционных подходов советской эпохи и на основе источников попыталась создать объективную картину азербайджано-российских торговых отношений в первой половине XVIII в.

Ключевые слова: страны Каспийского бассейна, транзитная торговля, шелк-сырец, конкуренция, товарно-денежные отношения, экспорт

Статья поступила в редакцию 3 июня 2022 г.;

принята к публикации 18 октября 2022 г.

Для цитирования: Эминова М.А. Торговые связи Азербайджана с Россией в первой половине XVIII в. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 63–78. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-63-78

Trade relations of Azerbaijan with Russia in the first half of the 18th century

Mirvari A. Eminova

*Sheki branch of the Azerbaijan State Pedagogical University,
Sheki, Azerbaijan, mirvari.eminova@mail.ru*

Abstract. The article mitropolitan the influence of changes in the region caused by the great geographical discoveries and of the development of capitalist relations during the late Middle Ages on the foreign trade relations of Azerbaijan, and, first of all, on the nature and scope of the Azerbaijan-Russia economic relations carried out through the Volga-Caspian transit trade route. The article shows that Russian Tsar Peter I, taking advantage of the new situation in the region due to the loss of the importance of the “Great Silk Road” and the deep decline of the Safavid state bigan strengthening Russia’s position in international trade, turning the Volga-Caspian trade route into the main artery of east-west trade, and most importantly, for establishing direct trade relations with India. In the article, while addressing that very topical issuesolving that issue which is quite relevant for Azerbaijani historiography, the author abandoned the traditional approaches left over from the Soviet era and tried to create an objective picture of Azerbaijan-Russia trade relations in the first half of the 18th century based on reliable sources.

Keywords: Caspian countries, transit trade, raw silk, competition, commodity-money relations, export

The article was submitted 3.06.2022;
accepted for publication 18.10.2022.

For citation: Eminova, M.A. (2023), “Trade relations of Azerbaijan with Russia in the first half of the 18th century”, *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 63–78, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-63-78

Введение

Изучение торговых отношений Азербайджана и России первой половины XVIII в. показывает, что невозможно решить вопрос без комплексного анализа всех факторов, влияющих на этот процесс. Это связано с изменением многовековых традиционных направлений мировых торговых путей, упадком «Великого Шелкового пути», являвшегося главной торговой артерией между Западом и Востоком на протяжении всего Средневековья, постепенным ограничением торговых отношений со странами бассейна Индийского океана, а также возрастанием значения Волго-Каспийского пути.

Таким образом, ряд изменений в позднем Средневековье оказали свое влияние на транзитную и внешнюю торговлю и Волго-Каспия, и Азербайджана. Однако эти процессы не ослабили передаточную деятельность азербайджанских городов, веками занимавшихся транзитной торговлей, а наоборот, заложили основу нового этапа. Несмотря на изменения направлений международных торговых путей, позиция Азербайджана в транзитной торговле, соединяющей север-юг и восток-запад, в то время оставалась все еще важной.

Волго-Каспийский регион, Кавказ, а также Азербайджан исторически находились в сфере геополитических интересов великих держав. Однако в рассматриваемый период эти интересы еще больше усилились и превратились в межгосударственные конкуренции. Азербайджан, исторически расположенный в центре торговых и миграционных путей, находился в наиболее чувствительном регионе Евразии. Главной особенностью географического строения региона было наличие природных ресурсов, транзитной торговли и транспорта, игравших роль крупного моста. И поэтому регион привлекал внимание крупнейших мировых государств как в политическом, так и в экономическом плане.

Одним из таких государств была Россия, выходявшая на побережье Каспия в XVI в., а в XVIII в., усилившись, превратившись в империю. В интересах России в целом важную роль имели Передняя Азия, Кавказ, Прикаспийские области, особенно Баку, Шемаха, Гилян, являвшиеся центрами шелковой торговли Востока, а также Индия. С геополитической точки зрения Азербайджан, расположенный на западном побережье Каспия, занимал особое место в планах Петра I.

До сих пор в историографии, несмотря на ее актуальность, эта тема не являлась объектом специального исследования, что было связано с рядом причин: во-первых, с отсутствием местных источников, утраченных из-за войн и беспорядков. Вторая причина связана с попыткой уничтожения истории Азербайджана внутри персидской истории, что затрудняло разработку темы. Однако использование выявленных источников (архивные документы других государств, дневники путешественников, письма, договорные документы) того времени дают возможность раскрыть суть проблемы. Архивные документы следует оценивать как богатый источник в области освещения торговых отношений Азербайджана с соседними странами и особенно с Российским государством. Некоторые документы, хранящиеся в российских архивах, имеют определенное научное значение даже при изучении внутренней торговли. Одним из таких архивов является Государственный архив Астраханской губернии (ГААО), где имеется фонд № 394 – «Астраханское губернское управление города Астрахани», в котором собраны почти

все решения местных органов власти XVIII в. Фонд имеет пять резервов (4 основных (первый в двух томах) и одно дополнение) [Торопицын 2016, с. 26]. В Государственном архиве Астраханской области хранится много материалов по истории Азербайджанского Сефевидского государства, отношениям Азербайджана с Россией, торговле.

Торговые отношения с Россией

В первой половине XVIII в. Южный Кавказ попал под влияние Переднеазиатского Сефевидского и Османского государств, разделенные восточные области были под влиянием Азербайджанской Сефевидской империи¹, а западные территории – Османской империи. Ослабление империй представляло большую опасность, усиливая интерес к регионам великих держав, пытавшихся получить выход на моря и океаны и захватить колонии.

Россия была крупнейшей страной в Северной Прикаспийской области. По сравнению с другими странами, планы России по Востоку, Кавказу и Азербайджану были более широкомасштабными. Поскольку первоначальной формой русского капитала исторически был торговый капитал, царь проводил политику развития торговли и постепенного формирования на этой основе промышленного капитала. После того как Северная война закончилась и ее исход стал ясен, Петр I предпринял ряд мер: особое внимание уделялось развитию торговли, мануфактуры, особенно открытию фабрик [Черникова 2018, с. 13]. Прикаспийские области, в том числе Азербайджан, были богаты сырьем и отвечали интересам России.

В первой половине XVIII в. зависимость России от привозимых в страну ценных металлов вынуждала царизм создать возможность

¹ Основанное в 1501 г. государство Сефевидов, принадлежавшее азербайджанским тюркам по происхождению государства и династии, территории, столице, языку, духу, превратилось в великую империю, завоевав в 1503–1510 гг. Иран, Ирак, Грузию, Восточную Анатолию и другие территории. Однако по разным субъективным причинам империя Сефевидов была ошибочно включена в историю как персидское государство. А средневековые источники отрицают этот факт. Иностранные путешественники и дипломаты (Антони Дженкинсон, Жан Шарден, Энгельберт Кемпфер, Джованни Франческо, Камелли Каррери) в своих трудах подтверждали, что государственным языком Сефевидов был турецкий язык, а известные русские историки (*Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 748; *Петрушевский И.П.* Государства Азербайджана в XV в. [Б. м.], 1949. С. 205] отмечали Сефевидов из тюркской династии.

укрепления в стране европейской торговли и играть определенную роль в восточной торговле. Однако уже с 30–50-х гг. XVIII в. увеличилась интенсивность торговли Российского государства со странами Востока. Торговля с Востоком велась в трех направлениях: от сибирской границы с Китаем, из Оренбурга и Троицкой башни со Средней Азией, из Астрахани с Ираном, Закавказьем и Средней Азией [Нижнее Поволжье 2003, с. 4].

Следует отметить, что основным стратегическим направлением торговли России на юго-востоке были Прикаспийские области – Азербайджан и восточные территории Ирана, принадлежавшие Сефевидам.

Русско-сефевидские отношения, связанные с каспийской торговлей, постепенно начали улучшаться после разрушения Казанского и Астраханского ханств Московским государством и укрепления его в Волго-Каспийском регионе. Во время деятельности Великого шелкового пути шелк и другие товары, производимые в Азербайджане, экспортировались азербайджанскими купцами в Европу через Персидский залив. А после расширения Волго-Каспийского пути выход на запад через более доступную и близкую Россию еще больше привлек внимание и Сефевидского государства. Московское государство также было заинтересовано в торговле с Сефевидским государством и стремилось вытеснить из региона своих западных соперников. Особый интерес для России представляла Ширванская область, где располагались богатые торговые центры Азербайджана. Это и стало основной причиной активности русских купцов в Шемахе и Баку.

В XVII в. важное место в торговых отношениях между двумя странами занимала привилегированная государственная торговля. У Сефевидов от пошлин освобождались товары, принадлежавшие царю, а в России – товары шаха.

Начиная с XVII в. христианские купцы стали проявлять активность в основных политических и торговых центрах мира, что было связано с рядом экономических и политических причин. Первыми и наиболее важными из них были длительные войны между Сефевидами и Османской Турцией в начале XVI и XVII вв., политика обоих турецких государств и предоставление привилегий армянам. В период распространения христианства на Восток, по сравнению с купцами-мусульманами, купцы-христиане, особенно купцы-армяне, больше занимались внешней торговлей, и им был предоставлен ряд привилегий в международной торговле. Это увеличило роль этих купцов в торговле. Следует отметить, что в то же время турецкие правители (Мехмет II, Султан Селим, Шах Аббас I) [Mantran 1990, с. 71; Faroqi 2000, с. 66; Наджафли 2010, с. 35] также дали привилегии христианам. Это событие увеличило число немусульман

в торговле по сравнению с мусульманскими купцами как в Османской Турции, так и в Азербайджане и Иране. Таким образом, начиная с XVI в. традиционная транзитная торговля и финансы попали в руки еврейского, греческого и особенно армянского меньшинств [Ziya Dinc 2003, с. 10].

Стремление царского правительства использовать армянских купцов в транзитной торговле в борьбе против своих соперников и заключение нового торгового устава не с Сефевидским государством, а с Джульфинской торговой компанией, основанной Сефевидами (устав от 31 мая 1667 г.)², и договор 1673 г., переподтверждавший этот документ, помогли усилить роль посредничества армян в торговле России с Восточной Европой и вызвали недовольство правительства Сефевидов.

Таким образом, с течением времени привилегии всех купцов, представлявших шаха в торговле, постепенно ограничивались, а отношения, основанные на равноправных торговых соглашениях между Сефевидами, менялись³. Сефевидским купцам в России запрещается торговля с иностранными купцами. Это особенно касалось нехристианских купцов. Датский посол де Родос, отмечая строгую охрану персидского посольства в Москве в 1650 г., показывал, что всем иностранцам запрещались связи с персидскими купцами⁴ под угрозой сурового наказания. «А им (персам), наложив строгий запрет на свободную торговлю, заявили, что «никто не может выйти или (выйдя) должен взять с собой 4–6 стрел»⁵. Это вызвало недовольство купцов Сефевидского государства. За исключением частных купцов шаха, другие мусульманские купцы из государства Сефевидов и торговавших самостоятельно вообще не могли пользоваться никакими привилегиями.

Политика Российского государства и монопольное положение армян со временем обострили русско-сефевидские отношения.

² ПСЗРИ, с 1649 по 1825 гг. Т. 1. СПб., 1830. С. 692. d. 409.

³ Там же. С. 688. d. 408 (77).

⁴ Следует отметить, что в некоторых источниках Азербайджанское Сефевидское государство ошибочно называлось Персидским государством, как и государственные купцы, в том числе и азербайджанские, были названы персидскими купцами. Однако персы были одним из более чем 10 этносов, проживающих в Иране. А все это понижало роль азербайджанских купцов в торговле. По неизвестным причинам азербайджанских торговцев на севере страны называли татарами, тех, кто торговал с русским государством – персами, а тюркских албанских торговцев, пытавшихся арменизировать, называли армянами.

⁵ *Курц Б.Г.* Состояние России в 1650–1655 гг.: По донесениям Родеса. М., 1915. С. 277.

Правительство шаха хотело участвовать в транзитной торговле. Шах, в целях устранения противоречий, накопившихся в отношениях и торговых связях между купцами двух стран, отправил в Московское государство посольства во главе с Юзбаш-Хусейн-беком (1689–1692) и Сарухан-беком (1700–1701)⁶. Согласно архивному источнику, шах Хусейн сообщил царю, что хочет выехать в Нидерланды посредством представителя, которого отправил за товарами в Россию. В письме шаха содержалась серьезная просьба, чтобы «по-прежнему» не взимались пошлины с шахских товаров в России, и о помощи купцу, которому дали разрешение выехать в Амстердам через Россию, а затем вернуться в Иран. Шах Хусейн, зная о потребности документов, подтверждающих принадлежность товара к шахской казне в России, в своем письме подчеркнул, что у купца будет список с печатью Махмуд-бека (май 1707 г.)⁷.

В 1712 г. Сефевидское государство отправило в Россию делегацию во главе с Фазл Али-беком (Фазлулла бек. – М. Э.) для регулирования торговых отношений двух стран [Торопицын 2009]. Фазл Али-бек, встретившись с графом Головкиным, поднял вопрос о беспрошлинном вывозе непроданных шахских товаров, в основном шелка-сырца, в Европу через Россию. Н.Г. Куканова, обратив на этот факт особое внимание, отметила, что «если раньше в транзитной торговле участвовали только представители частной армянской компании, то теперь в 1712 г. официальный представитель шахского правительства хотел разрешение на транзитную торговлю за границей» [Куканова 1977, с. 103].

В то же время посол представил канцлеру России графу Головкину жалобы 22 купцов из иранских подданных. Купцы жаловались, что их притесняют местные магистраты в русских городах.

Трудности, с которыми сталкивались мусульманские купцы, характеризовались и другими факторами. Так, к ним относились ограниченность привилегий, предоставленных Россией, трудности проживания мусульманской семьи в христианской стране, отсутствие мечетей в христианских странах.

Еще одна проблема азербайджанских купцов во внешней торговле была связана со спекуляцией. Предотвращение спекуляции, запрет ростовщичества в Коране (Сура II, аят 276) и ряд ограничений ислама в торговле стали противоречить экономической действительности. Хотя роль ростовщичества возрастала на фоне острой нужды в деньгах, мусульманские купцы не могли заниматься ростовщичеством и другими запрещенными видами деятельности,

⁶ RQADA. F. 77. Īnv. 2. D. 79. L. 1v.

⁷ Ibid.

так как подвергались суровому наказанию⁸. С другой стороны, запреты шариата не распространялись на немусульман. Армяне и индийцы, занимаясь ростовщичеством, нанесли тяжелый удар по экономической жизни государства Сефевидов, а также Азербайджана. Ж. Тавернье указывал, что деятельность ростовщиков – богатых индийских купцов – уничтожила население многих городов и деревень [Dadaşova 2003, s. 47]. Еще одним фактором, мешавшим работе мусульманских торговцев, была нестабильность в стране. Армяне, укрепившие свое влияние в Исфахане и новой Джульфе, смогли сохранить и укрепить свои позиции, используя привилегии, предоставленные им Российским государством. Этих привилегий азербайджанские купцы не имели. Однако регионы, удовлетворявшие потребность России в шелке, порты в Каспии, в которых русские корабли останавливались, главные города, куда стекались русские купцы, главные караванные пути из России на юг принадлежали Азербайджану. Шелк, составлявший основу торгового оборота, в основном производился в Азербайджане. Таким образом, два из трех центров производства шелка в государстве Сефевидов, такие, как Шемаха, Гянджа и Гилян, находились в Азербайджане [Юхт 1956, с. 44]: Шемаха и Гянджа. Продукция, выращенная трудом азербайджанских крестьян, находила своего покупателя через армянских купцов, и они же получали основной доход.

Следует также отметить, что некоторые христианские купцы Азербайджана, упоминаемые в исторических источниках, были албанцами, о чем известно из таможенных книг Урфы. Албанцы были мусульманами, национальность которых была агванской (албанской)⁹. Однако роль албанских купцов в торговых отношениях с Московским государством не рассматривалась: возможно, армяне ограничили деятельность албанских купцов, монополизировав торговлю шелком, или они армянизировали албанских купцов.

Несмотря на превосходство армян в области торговли, в ряде исторических документов указывается, что уже с начала XVIII в. азербайджанские и иранские купцы сами также стали вывозить товары за границу [Алиев 1964, с. 46]. А это определялось регулированием торговых отношений между двумя государствами.

В первой половине XVIII в., несмотря на напряженную обстановку и трудности в стране, торговые связи азербайджанских

⁸ Qurani Kərim Kral Fəhd adına kompleks, Abdullah ibn Əbdüləziz Əli Səud, Mədinə şəhəri-2014, səh.914. URL: https://ia803100.us.archive.org/25/items/Quran_aze/Quran_aze.pdf (дата обращения 02.05.2022).

⁹ Urfa gümrük defterleri (H. 1148-1153/M.1736–1741). Ticaret ve sanayi odası-1894. s. 329. Transkripsiyon ve Degerlendirme Mehmet Emin Ünər.

городов с прикаспийскими странами (главным образом с Россией, частично со Средней Азией и Северным Кавказом) стали расширяться. Основные пути транзитной торговли через территорию Азербайджана значительно повысили его значение в международной торговле. Отношения с Россией стали более интенсивными и масштабными. Астрахань, расположенная на главном стыке водных и сухопутных торговых путей Азербайджана с Россией, имела большое значение. А азербайджанские порты на Каспийском море Дербент, Баку, Лянканан и Ниязабад, играли роль поддержки для русских торговых судов. Корабли из Астрахани продавали или обменивали товары в Ниязабаде Баку, Сальяне, Джаваде и в других портах. Русские в регионе особенно ценили порт Баку: моряки единогласно считали порт Баку лучшим местом для стоянки судов на всех берегах Каспийского моря [Юхт 1956, с. 43]. Дороги из Ирана в Европу также проходили через Азербайджан. Проход через азербайджанские города купцов разных государств, в том числе купцов России, Великобритании, Франции, Германии, Польши, Голландии, Швеции, а также Индии, Ирана и Турции, их остановка месяцами и торговля в этих городах еще раз подтверждали роль и положение Азербайджана в транзитной торговле [Алиев 1964, с. 46].

Волго-Каспийский торговый путь играл ключевую роль в азербайджано-российских отношениях. Этот торговый путь в западном направлении, начиная от Балтийского залива по реке Москва-Казань-Волга, доходил до Астрахани. Здесь дорога делилась на две части, первая дорога проходила через маршруты Терек-Кизляр-Бабаюрт-Тарку-Буйнак-Ширван, Терек-Кизляр-Бабаюрт-Тарку-Дербент-Ширван или же Терек-Кизляр-Бабаюрт-Тарку-Дербент-Баку-Ширван. Второй маршрут проходил через Каспийское море. Купцы, отправлявшиеся из Астрахани на кораблях, прибывали в порты Тарку, Дербент, Баку или Гилян. А прибыв в Тарку, Дербент и Баку, можно было отправляться по суше в Ширван [Bülbul 2011, с. 28–29].

В первой половине XVIII в. по мере развития русского флота город Баку занял ведущее место в транзитной торговле среди всех городов Южного Кавказа. Географическое положение Баку также побуждало местное население заниматься торговлей. Состоятельные купцы города от того, что у них не было своих судов, часто пользовались судами русских купцов. Они, взяв взаймы суда, перевозили свои товары в Россию и Иран через Каспийское море. Торговые товары включают бакинскую нефть и соль, шафран, Шемахинскую и Арешскую хамну (шелк-сырец), шелковые и хлопчатобумажные ткани¹⁰, ковры, верблюжьей шерсть, кожу, скот, рыбу, икру,

¹⁰ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 539. Л. 28, 65.

фрукты, сухофрукты, зерно, медную посуду, оружие и т. д. [Алиев 1964, с. 68, 71–72]. В город приезжало много иностранных купцов и путешественников. В своих трудах они дали ценные сведения об оживлении хозяйственной жизни города, росте ремесленного производства, добыче нефти и соли, вывезенных из страны. Путешественники Корнелий де Бруин, И. Лерх и Дж. Кук подтверждали роль Баку в транзитной торговле. По словам Ф.И. Соймонова, из-за экспорта из Баку нефти, соли, оливок, шафрана и других продуктов Бакинский порт был переполнен судами, прибывающими в город [Qarayev 2005, s. 95]. По транзитной дороге из Баку в Европу, Россию и другие страны перевозились главным образом шемахинский шелк и другие изделия ремесла.

Особо следует отметить роль азербайджанского города Шемахи, расположенного в Прикаспийском регионе. Поход России в Прикаспийские области, желание открыть посольство в Шемахе были связаны с выгодным географическим положением региона, богатство рынков сбыта и источников сырья повышали интерес России [Алиев 1989, с. 39]. По этой причине русские купцы в основном сосредотачивались в этом городе. Несмотря на ослабление торговли в Шемахе из-за стихийных бедствий и политических процессов, за короткое время торговый центр смог восстановить свои позиции. Таким образом, в течение 8-ми месяцев разрушительный результат эпидемии чумы, нанесшей сильный удар шелковой промышленности в Шемахе и ее районах, уничтожившей 70 000 человек, и разграбление Шемахи также не смогли уменьшить ее роль как торгового центра [Aşurbəyli 2006, s. 182].

Но для России Баку был незаменим. Наряду с тем, что Баку являлся важным портовым и богатым городом, наличие нефти также сделало его более важным городом. Особое празднование при Петре I во время взятия Баку было связано с этим [Курукин 2015, с. 210]. Ширван, где расположены Шемаха и Баку, как один из центров торговли с Востоком, играл роль международного торгового пути, соединяющего Европу и Восток через Россию и Кавказ.

Геополитическое положение региона также привлекало Петра I. В первые годы своего правления Петр I, получив некоторые привилегии от сефевидского двора, монополизировал прибыльную транзитную торговлю между Востоком и Западом [Анисимов 2019, с. 12]. Под влиянием меркантилистских идей стремление завладеть необыкновенными богатствами Индии составляло основу имперского воображения Петра. А путь в Индию проходил через берега Каспийского моря, в связи с чем и разведывательные миссии под видом дипломатии и торговли как к западному, так и к восточному берегу Каспийского моря, экспедиции в Среднюю Азию, стремление получить водные пути в Индию по «среднеазиатскому

маршруту» исходили из этого геополитического интереса. Захват западных берегов Каспийского моря, принадлежавших ослабленной империи Сефевидов, и присоединение западных территорий Каспийского моря было необходимо для создания базы с целью продвижения в Среднюю Азию, Афганистан и Северную Индию [Анисимов 2019, с. 13].

Петр I даже хотел привлечь живших в Турции армян к международной торговле через Астрахань, что подтверждают документы, хранящиеся в фонде Торговой коллегии (№ 276) в Российском государственном архиве древних актов¹¹. В докладе, представленном Сенату президентом Торговой Коллегии П.П. Шафировым и советниками коллегии И.П. Баконом и И. Олениным, обсуждалось их мнение о привлечении турецких армян к этой работе. «Решение Сената» в правительстве давало возможность судить о конкретных результатах рассмотрения проекта.

Хотя, после похода Петра I в Прикаспийские районы [Курукин 2017; Курукин 2021] и Стамбульского договора 1724 г., торговля в Шамахе и Баку развивалась, конкуренция и войны в регионе оказывали на нее негативное влияние. В этот период из-за военно-политических событий торговля с Ираном, Турцией и другими европейскими странами через Баку значительно сократилась. Так, несмотря на указ 1723 г. Петра I об учреждении торговой компании русскими купцами в Иране, для оживления торговли России с Азербайджаном, и о предоставлении русским купцам ряда привилегий, этот шаг не дал значительных результатов в торговле. В 1724 г., несмотря на запрет экспорта, по указу Сената Демидову было разрешено вывозить сибирское железо из России через Астрахань в Дербент и Баку для хозяйственных нужд населения, но прогресс не был достигнут. Таможенные пошлины, взимаемые с товаров и купеческих лавок в Баку, составляли важную часть доходов казны. По архивным документам указанные сборы с 10 августа 1723 по 1730 г. составляли 12 312 руб. 75 1/4 коп.; в том числе 142 138 руб. 81 коп. – русскими монетами, 5207 руб. 3/4 коп. – иранскими монетами; кроме этой суммы количество разных бесценных монет было 49 штук. Доходы уменьшились в 2,5 раза, и указанные цифры проясняли причину отступления русских из этих провинций. Остальные 3/4 всего дохода этой провинции были получены от нефти, а это составляло 98 956 руб. 55 3/4 коп. Общая сумма доходов казны в течение 7 лет и 5 месяцев составляла 126 531 руб. 45 1/2 коп. По сведениям таможенной книги «Иностранные товары», индийские купцы в 1734 г. привезли из Баку в Астрахань 40 партий товаров, а в 1744 г. – всего 13 партий [Aşurbəyli 2006, s. 181–182].

¹¹ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 661. Л. 13–16.

По сведениям английского путешественника-торговца Джеймса Спилмана, посетившего Иран и Азербайджан в 1739 г., экспорт шелка из этих провинций был небольшим, содержание же здесь русских воинских частей требовало дополнительных затрат.

Реальное положение в Азербайджане привело к первенству азербайджанских купцов во внешней и транзитной торговле, что находит свое отражение и в источниках. Теперь уже азербайджанские купцы увозили свои товары в зарубежные страны, особенно в Россию, и оставались там со своими семьями, что подтверждает «Список бакинских и сальянских купцов, которым были выданы паспорта с канцелярии Астраханской губернии для торговли в северных русских городах»¹². В «Списке...» есть имена более 60 азербайджанских купцов, приехавших из Баку и Сальяна с женами и детьми в Астрахань и желавших вывезти отсюда товары в северные города. В документе не указано, сколько и каким образом эти купцы привезли товаров в Астрахань. Однако можно прийти к выводу, что купец, отправившийся с семьей в путешествие в далекие места, не мог быть мелким торговцем. С другой стороны, документ свидетельствует о том, что азербайджанцы тесно участвовали в Каспийской торговле. В целом следует отметить, что, начиная с 40-х гг. XVIII в., азербайджанские купцы вели более активную внешнюю и транзитную торговлю, чем раньше¹³.

Сырье, вывозимое из Азербайджана, имело большое значение не только для русской торговли, но и для русской промышленности. Учитывая, что в середине XVIII в. ввозимый через западноевропейские страны шелк-сырец продавался в России вдвое дороже, в то время как шелк, привозимый из Азербайджана, стоил дешевле московского, то можно яснее представить, насколько это было важно для владельцев предприятий.

В первой половине XVIII в. кожа была одним из основных экспортных товаров в азербайджано-российской торговле. Из архивных источников известно, что только в ноябре 1735 г. шемахинский купец Али Алиев вывез на биржу 220 кусков «ширванской овечьей шкуры» стоимостью 131 манат 40 коп.¹⁴

Заключение

В первой половине XVIII в. ослабление Сефевидского государства и усиление стратегических и экономических интересов и конкуренция крупных государств, воспользовавшихся сложившейся

¹² ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 163. Л. 2–3.

¹³ Там же. Ф. 391. Оп. 1 (1733). Д. 283. Л. 1.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 539 (1735). Л. 55.

ситуаций в регионе, связанной с экономическо-политическими процессами в мире, создали опасную ситуацию для Азербайджана и его торговли. В результате политики европейских стран, в том числе и России, роль азербайджанских купцов в торговле временно ослабла. Возросла активность армян, воспользовавшихся благоприятной ситуацией, на что повлиял ряд объективных и субъективных причин. Однако это носило временный характер, продолжалось недолго, и роль азербайджанских купцов в торговле была восстановлена.

В начале XVIII в., несмотря на все трудности, активизация дипломатических отношений между Россией и Сефевидским государством, потребность России в азербайджанском и гилянском шелке, связи Сефевидов с Западом через Россию принесли большую жизненную силу Волго-Каспийскому торговому пути. Русские купцы, дешево покупавшие шелк из Шамахи, являвшегося одним из знаменитых торговых центров Востока, возили его в Россию и страны Запада. Бакинский порт считался одним из главных портов на Волго-Каспийской торговой артерии. Эта торговля была очень важна для Российского государства и русских купцов, и от шелковой торговли получались большие доходы. Некоторые из русских и азербайджанских купцов, тесно участвовавших в восточно-западной торговле, уезжали в Москву и другие города России и подолгу жили там. Таможенные льготы, которые нашли отражение в заключенных договорах, стимулировали развитие торговли. Однако анализ фактов показывает, что темп торговли в указанный период не был стабильным. В зависимости от политических, военных и других факторов торговля между Азербайджаном и Россией то увеличивалась, то уменьшалась.

Литература

- Алиев 1989 – *Алиев Т.Ф.* К вопросу об исторической географии Ширвана в первой трети XVIII в. (по сочинению И.Г. Гербера) // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. 1989. № 2. С. 39–46.
- Алиев 1964 – *Алиев Т.Ф.* Торговля Азербайджана в первой половине XVIII в. Баку, 1964. 111 с.
- Анисимов 2019 – *Анисимов Е.В.* Петр Великий и основы восточной политики: Институт Петра Великого: Петр I и Восток // Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 г. СПб., 2019. 560 с.
- Куканова 1977 – *Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1977. 288 с.
- Курукин 2015 – *Курукин И.В.* Печальная история «персидского гостя»: посол Измаил-бек и заключение петербургского договора с Ираном в 1723 г. // Исторический вестник. 2015. Т. 11. С. 200–223.

- Курукин 2017 – *Курукин И.В.* «Из сих персидских дел выйти...»: генерал В.В. Долгоруков и экспедиционный корпус в «новоприсоединенных провинциях» Ирана в 1726–1727 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. С. 48–60.
- Курукин 2021 – *Курукин И.В.* Цена побед: о стоимости военных кампаний в России XVIII в. // Российская история. 2021. Вып. 4. С. 52–59.
- Нижнее Поволжье 2003 – Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи: материалы научной конференции, 12–13 мая 2003 года / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та (СГУ), 2003. 127 с.
- Торопицын 2009 – *Торопицын И.В.* «Едет он в город Амстердам»: Грамота персидского шаха Хусейна Петру I: 1709 г. // Исторический архив. 2009. № 3. С. 197–202.
- Торопицын 2016 – *Торопицын И.В.* «Велеть им геодезистам скрытно поступать»: Роль В.Н. Татищева в географическом изучении Кавказа в период губернаторства в Астрахани. 1744 г. // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 24–35.
- Черникова 2018 – *Черникова Т.В.* Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 3–23.
- Юхт 1956 – *Юхт А.* Восточная торговля России в 30–40-х гг. XVIII в. и роль в ней армянских купцов (по материалам астраханской таможни) // Общие научные науки. 1956. № 8. С. 85–106.
- Mantran 1990 – *Mantran R.* Yüzyılın İkinci Yarısında İstanbul [Стамбул во второй половине XVII века]. İstanbul, 1990. 370 s.
- Faroqli 2000 – *Faroqli S.* Osmanlı'da Kentler ve Kentliler [Города и горожане в Османской империи]. İstanbul, 2000. 457 s.
- Наджафли 2010 – *Наджафли Г.Д.* Азербайджан в XVIII–XIX вв. Бишкек, 2010. 260 с.
- Ziya Dinc 2003 – *Ziya Dinc.* Osmanlı devletinde yabancı tüccarlar: Ankara örneği [Иностранные торговцы в Османской империи: пример Анкары]. URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения 05.05.2022).
- Dadaşova 2003 – *Dadaşova R.İ.* Səfəvilərin son dövrü (ingilisdilli tarixşünaslıqda) [Последний период Сефевидов (в англоязычной историографии)]. Bakı: Nurlan, 2003. 393 s.
- Bülbül 2011 – *Bülbül I.* XVII Yüzyılda İdil-Hazar Ticaret Yolu ve Dağıstan [Идилско-Каспийский торговый путь и Дагестан в XVII в.] // History Studies. 2011. Vol. 3/2. S. 28–39.
- Qarayev 2005 – *Qarayev E.T.* Azərbaycan XVIII əsr rus və Qərbi Avropa səyyahlarının təsvirində [Азербайджан в описании русских и западноевропейских путешественников XVIII в.]. Bakı, 2005. 160 s.
- Aşurbəyli 2006 – *Aşurbəyli S.* Bakı şəhərinin tarixi [История города Баку]. Bakı: Avrasiya press, 2006. 416 sah.
- Qarayev 2005 – *Qarayev E.T.* Azərbaycan XVIII əsr rus və Qərbi Avropa səyyahlarının təsvirində. B., 2005. 160 s.

References

- Aliyev, T.F. (1989), "On the question of the Shirvan historical geography in the first third of the 18th century (according to the work of I.G. Gerber)", *Izvestiya Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR*, no. 2. pp. 39–46.
- Aliyev, F.M. (1964), *Torgovlya Azerbaidzhana v pervoi polovine XVIII veka* [Trade in Azerbaijan in the first half of the 18th century], Baku, USSR.
- Anisimov, E.V. (2019), "Peter the Great and the foundations of his Eastern Policy. Peter the Great institute. Peter I and the East", in *Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. 1–2 iyunya 2018 goda* [Proceedings of the 11th International Peter's Congress. June 1–2, 2018], Saint Petersburg, Russia.
- Ashurbeyli, S. (2006), *Bakı şəhərinin tarixi* [History of Baku city], Eurasia Press, Baku, Azerbaijan.
- Bülbül, I. (2011), "XVII Yüzyılda İdil-Hazar Ticaret Yolu ve Dağıstan" [Idil-Hazar trade road and Dagestan in the 17th century], *History Studies*, vol. 3/2, pp. 28–39.
- Chernikova, T.V. (2018), "Paradoxes of Peter's Europeanization", *Novaya i Noveishaya Istoriya*, no. 5, pp. 3–23.
- Dadashova, R.I. (2003), *Səfəvilərin son dövrü (ingilisdilli tarixşünashqda)* [The last period of the Safavids (in English-language historiography)], Nurlan, Baku, Azerbaijan.
- Danilov, V.N. (ed.) (2003), *Nizhnee Povolzh'e i Islamskaya Respublika Iran: istoricheskie, kul'turnye, politicheskie i ekonomicheskie svyazi: materialy nauchnoi konferentsii, 12–13 maya 2003 goda* [The Lower Volga Region and the Islamic Republic of Iran. Historical, Cultural, political and economic ties. Proceedings of the Scientific Conference, May 12–13, 2003], Publishing House of Saratov University (SSU), Saratov, Russia.
- Faroghi, S. (2000), *Osmanlı'da Kentler ve Kentliler* [Cities and citizens in the Ottoman Empire], Istanbul, Turkey.
- Kukanova, N.G. (1977), *Ocherki po istorii russko-iranskikh torgovykh otnoshenii v XVII – pervoi polovine XIX veka* [Essays on the history of Russian-Iranian trade relations in the 17th – first half of the 19th century], Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, Saransk, USSR.
- Kurukin, I.V. (2017), "‘Get out of those Persian affairs...’. General V.V. Dolgorukov and the expedition corps in the ‘Newly acquired’ provinces of Iran in 1726–1727", *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 16, no. 8, pp. 48–60.
- Kurukin, I.V. (2021), "The price of victories: on the cost of military campaigns in Russia in the 18th century", *Rossiiskaya Istoriya*, issue 4, pp. 52–59.
- Kurukin, I.V. (2015), "The sad story of the ‘Persian guest’. Ambassador Izmail-bek and the conclusion of the St. Petersburg treaty with Iran in 1723", *Istoricheskii vestnik*, vol. 11, pp. 200–223.
- Mantran, R. (190), *Yüzyılın İkinci Yarısında İstanbul* [Istanbul in the second half of the 17th century], Istanbul, Turkey.
- Najafli, G.J. (2010), *Azerbaidzhan v XVIII–XIX vekakh* [Azerbaijan in the 18th – 19th centuries], Bishkek, Kyrgyzstan.
- Qarayev, E.T. (2005), *Azərbaycan XVIII əsr rus və Qərbi Avropa səyyahlarının*

- təsvirində [Azerbaijan in the description of Russian and Western European travelers of the 18th century], Baku, Azerbaijan.
- Toropitsin, I.V. (2009), "He is going to the city of Amsterdam". Letter of the Persian Shah Hussein to Peter I: 1709 p.", *Istoricheskii Arkhiv*, no. 3, pp. 197–202.
- Toropitsin, I.V. (2016), " 'Tell them, the surveyors, to act discreetly'. The role of V.N. Tatishchev in the geographical study of the Caucasus during the period of governorship in Astrakhan. 1744", *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 24–35.
- Ziya Dinc (2003), *Osmanlı döneminde yabancı tüccarlar: Ankara örneği* [Foreign merchants in the Ottoman Empire. Ankara example], available at: <https://www.academia.edu> (Accessed 5 May 2022).
- Yukht, A. (1956), "Eastern trade of Russia in the 30–40s of the 18th century and the role of Armenian merchants in it (based on the materials from the Astrakhan customs)", *Social Sciences*, no. 8, pp. 85–106.

Информация об авторе

Mirvari A. Eminova, Шекинский филиал Азербайджанского государственного педагогического университета, Шеки, Азербайджан; AZ5500, Азербайджан, Шеки, ул. Багбанлар, д. 92; mirvari.eminova@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-8006>

Information about the author

Mirvari A. Eminova, Sheki branch of the Azerbaijan State Pedagogical University, Sheki, Azerbaijan; bld. 92, Bagbanlar St., Sheki, Azerbaijan, AZ5500; mirvari.eminova@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-8006>

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.25(430)

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-79-92

Трактаты Якоба фон Раммингена о регистратуре (1571): опыт интерпретации в контексте эпохи

Никита А. Комочев

*Институт славяноведения РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, komni@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена двум сочинениям Я. фон Раммингена о регистратуре – структурной единице в составе управления двора немецких территориальных государей XVI в. Написанные современником и участником реформирования системы управления, опубликованные в 1571 г. трактаты отражают подходы к хранению и использованию документов, являются ценным источником по истории архивоведческой мысли своего времени. Осуществленное автором трактатов теоретическое обоснование существования регистратуры как необходимого элемента в системе управления стало шагом к становлению архива в качестве самостоятельного учреждения. В статье содержание трактатов рассматривается на фоне процессов, происходивших в системе управления немецких территориальных государств XVI в., затронувших организацию канцелярий. Специальное внимание уделено вопросам авторства, целевой аудитории, терминологии источника. Труды Раммингена выступают в итоге выразителем тенденций своего времени: складывания категории профессиональных регистраторов с их корпоративной культурой, обособления архива как самостоятельной единицы в системе управления. Заложенные Раммингеном подходы работы с документами сохранили свою практическую актуальность вплоть до XVIII в. и стоят у истоков научного архивоведения.

Ключевые слова: Якоб фон Рамминген, регистратура, история архивного дела в Германии, немецкая старопечатная книга XVI в., хранение документов личного происхождения и текущего делопроизводства в раннее Новое время

© Комочев Н.А., 2023

Статья поступила в редакцию 10 июля 2022 г.;

принята к публикации 18 октября 2022 г.

Для цитирования: Комочев Н.А. Трактаты Якоба фон Раммингена о регистратуре (1571): опыт интерпретации в контексте эпохи // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 79–92. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-79-92

Jacob von Rammingen's treatises on registry (1571). An interpretation in the context of their time

Nikita A. Komochev

Institute for Slavic Studies (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

Moscow, Russia, komni@list.ru

Abstract. The article is about two works by Jacob von Rammingen on the registry – a structural unit within the administration at the court of the German territorial sovereigns in the 16th century. Written by a contemporary and a participant in the reform of the management system, published in 1571, the treatises that reflect approaches to the storage and use of documents are a valuable source on the history of archival thought. The theoretical justification for the existence of the registry as a necessary element in the management system was a step towards the establishment of the archives as an independent institution. In the article, the treatises are considered in connection with the processes that took place in the management system of the German territorial states in the 16th century that affected the organization of chanceries. Special attention in relation to the source is paid to the issues of authorship, target audience, terminology. As a result, Rammingen's works are ultimately representative of the trends of his time: the emergence of the category of professional registrars with their corporate culture, reflect the isolation of the archive as an independent unit in the management system. The approaches to the documents laid down by Rammingen retained their practical relevance up to the 18th century and are at the root of the origins of scientific archival science.

Keywords: Jacob von Rammingen, registry, history of archival science in Germany, German old-printed book of the 16th century, storage of personal archives and documents of ongoing recordkeeping in Early Modern Times

The article was submitted 10.07.2022;

accepted for publication 18.10.2022.

For citation: Komochev, N.A. (2023), "Jacob von Rammingen's treatises on registry (1571). An interpretation in the context of their time", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 79–92, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-79-92

Введение

В историографии до сих пор глухо упоминаются два издания, почти единодушно признанные в качестве самых ранних в истории европейского архивного дела. Речь идет о трактатах Я. фон Раммингена о регистратуре. Они были знакомы еще специалистам XVII–XVIII вв., но, по существу, изучение текстов в архивоведческом плане началось не так давно.

В известных трудах немецких архивистов Г.О. Мейснера и А. Бреннеке автор трактатов рассматривается в качестве первого теоретика архивного дела [Meisner 1952, S. 80; Brenneke 1953, S. 45–46, 165]. Благодаря А. Бреннеке труды Я. фон Раммингена стали известны в России – в учебных пособиях Е.В. Старостина они фигурируют в качестве первых сочинений об архивах. Осуществленную Раммингеном классификацию документов¹ Е.В. Старостин считал ранней попыткой теоретического обоснования принципа происхождения [Старостин 1986, с. 11; Старостин, Чудиновских 1991, с. 42; Старостин 1997, с. 12–13]. В новейшем пособии по всеобщей истории архивов сохранены предложенные им характеристики трактатов [Козак 2020, с. 54–55]. Упоминания первого из двух трактатов присутствуют также в статье Т. Миллер, написанной на основе магистерской диссертации, защищенной в Колумбийском университете [Miller 2003].

Таким образом, в историографии к настоящему времени лишь пунктирно и в самых общих чертах намечено значение сочинений Я. фон Раммингена для развития архивного дела. Задачей настоящей статьи является интерпретация замысла автора трактатов с учетом исторического контекста.

Источник

Изучаемые трактаты были напечатаны в Гейдельберге почти одновременно в 1571 г. Исследование проводилось нами на основе оцифрованного ресурсом «books.google» экземпляра из бывшего собрания Королевской дворцовой библиотеки, хранящегося ныне в Национальной библиотеке Австрии (№ 33.N.16). Он представляет собой позднейший конволют, соединяющий в себе оба источника, в нем перепутаны листы: вместо раздела первого трактата «Введение в регистратуру» следует ошибочно целиком помещенный

¹ Имеется в виду следующая систематизация: дела о государе, дела о подданных, дела по внутреннему управлению, дела по внешним сношениям.

в этом месте второй трактат, разбивающий тем самым текст первого, после чего восстанавливается правильный порядок следования листов.

Книги написаны на немецком языке с большим числом латинских, иногда французских и греческих (в латинской транслитерации) выражений. Основной текст напечатан фрактурой, для иностранных слов и предложений использован петитный латинский шрифт (антиква).

В 2010 г. вышел в свет перевод обоих трактатов на английский язык, снабженный наборной публикацией оригинальных текстов (по несколько модернизированной орфографии) и факсимильным воспроизведением первых изданий. Предисловие переводчика содержит краткую биографию Я. фон Раммингена и характеристику архивного дела его эпохи. При публикации текстов и переводов была введена отсутствующая в оригинале нумерация листов, что существенно облегчает работу с источниками².

Первый из рассматриваемых трактатов Я. фон Раммингена³ носит название: «О регистратуре, ее устройстве и управлении, а также строителях и управителях, их умениях и качествах, а еще о великой разнообразной пользе, проистекающей из правильно организованной и искусно выстроенной регистратуры. Забавные или методические выписки из книг, написанных об искусстве регистратуры высокоученым Якобом фон Раммингеном Старшим из Люблахсберга»⁴.

За титульным листом следует краткое обращение «К читателям», после которого идет двенадцатистраничное посвящение курфюрсту (датировано 6 сентября 1570 г.). Завершает вступительную часть изображение герба Я. фон Раммингена со стихотворными виршами, которые можно перевести так: «В бытность свою импе-

² The earliest predecessors of archival science. Jacob von Rammingen's two manuals of registry and archival management, printed in 1571. Lund, 2010. 188 p.

³ Von der Registratur und jren Gebäwen und Regimenten deßgleichen von jhren Bawmeistern und Verwaltern und jrer qualificationen und habitibus. Und dann was für großer vilfältiger Nutzbarkeit auß einer wol angestellten und künstlichen erbawten Registratur entspringen und eruolgen. Ein lustiger oder Methodischer Außzug deren Bücher welche der Edel hochgelehrt und vest Herr Jacob von Rammingen von und zu Lüblachsperg der älter von der kunst der Registratur geschrieben. Heidelberg: In verlag Matthei Harnisch, gedruckt durch Iohannem Maior, MDLXXI. [67 S.].

⁴ Приводимые здесь и далее переводы выполнены нами по тексту немецкого оригинала.

ратором Карл / Старый герб обновить приказал / Господину Якобу фон Раммингену / И герб тот теперь здесь изящно приделан»⁵.

Основная часть трактата открывается разделом «Введение в регистратуру», где подчеркивается актуальность правильно организованной работы с документами в системе управления «страной и людьми» у всех народов и государств.

Содержание следующих далее разделов становится понятным из названий: «О регистратуре как таковой и регистрации, а также о том, откуда происходит название этой сферы управления»; «О благородной княжеской пользе, проистекающей из учреждения и содержания полноценной регистратуры»; «Как и кем управляется и содержится регистратура»; «Каким должен быть регистратор»; «О проверке качеств регистраторов»; «Клятва регистратора при принятии присяги»; «Благородные меры помещения для работы регистраторов, а также правила, которыми управляется регистрация»; «О том, что регистратура выдумана не только что, а была в употреблении у древних».

Второй трактат Я. фон Раммингена (датирован 12 февраля 1571 г.) называется «Суммарное изложение о том, как созидается искусная и совершенная регистратура, служащая для различения и классификации, а также разделения и сепарации необходимых и употребительных категорий, составленное Якобом фон Раммингеном Старшим из Люблаксберга и напечатанное в курфюрстском городе Гейдельберге Иоанном Майером в год MDLXXI»⁶. Здесь в большей степени присутствует латинский текст, а по содержанию трактат представляет собой краткое самостоятельное сочинение с теоретическим резюме знаний о предмете.

Автор

О Раммингене известно в основном то, о чем он сам упоминает в сочинениях. Родился он примерно в 1510 г., следовательно, в момент выхода книг об архивах ему было за шестьдесят лет, большую часть которых он посвятил изучению теории и практики

⁵ В оригинале: «Wie Kayser Carol hat regiert / Verbessert er also quartiert / Herrn Jacoben von Ramingen / Sein allt Wappen wie es hie stät schön». См.: Von der Registratur. [S. 15].

⁶ Summarischer Bericht wie es mit einer künstlichen und vollkommen Registratur Ein gestalt was auch für unterschiedlicher austheilung und Classes, und sonst für Partitiones und Separationes, derselben Gebäw erfordern und prauchen sey. Durch Jacob von Rammingen von und zu Lüblachsparg den ältern. Heidelberg: Getruckt durch Johannem Mayer, MDLXXI. [19 S.]

управления, исследованию правовых и религиозных вопросов, описанию древностей Швабии и Алемании⁷.

Учителем в архивной профессии для Раммингена выступил отец, тоже Якоб фон Рамминген (Старший), основатель вюртембергского архива в Штутгарте, активно работавший уже в начале XVI в. Его заслугой как дворцового регистратора стало введение систематизации дел по тематическому принципу: документы об отношениях с духовным сословием, светскими лицами, по вопросам территориального управления. Согласно инструкции 1558 г. регистры и копиянные книги формировались уже по этим трем группам. В 1650 г. управляемая Раммингеном-Старшим регистратура получила специальное помещение в герцогском замке [Brenneke 1953, S. 165].

В трактате «О регистратуре» есть сведения о том, что уже «тридцать лет назад»⁸, т. е. примерно в 1540 г., существовало руководство по устройству регистратуры, которое легло в основу двух напечатанных книг. Автор подчеркивает, что фактическим автором публикуемых книг является его отец, советник и регистратор, служивший в Вюртемберге в канцелярии короля Фердинанда, эрцгерцога австрийского⁹. В трактате «Суммарное изложение» Рамминген ссылается на некого «I. Z.», который в письме к нему указал на аспекты, связанные с регистратурой¹⁰.

Все это говорит о том, что задачей автора трактатов было обобщение существующего опыта работы с документами в регистратуре, а писал он не с чистого листа, руководствуясь мнением определенного экспертного сообщества. В качестве целевой аудитории выступали не только заинтересованные читатели, но также родственники: книги писались для сыновей и племянников Раммингена, которым предстояло продолжать семейное дело¹¹.

Терминология

Обращает на себя внимание присутствующая в трактатах неопределенность и переменчивость (иногда явно намеренная) терминологии. Центральным понятием для Раммингена является термин «регистратура» (Registratur, registratura), наряду с которым

⁷ The earliest predecessors. P. 3.

⁸ Von der Registratur. S. 27.

⁹ «Da bekenn ich das ich derselben Inventor und Author nit allerdings bin sonder mein lieber Vater seliger». См.: Von der Registratur. S. 28.

¹⁰ Summarischer Bericht. S. 8.

¹¹ The earliest predecessors. P. 4.

фигурируют «реноватура» (Renovatur, renovatorum)¹², «картофиляций» (chartophilatium)¹³, «табулярий» (tabularium)¹⁴, «архив» (archivum)¹⁵, кладовая (cella), полки для хранения книг и бумаг (foruli) и др.

Точное соотношение всех этих понятий и степень их синонимичности для автора бывает трудно уяснить из текста. Очевидно, регистратура подразумевала здесь структуру в системе управления, в ее функции входили регистрация, копирование документов и их текущее хранение, то есть часть классических архивных функций.

Позднейшее определение регистратуры привел Д.Я. Самоквасов в связи с характеристикой системы современных ему западноевропейских архивов: «Регистратурою называется состоящее при канцелярии действующего учреждения хранилище бумажных актов, нужных для текущего делопроизводства в значении справочных материалов»¹⁶.

Классическая система хранения документов предстает в виде трех уровней:

- канцелярия – составление и хранение документов текущего делопроизводства в учреждении;
- регистратура – хранение решенных дел при канцелярии учреждения для справок по текущим делам (дела систематизируются,

¹² По всей видимости, подразумевала вопросы учета, в том числе финансового: Ibid. P. 6.

¹³ Помещение для хранения бумаг: Ibid. P. 6–7.

¹⁴ Архив, включающий в себя сборники копий и выписок из документов: Ibid. P. 7. Слово известно в латинском языке с таким значением еще с римских времен: *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 4-е изд. М., 1996. С. 758.

¹⁵ Термин упоминается в латиноязычных источниках I–VI вв.: *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь... В словаре III. Дюканжа дается определение архива: «Ларец, место хранения публичных документов», см.: *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae latinitatis ex magnis glossariis Caroli du Fresne, domini du Cange, et Carpentarii in compendium redactum multisque verbis et dicendi formulis auctum.* Halae, 1772. T. 1. P. 350.

¹⁶ *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело на Западе. М., 1900. С. 17; *Он же.* Централизация государственных архивов: Архивное дело на Западе. М., 1900. С. 201; *Holtzinger G.* Handbuch der Registratur- und Archivwissenschaft. Leitfaden für das Registratur- und Archivwesen bei den Reichs-, Staats-, Hof-, Kirchen-, Schul und Gemeindebehörden, den Rechtsanwälten usw. sowie bei den Staatsarchiven. 2-te Aufl. Leipzig, 1908. S. 5–8; *Dannert R.G.* Die Registratur. Berlin, 1929. S. 5; *Meisner H.O.* Aktenkunde. Ein Handbuch für Archivbenutzer mit besonderer Berücksichtigung Brandenburg-Preußens. Berlin, 1935. S. 152–154.

- описываются, копируются, располагаются в удобном для наведения справок порядке, используются для справок и запросов);
- архив – обособленное от канцелярии хранилище потерявших актуальность дел¹⁷.

Исторически наиболее ранней формой хранения делопроизводственных документов со времен Средневековья являлась канцелярия, из которой впоследствии обособилась регистратура.

Трактаты Раммингена показывают соответствие приведенной схемы реалиям XVI в., когда начинает складываться архив в его современном понимании. Благодаря трудам Раммингена самостоятельное значение регистратуры было убедительно доказано, обосновано и вошло в обиход европейских архивистов. Влияние идущей от Раммингена теории регистратуры в интерпретации более новых авторов чувствуется в первом официальном отечественном руководстве для архивистов – Генеральном регламенте 1720 г. [Хорхордина 2021, с. 39–40]. Заслугой Раммингена можно считать и обращение к истории архивного дела, поскольку в последней главе трактата «О регистратуре» им приводятся упоминания архивов у древних авторов: Иосифа Флавия, св. Иеронима, Плутарха, Марка Варрона и др., служащие подтверждением авторитетности предмета изучения.

Организация работы с документами в эпоху Раммингена

Появление трактатов оказалось закономерным и своевременным. Во второй половине XVI столетия в немецких территориальных государствах существовала развитая система княжеских и герцогских канцелярий, наблюдался активный рост управленческих структур и увеличение объемов документирования. Работа в сфере управления становится профессией, складывается корпорация управленцев, выпускаются многочисленные нормативные документы, касавшиеся деятельности канцелярий (Hofordnung, Kanzleiordnung, Instruktion zur Verrichtung unseres Chammerrath и др.). Практика составления подобных уставов канцелярии в немецких землях берет свое начало еще в XIII–XIV вв.¹⁸

¹⁷ Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов Западной Европы, в связи с архивной реформой в России. М., 1899. С. 31–33.

¹⁸ Erben W. Die Kaiser-und Königsurkunden des Mittelalters in Deutschland, Frankreich und Italien // Erben W., Schmitz-Kallenberg L., Redlich O. Urkundenlehre. München, Berlin, 1907. I. Teil. S. 105–111.

Не стал исключением и Вюртемберг. К 14 июня 1498 г. относится Устав правления Вюртемберга («Die Ordnung und fürgenommen Regiment des fürstenthumbs Wirtemberg»), затрагивающий вопросы организации канцелярии – штаты, должностные функции. Устав представлял собой инструкцию для регентства сословий при несовершеннолетнем на тот момент герцоге. Следующий герцог в первые дни своего восшествия на престол 17 ноября 1550 г. принимает обновленный устав канцелярии, а 26 мая 1553 г. – новый устав, имеющие своей задачей централизацию управления. В уставах речь шла, в частности, об условиях работы в канцелярии, организации работы с документами, распределении должностных функций. В 1540-е гг. по приказу герцога в Штутгарте было построено новое трехэтажное здание для «Kanzlei», то есть органов управления¹⁹.

Канцелярия в немецких территориальных государствах изучаемого времени была частью системы управления, близко стоявшей к Совету территориального государя и Казначейской палате²⁰. Документы первоначально хранились при самих канцеляриях, причем доступ к ним был ограничен для посторонних, вход записывался и охранялся²¹. Работники дворцовых канцелярий до обособления регистратуры исполняли и функции архивистов. Аналогично обстояли дела и в учреждениях городского уровня различных немецких земель. Так, в городской канцелярии Дрездена обязанности архивиста в 1570-е гг. исполнял главный городской писец (Oberstadtschreiber), занимавшийся также регистрацией и систематизацией документов [Boer 1931, S. 43–44].

В изучаемое время в Германии наблюдался заметный расцвет княжеских библиотек [Mehl, Hannemann 1956, Sp. 36–43], а Реформация сильно повлияла на складывание немецкой культуры

¹⁹ Таценко Т.Н. Развитие центральных органов управления в немецких территориальных государствах XVI в.: Герцогство Вюртембергское // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 341–344, 351–371; Она же. Роль советников бюргерского происхождения в реформах органов управления немецких территориальных государств XVI в. // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сб. статей. СПб., 2013. С. 299–303.

²⁰ Таценко Т.Н. Немецкие территориальные государства XVI в. в документах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН: Исследования и материалы. СПб., 2017. С. 45–71, 84–86.

²¹ Таценко Т.Н. Центральные органы управления в немецких территориальных государствах XVI в. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 192–198.

[Володарский 2001], что повышало профессиональный уровень канцеляристов и регистраторов.

Близкие тенденции характерны для дворцовой канцелярии Священной Римской империи, уставы (*Kanzleiordnungen*) которой относятся к 1498, 1559, 1566, 1570 гг. [Gross 1933, S. 8–22]. В конце XVI в. из состава дворцовой регистратуры выделяется Венский дворцовый архив [Mikoletzky 1956, S. 122–123]. К 20 марта 1571 г. относится инструкция по систематизации и упорядочению хранения документов канцелярии, знаменующая собой образование земельного архива Верхней Австрии в Линце [Zibermayr 1930, S. 54–55]. Тракаты Раммингена невозможно рассматривать в отрыве от всех этих процессов.

Заключение

В двух своих сочинениях о регистратуре Я. фон Рамминген продолжал традиции, заложенные в уставах канцелярий, и решал задачи практической организации работы с документами. Отсюда уже отмеченное в историографии промежуточное положение регистратуры Раммингена между канцелярией и казначейством, поскольку регистратура служила насущным интересам территориального государя [Brenneke 1953, S. 45]. Характерно, что вплоть до эпохи Французской революции архивы прочно ассоциировались не с исторической наукой, как теперь, а исключительно с вопросами управления [Leesch 1956, S. 17–18]. И Рамминген является одним из первых, кто обосновал данный подход.

Значительное место в трактатах занимают рассуждения, зачем вообще публиковать подобные руководства, что Рамминген доказывал практическими соображениями: возможностью заработать с помощью продажи книг и желанием передать опыт преемникам²².

Согласимся с переводчиком трактатов в том, что текст носит довольно общий характер, без погружения в детали²³. Написал Рамминген о регистратуре определенно меньше того, что знал. В тексте значительное место занимает не всегда прямо относящаяся к делу риторика с учетом длинных, многословных предложений, выстроенных вполне в традициях эпохи, склонной к мистике даже в научных текстах [Русецкая 2017].

Относительная скромность фактического содержания, на наш взгляд, объясняется тем, что Рамминген писал о профессиональной корпоративной деятельности, а вопросы цехового ремесла со

²² The earliest predecessors. P. 9–10.

²³ Ibid. P. 10.

времен Средних веков принято было держать в секрете. К тому же речь шла о работе с не подлежащими разглашению документами курфюрста и других знатных людей, лишняя информация о которых не должна была просочиться в печать. Со стороны Раммингена было определенной смелостью обнародовать даже часть известной ему информации о принципах работы с документами. Для большей убедительности и прикрытия от возможной критики, а также для защиты от конкурентов понадобились ссылки на предшественников и авторитетных писателей древности.

Задача Раммингена была не столько в том, чтобы представить читателю методическое руководство по организации архива, сколько обозначить важность самого предмета, составить впечатление многозначительности и дать понять, что регистратура – незаменимый элемент управления, требующий работы профессионалов.

Автор прямо говорит о том, что печатный текст не позволяет все-речь освоить работу регистратора, это искусство, которому «нельзя научиться по книгам, а только с помощью каббалистической традиции. Но достаточно и того, что об этом сказано»²⁴. Здесь содержится намек на сакральность и таинственность цехового знания, которое не предназначено профанам, но доступно посвященным и в полной мере передается лично от мастера к ученику: «Кто захочет больше о том узнать, пусть заплатит деньги за учение и научится устно и с помощью каббалистической традиции»²⁵.

Автор трактатов одновременно демонстрирует противоположные качества. С одной стороны, в тексте многократно подчеркивается мысль о том, что по существу сам Рамминген является не столько изобретателем регистратуры и первооткрывателем всего написанного в книгах, сколько транслятором сложившейся до него традиции. С другой стороны, приводятся весьма лестные характеристики автора о себе самом как о человеке ученом и известном, сделавшем карьеру и написавшем много трудов, хорошо и близко знакомом с властями и системой управления. В одном тексте встретились анонимность и нарочитая скромность человека Средневековья с предприимчивостью делового человека Нового времени.

По существу, в тексте трактатов больше намеков, чем конкретной информации, но патетика и загадочность сочетаются здесь с твердой уверенностью в насущной актуальности и практической

²⁴ «...Nicht also auss Büchern lernen kan, sondern per Caballisticas traditiones. Sed de his vt dicitur satis». См.: Summarischer Bericht. S. 10.

²⁵ «Wer mehr dauon wissen will, der gebe das lehrgelt und lerne es im augenschein von mundt & per traditiones Caballisticas». См.: Summarischer Bericht. S. 16.

пользе регистратуры (архива) как универсального и необходимого государственного института – явный шаг к пониманию значения архивов, с которого начиналась архивоведческая наука.

Литература

- Володарский 2001 – *Володарский В.М.* Культура Германии в конце XV–XVI в. // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2001. С. 114–158.
- Козак 2020 – *Козак К.И.* Германия: история и организация архивного дела // Всеобщая история архивов: История и организация архивного дела в странах Европы. М., 2020. Ч. 2. С. 44–88.
- Русецкая 2017 – *Русецкая И.А.* Вклад Иоанна Тритемия в развитие европейской криптографии (к 555-летию со дня рождения) // Вестник РГТУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика, защита информации и информационная безопасность». 2017. № 4(10). С. 130–140.
- Старостин 1986 – *Старостин Е.В.* Зарубежная буржуазная историография архивоведения: учеб. пособие. М., 1986. 83 с.
- Старостин 1997 – *Старостин Е.В.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М., 1997. 327 с.
- Старостин, Чудиновских 1991 – *Старостин Е.В., Чудиновских В.А.* Архивы и архивное дело в зарубежных странах. Свердловск, 1991. 88 с.
- Хорхордина 2021 – *Хорхордина Т.И.* «Генеральный регламент» и эволюция архивоведческой мысли // «Генеральный регламент»: 300 лет на службе России: от коллежского делопроизводства до цифровой трансформации управления документами. М., 2021. С. 38–47.
- Boer 1931 – *Boer E.* Der Stadtschreiber Michael Weiße und seine Bedeutung für das Dresdner Ratsarchiv (1549–1566) // Archivstudien. Zum siebenzigsten Geburtstag von Woldemar Lippert. Dresden, 1931. S. 42–49.
- Brenneke 1953 – *Brenneke A.* Archivkunde. Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen Archivwesens. Leipzig, 1953. XIX, 469 S.
- Dannert 1929 – *Dannert R.G.* Die Registratur. Berlin, 1929. 141 S.
- Gross 1933 – *Gross L.* Die Geschichte der deutschen Reichshofkanzlei von 1559 bis 1806. Wien, 1933. XI, 497 S.
- Leesch 1956 – *Leesch W.* Methodik, Gliederung und Bedeutung der Archivwissenschaft // Archivar und Historiker. Studien zur Archivwissenschaft. Zum 65. Geburtstag von Heinrich Otto Meisner. Berlin, 1956. S. 13–26.
- Mehl, Hannemann 1956 – *Mehl K., Hannemann K.* Deutsche Bibliotheksgeschichte. Berlin, München: Sonderdruck aus Deutsche Philologie im Aufbruch / Hg. von W. Stammler. Bielefeld: Erich Schmidt Verlag, 1956. 110 Sp.
- Meisner 1952 – *Meisner H.O.* Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit. 2-te Aufl. Leipzig, 1952. 241 S.
- Mikoletzky 1956 – *Mikoletzky H.L.* Aus der Frühgeschichte eines Wiener Archivs. Personal und Besoldung im Hofkammerarchiv 1775–1875 // Archivar und

- Historiker. Studien zur Archivwissenschaft. Zum 65. Geburtstag von Heinrich Otto Meisner. Berlin, 1956. S. 121–140.
- Miller 2003 – *Miller T.* The German registry. The evolution of a recordkeeping model // *Archival Science*. 2003. No. 3. P. 43–63.
- Zibermayr 1930 – Zibermayr I. Das Oberösterreichische Landesarchiv in Linz. Ein Bild der Entwicklung des heimatlichen Schriftwesens und der Landesgeschichte. 2-te Aufl. Linz, 1930. VIII, 167 S.

References

- Boer, E. (1931), Der Stadtschreiber Michael Weiße und seine Bedeutung für das Dresdner Ratsarchiv (1549–1566), in *Archivstudien. Zum siebzigsten Geburtstage von Woldemar Lippert*, Dresden, Germany, SS. 42–49.
- Brenneke, A. (1953), *Archivkunde. Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen Archivwesens*. Leipzig, Germany.
- Dannert, R.G. (1929), *Die Registratur*, Berlin, Germany.
- Gross, L. (1933), *Die Geschichte der deutschen Reichshofkanzlei von 1559 bis 1806*, Wien, Austria.
- Khorkhordina, T.I. (2021), “ ‘General regulations’ and the evolution of archival thought”, in “General’nyi reglament”: 300 let na sluzhbe Rossii: ot kollezhskogo deloproizvodstva do tsifrovoy ekonomiki [“General Regulations”. 300 years in the service of Russia. From collegiate office work to digital transformation of document management], Moscow, Russia. pp. 38–47.
- Kozak, K.I. (2020), “Germany. History and organization of archives” in *Vseobshchaya istoriya arkhivov: Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v stranakh Evropy* [General history of archives. History and organization of archives in European countries], vol. 2, pp. 44–88.
- Leesch, W. (1956), „Methodik, Gliederung und Bedeutung der Archivwissenschaft“, in *Archivar und Historiker. Studien zur Archivwissenschaft. Zum 65. Geburtstag von Heinrich Otto Meisner*, Berlin, Germany, SS. 13–26.
- Mehl, K. and Hannemann, K. (1956), *Deutsche Bibliotheksgeschichte. Sonderdruck aus Deutsche Philologie im Aufriss*, Erich Schmidt Verlag, Bielefeld, Germany.
- Meisner, H.O. (1952), *Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit*. 2-te Aufl. Leipzig, Germany.
- Mikoletzky, H.L. (1956), „Aus der Frühgeschichte eines Wiener Archivs. Personal und Besoldung im Hofkammerarchiv 1775–1875“, in *Archivar und Historiker. Studien zur Archivwissenschaft. Zum 65. Geburtstag von Heinrich Otto Meisner*, Berlin, Germany, SS. 121–140.
- Miller, T. (2003), “The German registry. The evolution of a recordkeeping model”, *Archival Science*, no. 3, pp. 43–63.
- Rusezkaya, I.A. (2017), “Contribution of Johann Trithemius to the development of European cryptography (to the 555th anniversary of his birth)”, *RGGU/RSUH Bulletin. “Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, vol. 10, no. 4, pp. 130–140.

- Starostin, E.V. (1986), *Zarubezhnaya burzhuaznaya istoriografiya arkhivovedeniya: uchebnoe posobie* [Foreign bourgeois historiography of archival studies. Textbook], Moscow, USSR.
- Starostin, E.V. (1997), *Zarubezhnoye arkhivovedeniye: problemy istorii, teorii i metodologii* [Foreign archival science. Issues of history, theory and methodology], Moscow, Russia.
- Starostin, E.V. and Chudinovskikh, V.A. (1991), *Arkhivy i arkhivniye delo v zarubezhnykh stranakh* [Archives and archives administration in foreign countries], Sverdlovsk, Russia.
- Volodarskii, W.M. (2001), "German culture at the end of the 15th – 16th century", in Bragina, L.M. (ed.), *Istoriya kultury stran Zapadnoi Evropy v epokhu Vozrozhdeniya* [Cultural history of Western Europe during the Renaissance], Moscow, Russia, pp. 114–158.
- Zibermayr, I. (1930), *Das Oberösterreichische Landesarchiv in Linz. Ein Bild der Entwicklung des heimatlichen Schriftwesens und der Landesgeschichte*. 2-te Aufl. Linz, Austria.

Информация об авторе

Никита А. Комочев, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; 119334 Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; komni@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-1333-378X

Information about the author

Nikita A. Komochev, Cand. of Sci. (History), Institute for Slavic Studies (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; komni@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-1333-378X

Историография развития архивного дела Казахстана (1991–2021)

Алия Х. Мустафина

*Архив Президента Республики Казахстан, Алматы, Казахстан,
amustafina@archive.president.kz*

Аннотация. В статье представлен историографический анализ научных трудов по истории развития архивов в Казахстане. В работе выделены наиболее изученные темы и затронутые проблемы в работах казахстанских исследователей. Автор отмечает, что проблематика организации и истории архивного дела Казахстана является одной из центральных тем отечественного архивоведения. Об этом свидетельствуют изученные работы как ученых-теоретиков, так и практикующих архивистов. С обретением независимости в республике начала формироваться собственная научная база изучения архивоведческих проблем, отдельных исторических периодов, на протяжении которых происходило формирование архивной отрасли. Основываясь на обширном источниковом материале, опираясь на предшествующий опыт, современные исследователи создали историческую ретроспективу возникновения архивного дела в стране. Актуальность историографического анализа изучения истории и организации архивного дела в Казахстане объясняется необходимостью определения ее основных направлений, анализа подходов и взглядов, сложившихся за последние 30 лет. Вместе с тем продолжают существовать незатронутые аспекты истории развития казахстанских архивов. При разработке проблемы применялись методы историографического анализа, в том числе сравнительно-исторический, хронологический, а также метод периодизации. В качестве источниковой базы использовались монографии, научные статьи, учебные пособия и обзоры по истории развития архивного дела в Казахстане, изданные в период с 1991 по 2021 гг.

Ключевые слова: архивоведение, историография архивов, архивы Казахстана, история архивов Казахстана, архивное законодательство

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2022 г.;
принята к публикации 18 ноября 2022 г.

Для цитирования: Мустафина А.Х. Историография развития архивного дела Казахстана (1991–2021) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 93–100. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-93-100

© Мустафина А.Х., 2023

Historiography of the development of archival affairs in Kazakhstan (1991–2021)

Aliya Kh. Mustafina

*Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan,
amustafina@archive.president.kz*

Abstract. The article presents a historiographic analysis of the scientific works on the history of the development of archives in Kazakhstan. The paper highlights the most studied topics and the issues raised in the works of Kazakh researchers. The author notes that the problematics of the organization and history of archives administration in Kazakhstan is one of the central topics of the national archival science. That is evidenced by the studied works of both theoretical scholars and practicing archivists. After gaining independence, the republic started forming its own scientific base for studying archival issues, particular historical periods, during which the formation of the archival branch took place. Based on the extensive source material, relying on prior experience, modern researchers have created a historical retrospective of the emergence of archival science in the country. The relevance of the historiographic analysis of the study in the history and organization of archives administration in Kazakhstan is explained by the need to determine its main directions, analyze the approaches and views that have developed over the recent 30 years. At the same time, there still exist unaffected aspects of the history of the development of Kazakhstani archives. In working out the issue the historiographic analysis methods were used, including the comparative historical, chronological, and periodization methods. Monographs, scientific articles, textbooks and reviews on the history of the development of archives administration in Kazakhstan, published in the period from 1991 to 2021, were used as a source base.

Keywords: archival science, historiography of archives, archives of Kazakhstan, history of archives of Kazakhstan, archival legislation

The article was submitted 28.09.2022;

accepted for publication 18.11.2022.

For citation: Mustafina, A.Kh. (2023), "Historiography of the development of archival affairs in Kazakhstan (1991–2021)", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 93–100, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-93-100

В современном обществе объективно существует потребность нового понимания роли архивных учреждений в формировании информационного ресурса государства и его использовании, поэтому анализ научных исследований по истории и организации архивного дела приобретает особое значение.

Первые исследовательские работы по этой проблематике в республике были написаны специалистами, стоявшими у истоков развития архивного дела независимого Казахстана. Среди них следует выделить научные публикации М.Ж. Хасанаева, посвященные архивному строительству в первые годы установления советской государственности. Привлекая широкий круг источников, автор поэтапно проследил зарождение архивной системы в Казахстане. Решающим фактом организационного процесса стало, по его мнению, принятие Декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Автор обращал внимание на «некоторую усеченность» и «двусмысленность» отдельных положений принятого декрета [Хасанаев 2000, с. 5], не уточняя, однако, в чем они заключались.

При всех положительных последствиях принятия первых советских декретов в деле создания государственной архивной службы, автор подвергал критическому анализу его содержание и принципы, обращая внимание на отдельные разночтения. В частности, М.Ж. Хасанаев делал акцент на толковании принципа централизации, который воспринимался не как централизация документов с целью обеспечения их сохранности, а как централизация управления, со временем приведшая к бюрократизации архивной службы [Хорхордина 2022, с. 269–353].

Важное значение в процессе создания упорядоченной системы архивного дела, по мнению автора, имел декрет «О хранении и уничтожении архивных дел» от 31 марта 1919 г. С него, по сути, начинается период научного обоснования принципов отбора документов в Государственный архивный фонд. Декрет определял категории документов, подлежащих постоянному хранению, имеющие значение для «изучения истории, дипломатических отношений, политической, общественной, экономической и вообще каждой жизни в разных ее проявлениях», а также «одно... дело или бумага» из «вполне однородных по содержанию и форме» документов [Хасанаев 2000, с. 5]. М.Ж. Хасанаев отмечал, что к этому времени относятся первые попытки создания системного отбора документов на хранение, для чего учреждались специальные разборочные комиссии. Чрезвычайно жесткие условия для отбора документов к уничтожению дополняли системные меры, определившие единую организацию и направленность работы архивов, ее общие основные принципы [Хасанаев 2000, с. 11]. Таким образом, в «Материалах к специальному курсу «Архивоведение» М.Ж. Хасанаев дал разностороннюю характеристику государственной политики правительства в архивной сфере в первые годы советской власти.

2000-е гг. ознаменовались выходом целого ряда работ, в которых титульная тематика отражала вопросы становления и развития архивного дела Казахстана. В монографиях и статьях Р.Х. Сариевой и А. Абдулиной [Сариева, Абдулина, 2006], Р.Х. Сариевой и А.Х. Мустафиной [Сариева, Мустафина 2019], А. Ахмета [Ахмет 2013], К.Т. Жумагулова, Б.Е. Нурпеисовой и Г.Е. Сабденовой [Жумагулов, Нурпеисова, Сабденова 2015], Ф.Н. Мийманбаевой [Мийманбаева 2018] содержится обстоятельный анализ процесса возникновения и развития государственных архивов в Казахстане от издания первых декретов советской власти до характеристики устойчивых тенденций архивного развития независимого периода.

Одним из актуальных стал вопрос периодизации. Большинство исследователей придерживалось деления развития архивного дела на 3 периода: дореволюционный, советский и период независимого Казахстана. В основу такого деления был положен принцип государственного устройства, общественного и социально-экономического развития, а также типологизации архивов и архивных учреждений, особенностей их организации и управления. Наиболее репрезентативными изданиями, отражающими вопросы, связанные с хронологическим делением процесса создания архивов и архивных учреждений, являются учебные издания. Вышедшие в 2007–2008 гг., они раскрывали уже устоявшиеся к этому времени взгляды или предлагали альтернативную периодизацию истории архивного строительства. Одна из них содержится в учебном пособии Л.К. Шотбаковой, Л.В. Михеевой и А.К. Акжасаровой. Ими в основу периодизации положен проблемно-хронологический принцип, характеристика основных мероприятий советского правительства, форм и методов работы, определивших в качестве основных три периода: 1) досоветский (с конца XVIII в. до 1917 г.); 2) советский (1917–1991 гг.); 3) период независимости (с 1991 г. по сегодняшний день) [Шотбакова, Михеева, Акжасарова 2008, с. 8–20].

В пособиях, изданных после 2015 г., авторы существенно расширяют период ранней истории (предыстории) архивного дела в Казахстане. Так, в работе по истории и современной организации архивного дела К.Т. Жумагулова, Б.Е. Нурпеисовой и Г.Е. Сабденовой содержится раздел об истории документальных памятников клинописного периода. «Каменные стелы, рассеянные россыпью по всей территории Степи, представляют собой открытые хранилища закрепленной информации...», – уточняют авторы. Для закрепления информации использовали и изделия из шкур животных [Жумагулов, Нурпеисова, Сабденова 2015, с. 7]. Здесь же предложена несколько иная периодизация истории архивов советского времени: 1) развитие архивных учреждений и архивных

фондов Казахской АССР (1918–1920-е гг.); 2) архивное строительство в Казахской ССР в 1930–1940-е гг.; 3) архивное дело в 1950–1970-е гг.; 4) 1980 – начало 1990-х гг. Как самостоятельный, пятый, этап рассматривается современный период с 1991 г. [Жумагулов, Нурпеисова, Сабденова 2015, с. 13–30].

История архивного дела и его ранних этапов в тесной взаимосвязи с возникновением делопроизводства содержится в пособии О.Х. Мухатовой. Зарождение архивного дела в Казахстане автор связывает с появлением первых документов, возникших в период средневековья государственного делопроизводства, в частности с историей племенных объединений найманов, которые в XII в. создали свое государство [Мухатова 2021, с. 7].

Еще более дробная периодизация представлена в пособии А. Ахмета. Автор делит историю архивного строительства на 7 периодов: 1) 1918–1929 гг.; 2) 1929–1941 гг.; 3) 1941–1945 гг.; 4) 1945–1956 гг.; 5) 1956–1970 гг.; 6) 1970–1991 гг.; 7) с 1991 г. до наших дней. С одной стороны, такая периодизация представляется чрезмерно детализированной, несмотря на то что в ее основу также положены принципы государственной политики в сфере архивного дела. Так, в данном случае выделяется самостоятельный этап – период 1929–1941 гг. как этап создания архивных учреждений в Казахстане; 1941–1945 гг., когда главной задачей стало сохранение национальных архивных фондов в условиях военного времени [Ахмет 2013, с. 111–113]. Опираясь на солидный источниковый материал из архивных фондов Казахстана и России, впервые в историографии истории архивного дела автор подробно останавливается на проблемах состояния архивных учреждений, идеологической борьбе за «чистку рядов» архивистов, невольном участии архивов в реализации репрессивной политики государства. В пособии содержится описание судеб тех архивистов, которые сами стали жертвами тоталитарного режима, в частности, директора Центрального архива Казахстана Н.Я. Болотникова, начальника Центрального государственного архивного управления Е.Г. Федорова, научного сотрудника Мирер [Ахмет 2013, с. 114–115].

В трудах А.А. Адельгужина [Адельгужин 2007], Е.К. Жусупова [Жусупов 2018], А.Х. Мустафиной [Мустафина 2020] создание нормативно-правовых основ для формирования Национального архивного фонда и развития архивного дела рассматривается как безусловный атрибут суверенности государства и функционирования специализированной государственной архивной службы. Укрепление, совершенствование архивного законодательства признается гарантом регулирования общественных отношений в области хранения, использования ретроспективной документной информации и управления архивами и документацией структур государствен-

ного и частного права. Центральное место занимает анализ закона «О Национальном архивном фонде и архивах Республики Казахстан» 22 декабря 1998 г. и последующая разработка архивного законодательства.

Являясь одной из наиболее разработанных проблематик казахстанского архивоведения, история организации архивного дела в Казахстане отражает широкий круг вопросов о предпосылках и этапах становления архивного дела, развития и внедрения новых методов архивной практики на разных этапах. В то же время актуальными для исследователей продолжают оставаться проблемы расширения тематики и создания работ обобщающего характера, учитывающих новые методологические концепции и подходы анализа. Так, среди малоизученных направлений следует назвать историю негосударственных архивов, систему организации управления архивным делом, историю государственных экспертно-проверочных комиссий и др.

Литература

- Адельгужин 2007 – *Адельгужин А.А.* Нормативная правовая база документирования и архивного дела // Делопроизводство в Казахстане. 2007. № 1 (1). С. 60–66.
- Ахмет 2013 – *Ахмет А.* Қазақстандағы мұрағатісінің тарихы (1918–1991) [История управления архивами в Казахстане (1918–1991)]. Алматы: Елтанымбаспасы, 2013. 384 с.
- Жумагулов, Нурпеисова, Сабденова 2015 – *Жумагулов К.Т., Нурпеисова Б.Е., Сабденова Г.Е.* История и современная организация архивного дела Казахстана: учебное пособие. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 160 с.
- Жусупов 2018 – *Жусупов Е.К.* К 20-летию со дня принятия парламентом Закона Республики Казахстан «О Национальном архивном фонде и архивах»: (вспоминание члена рабочей группы по разработке Закона) // Архивы Казахстана. 2018. № 1 (45). С. 15–18.
- Мийманбаева 2018 – *Мийманбаева Ф.Н.* Развитие архивного дела в Казахстане в период независимости // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2018. № 4 (91). С. 160–168.
- Мустафина 2020 – *Мустафина А.Х.* Тенденции развития архивного законодательства Республики Казахстан // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 44–50.
- Мухатова 2021 – *Мухатова О.Х.* Из истории делопроизводства и архивного дела в Казахстане: учеб. пособие. Алматы: Қазақ университеті, 2021. 134 с.
- Сариева, Абдулина 2006 – *Сариева Р.Х., Абдулина А.Т.* Очерки по истории организации архивного дела в Казахстане (1918–1945 гг.). Алматы, 2006. 348 с.

- Сариева, Мустафина 2019 – *Сариева Р.Х., Мустафина А.Х.* Очерки по истории организации архивного дела в Казахстане (1991–1997 гг.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. 377 с.
- Хасанаев 2000 – *Хасанаев М.Ж.* Архивное строительство в Казахстане в первые годы установления советской государственности (1920–1922 гг.): Материалы к курсу «Архивоведение». Алматы, 2000. 25 с.
- Хорхордина 2022 – *Хорхордина Т.И.* История архивов и архивного дела в России. М.: Юрайт, 2022. 627 с.
- Шотбакова, Михеева, Акжасарова 2008 – *Шотбакова Л.К., Михеева Л.В., Акжасарова А.К.* Архивоведение: учеб. пособие. Астана, 2008. 112 с.

References

- Adelguzhin, A.A. (2007), “Normative legal framework for documentation and archives administration”, *Deloproizvodstvo v Kazakhstane*, vol. 1, no. 1, pp. 60–66.
- Akhmet, A. (2013), *Kazakhstan daryy muragatisinin tarikhyy (1918–1991 gg.)* [History of archives administration in Kazakhstan. 1918–1991], Eltanymbaspasy, Almaty, Kazakhstan.
- Zhumagulov, K.T., Nurpeisova, B.E. and Sabdenova, G.E. (2015), *Istoriya i sovremennaya organizatsiya arkhivnogo dela Kazakhstana: uchebnoe posobie* [History and modern organization of archives administration in Kazakhstan. Textbook], Kazakh University, Almaty, Kazakhstan.
- Zhusupov, E.K. (2018), “On the 20th anniversary of the adoption by the Parliament of the Law of the Republic of Kazakhstan ‘On the National Archival Fund and Archives’ (memoir of a member of the working group on the development of the Law)”, *Arkhivy Kazakhstana*, vol. 45, no. 1, pp. 15–18.
- Miymanbayeva, F.N. (2018), “Development of archives in Kazakhstan during the period of independence”, *Bulletin of KazNU. Historical series*, vol. 91, no. 4, pp. 160–168.
- Mustafina, A.K. (2020), “Trends in the development of archival legislation of the Republic of Kazakhstan”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 44–50.
- Mukhatova, O.K. (2021), *Iz istorii deloproizvodstva i arkhivnogo dela v Kazakhstane: uchebnoe posobie* [From the history of office work and archives administration in Kazakhstan. Textbook], Kazakh University, Almaty, Kazakhstan.
- Sarieva, R.K. and Abdulina, A.T. (2006), *Ocherki po istorii organizatsii arkhivnogo dela v Kazakhstane (1918–1945 gg.)* [Essays on the history of the organization of archives in Kazakhstan. 1918–1945], Almaty, Kazakhstan.
- Sarieva R.K., Mustafina A.K. (2019), *Ocherki po istorii organizatsii arkhivnogo dela v Kazakhstane (1991–1997 gg.)* [Essays on the history of the organization of archives in Kazakhstan. 1991–1997], Almaty, Kazakhstan.
- Khasanaev, M.Zh. (2000), *Arkhivnoe stroitel'stvo v Kazakhstane v pervye gody ustanovleniya sovetsskoi gosudarstvennosti (1920–1922 gg.)* [Archival construction in Kazakhstan in the first years of the establishment of the Soviet statehood. 1920–1922. Materials for the “Archival Science” course], Almaty, Kazakhstan.

- Khorkhordina, T.I. (2022), *Istoriya arkhivov i arkhivnogo dela v Rossii* [History of archives and archives administration in Russia], Yurait, Moscow, Russia.
- Shotbakova, L.K., Mikheeva, L.V. and Akzhasarova, A.K. (2008), *Arkhivovedenie: uchebnoe posobie* [Archival Science. Textbook], Astana, Kazakhstan.

Информация об авторе

Алия Х. Мустафина, Архив Президента Республики Казахстан, Алматы, Казахстан; 050021, пр. Достык, д. 87Б; amustafina@archive.president.kz
ORCID ID: 0000-0002-5732-8790

Information about the author

Aliya Kh. Mustafina, Archives of the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan; bld. 87B, Dostyk Av., Almaty, Kazakhstan, 050021; amustafina@archive.president.kz
ORCID ID: 0000-0002-5732-8790

Персональная история

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-101-124

В.М. Хвостов и Московский институт социальной психологии (1917–1922)

Галина Г. Лисицына

*Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия, galina@eu.spb.ru*

Аннотация. В статье анализируются малоизученные документы по истории Московского института социальной психологии, основанного по инициативе Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) – профессора Московского университета, философа-неокантианца, доктора римского права, социолога, и его роль в процессе развития социологии – важнейшего направления в области общественных наук. Статья написана на основе документов, которые сохранили сотрудники института Леонтий Алексеевич Бызов (1886–1942) и его жена – Наталья Николаевна Фадеева-Бызова (1892–1985). В настоящее время они хранятся в Архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге.

После демонстративного выхода из Московского университета в 1911 г. («Дело Кассо»), как и многие его коллеги, В.М. Хвостов преподавал на Московских женских высших курсах и в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского.

В мае 1917 г. в период правления Временного Правительства, Хвостову удалось создать Московский институт социальной психологии как часть будущего Института социологии, основной задачей которого стало исследование общественных процессов и постепенное выделение социологии в самостоятельную научную дисциплину. Институт просуществовал всего пять лет (1917–1922), причем последние два года уже без В.М. Хвостова (он ушел из жизни в начале 1920 г.). Он понимал, что без социологии – науки об общественных процессах, ростки которой только начали проявляться в России, проигрывают не только общественные науки, но и вся научная среда начала XX в., и надеялся, что с приходом к власти Временного правительства общественная жизнь во всех ее проявлениях станет важным явлением, в том числе и для научных исследований, свободных

© Лисицына Г.Г., 2023

от идеологических догматов. Однако в октябре 1917 г. страна погрузилась в другую реальность – революция и победа большевиков постепенно уничтожали все иллюзии относительно свободы научного выбора. Несмотря на это, институт продолжал вести огромную работу в области изучения социально-психологических процессов и явлений в общественной жизни. Объемы этой работы исчисляются многими часами заседаний, опросными листами и анкетами, рефератами и докладами, научными спорами, практической работой с представителями самых разных социальных групп. Однако постепенно порядки, установленные советской властью, становились для В.М. Хвостова настолько мощным раздражителем, что мечта о формировании социологии как самостоятельной научной дисциплины оказалась неосуществимой. Тем не менее документы о деятельности Московского института социальной психологии представляют большую историческую и научную ценность, их изучение и публикация может внести новые страницы в историю российской и советской науки в начале XX в.

Ключевые слова: В.М. Хвостов, философ, социолог, Московский институт социальной психологии, методология исследований, психология армии, закрытие института

Статья поступила в редакцию 10 октября 2022 г.;

принята к публикации 18 ноября 2022 г.

Для цитирования: Лисицына Г.Г. В.М. Хвостов и Московский институт социальной психологии (1917–1922) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 101–124. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-101-124

V.M. Khvostov and the Moscow Institute of Social Psychology (1917–1922)

Galina G. Lisitsyna

*European University at St. Petersburg,
Saint Petersburg, Russia, galina@eu.spb.ru*

Abstract. The article analyzes the little-studied documents on the history of the Moscow Institute of Social Psychology, founded on the initiative of Veniamin Mikhailovich Khvostov (1868–1920), a professor of Moscow University, a neo-Kantian philosopher, a doctor of Roman law, a sociologist; the paper also discusses his role in the development of sociology, the most important direction in the field of social sciences. The article was written on the basis of the documents that were retained by his collaborators Leonty Alekseevich Byzov (1886–1942) and his wife, Natalia Nikolaevna Fadeeva-

Byzova (1892–1985). Currently, the records are kept in the Archives of the European University in St. Petersburg. After having ostentatiously left Moscow University in 1911 (the “Kasso Case”), just like many of his colleagues had done, he taught at Moscow Women’s Higher Courses and at Shanyavsky Moscow People’s University. In May 1917, during the rule of the Provisional Government, V.M. Khvostov managed to create the Moscow Institute of Social Psychology as part of the future Institute of Sociology, the main task of which was to carry out research on social processes and gradually turn sociology into an independent scientific discipline. The Institute existed for five years only (1917–1922), and the last two years – without V.M. Khvostov, who passed away at the beginning of 1920. V.M. Khvostov realized that without sociology, the science of social processes, the sprouts of which had just begun to appear in Russia, not only the social sciences, but the entire scientific community of the early twentieth century would lose out. He hoped that with the coming to power of the Provisional Government, the social life in all its manifestations would become an important phenomenon, including scientific research, free from ideological dogmas. Instead in October 1917, the country plunged into a different reality – the revolution and the victory of the Bolsheviks who gradually destroyed all illusions about the freedom of scientific choice. And nevertheless, the Institute continued to carry out a tremendous amount of research concerning the socio-psychological processes and phenomena in public life. The scope of that work could be perceived through many hours of meetings, questionnaires and survey forms, abstracts and reports, scientific disputes, practical work with the representatives of various social groups. However, gradually, the conditions imposed by the Soviet government turned out to become such a powerful irritant for V.M. Khvostov that the dream of forming sociology as an independent scientific discipline appeared to be unrealizable. And yet, the documents on the activities of the Moscow Institute of Social Psychology are of great historical and scientific value, their study and publication can contribute to the adding of the new pages in the history of Russian and Soviet science at the beginning of the 20th century.

Keywords: V.M. Khvostov, philosopher, sociologist, Moscow Institute of Social Psychology, methodology of research, army psychology, closure of the Institute

The article was submitted 10.10.2022;
accepted for publication 18.11.2022.

For citation: Lisitsyna, G.G. (2023), “V.M. Khvostov and the Moscow Institute of Social Psychology (1917–1922)”, *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 101–124, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-101-124

Введение

Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) – профессор Московского университета, философ-неокантианец, доктор римского права, социолог. После демонстративного выхода из Московского университета в 1911 г. («Дело Кассо»), как и многие его коллеги, преподавал на Московских женских высших курсах и в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского. В.М. Хвостов занимал видное место в Правлении Московского научного университета, организованного в 1912 г. для ведения научной деятельности, свободной от надзора властей. В марте 1913 г. на общем собрании Московского научного института ему было предоставлено почетное право выступить с программой этой новой научной организации¹. Особое внимание присутствующих он обратил на развитие общественных дисциплин, без которых значение науки XX в. представлялось ему ограниченным.

Последнее десятилетие своей жизни В.М. Хвостов посвятил социологии, еще не имеющей места среди официально признанных научных направлений. Для исследований в этой области он мечтал создать институт социологии, но прошло еще несколько лет, прежде чем появились необходимые для этого средства. В мае 1917 г. в период правления Временного Правительства, при поддержке Г.М. Марка, крупного предпринимателя и мецената, финансировавшего науку, свет увидел Институт социальной психологии [Лисицына 2020, с. 172–193]. За неимением достаточных ресурсов, в том числе профессиональных, Хвостов на начальном этапе организовал Институт социальной психологии как часть будущего Института социологии, основной задачей которого стало исследование общественных процессов и постепенное выделение социологии в самостоятельную научную дисциплину.

В.М. Хвостов

и создание Института социальной психологии

Формирование Института социальной психологии В.М. Хвостов начал с набора сотрудников, первыми были его ученики, вернее, ученицы — слушательницы Высших женских курсов и Народного университета им. А.Л. Шанявского. К моменту организации Инсти-

¹ О значении и задачах научного института: Речь, прочитанная в общем собрании «Общества Московского научного института в память 19 февраля 1961 г.» членом Ученого совета и правления В.М. Хвостовым. М.: Тип. Вильде, 1913. С. 24.

туда социальной психологии Хвостова много лет занимали проблемы общественных процессов, которые так или иначе были связаны с социальной психологией, среди них: основные проблемы этики и этика человеческого достоинства; взаимоотношение нравственной личности и общества, психология и равноправие женщин, роль женщины в обновленной культуре; свобода воли, закономерности общественных процессов и другие². Направления мыслей Хвостова, изложенные в учебниках, учебных пособиях и других публикациях, были хорошо известны сотрудникам института, вчерашним его слушательницам, поэтому они с энтузиазмом взялись за предложенные им исследования. В мае 1917 г., к началу работы института, было приурочено издание первого тома «Социологии». Таким образом, к моменту его организации была заложена теоретическая основа под исследовательскую базу новой общественной дисциплины, и Хвостов полагал, что «труд его может представлять интерес <...> при скудости литературы по истории социологических учений»³.

Вениамин Михайлович разработал планы организации Социологического института и Института социальной психологии, оба были одобрены членами правления Московского научного института и утверждены Ученым советом, а заведующим его был избран В.М. Хвостов.

Первое заседание Института социальной психологии проходило 10 мая 1917 г. в женской гимназии Надежды Павловны Хвостовой⁴, жены Вениамина Михайловича. Гимназия располагалась в Кривоарбатском переулке, в доме № 15. Открывая заседание программной

² Хвостов В.М. I. Психология женщин; II. О равноправии женщин. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1911. 68 с.; К вопросу о свободе воли: [Доклад, читанный в Московском психологическом обществе] // Вопросы философии и психологии. М., 1909. Кн. 96. С. 31–54; *Он же*. Нравственная личность и общество: Очерки по этике и социологии. М.: Н.Н. Ключков, 1911. VII, 230 с.; *Он же*. Основные проблемы этики: Конспект лекций, читанных на Моск. высш. жен. курсах в 1908/09 году проф. В.М. Хвостовым: Доп. к учеб. общ. теории права. М.: Литограф. Титяева, [1907]. 239 с.; *Он же*. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. 315 с.; *Он же*. Этика человеческого достоинства: Критика пессимизма и оптимизма. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 168 с.

³ Хвостов В.М. Социология: Введение. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе. М.: Изд. Моск. науч. ин-та, 1917. С. 2.

⁴ Женская гимназия Н.П. Хвостовой до революции отличалась либерализмом, поэтому, видимо, нарком просвещения А.В. Луначарский назначил заведующей этой школой ее бывшую владелицу.

речью, Хвостов подчеркнул, что «Институт социальной психологии является лишь одним из отделов Социологического института, предметом изучения которого служит общество как самостоятельное целое»⁵, таким образом, исследования в области социальной психологии являются первым шагом в этом направлении. Процесс организации исследований в намеченной им области Хвостов характеризовал как очень медленный, причину этой медлительности он видел в состоянии социологии как науки, которой, как он признавал, до сих пор в России не существует. Поэтому одну из первых задач института он видел в том, чтобы «найти для социологии новую почву». Он предложил своим сотрудникам два пути или два метода – дедуктивный и индуктивный; первый – для изучения современного состояния социологии различных школ и направлений, второй – применение в работе метода индукции – в наблюдении и изучении окружающей жизни, в сборе и накоплении фактического материала. Хвостов отметил, что до сих пор этот метод в области социологии не применялся, и скорее всего им не избежать ошибок, тем не менее только в процессе работы можно ожидать результатов и выработать наиболее эффективную методику.

В обязанности сотрудников входили подготовка рефератов по произведениям зарубежных и отечественных ученых в области общественных дисциплин, докладов, основанных на собственных наблюдениях, активное участие в обсуждении тех и других. В первом составе института под руководством В.М. Хвостова было всего десять сотрудников, причем жалование получали сам В.М. Хвостов, Л.Д. Баршева, М.В. Резцова, Н.П. Солюс и Н.Н. Фадеева, остальные принимали участие в работе Института на добровольных началах.

Людмила Дмитриевна Баршева вела протоколы заседаний, Наталья Павловна Солюс заведовала библиотекой. Бюджет института состоял в основном из средств, пожертвованных меценатом Г.М. Марком. Сохранилась приходно-расходная книга⁶, в которой отражены расходы на штатных сотрудников – они составляли лишь небольшую часть бюджета, остальная часть средств шла на приобретение книг для библиотеки, крайне необходимой для исследовательской работы. Книги регулярно приобретались у московских букинистов и жителей Москвы, среди них чаще других встречаются имена Леонова, Браиловского, Суворина, Лидерт, названия книжных магазинов «Союз» и «Юрист».

⁵ Протокол заседания Института социальной психологии № 1 от 10 мая 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁶ Приходно-расходная книга Института социальной психологии за 1917–1921 гг. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 2. Д. 4. 45 л.

Часть своей личной библиотеки предоставил институту сам Хвостов, другую часть – 10 тысяч томов, отдал профессор С.Б. Веселовский⁷. Таким образом, уже за два первых года была сформирована солидная библиотека. Кроме того, Хвостов добился для своих сотрудников разрешения заниматься в библиотеке Румянцевского музея.

Вскоре институт проводил свои заседания уже в собственном помещении, выделенном ему Московским научным институтом («три комнатки в полуподвальном этаже особнячка на Сивцевом Вражке (кажется, д. № 4 во дворе)»)⁸. С самого начала Вениамин Михайлович уделял большое внимание взаимодействию с учеными самых разных научных направлений. В первую очередь, это были люди, имевшие отношение к общественным наукам вообще и к социологии в частности. На одно из заседаний был приглашен Богдан Александрович Кистяковский⁹, профессор Киевского университета, правовед, философ и социолог, чье мнение Вениамин Михайлович высоко ценил. К его удовлетворению, Кистяковский назвал счастливой саму мысль о создании такого института и поддержал идею, формирующую его задачи, которая и прежде «витаала в воздухе», но не нашла ясного и определенного выражения. Кистяковский обратился к примеру Г. Зиммеля, первоначальной целью которого была идея коллективной работы в социологических исследованиях, где нельзя справиться одному, однако ни ему, ни его ученикам неясно было, как это осуществить на практике. В результате его большая работа стала плодом индивидуального творчества. Хвостову же, по мнению Богдана Александровича, «удалось уловить самую суть вопроса о коллективном труде, удалось наметить новые пути к разрешению социологических задач. Особенно важно, что благодаря этому новому пути можно будет построить социологию на базисе реальных наблюдений, базисе опыта, а может быть, и эксперимента»¹⁰.

⁷ Из дневника Н.Н. Фадеевой-Бызовой: «...пятница 21 февраля (8 февраля) [1919]. Была в институте. С.Б. Веселовский дает институту в пользование свою библиотеку, тысяч десять томов, много хорошего. Но приходится ее перевозить на салазках. Он сам нам помогал» (*Бызов Л.* Дневник моей бабушки Н.Н. Бызовой-Фадеевой // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2015/07/12/865> (дата обращения 10.12.2022)).

⁸ *Бызов Л.* Из воспоминаний моей бабушки: Воспоминания Натальи Николаевны Бызовой-Фадеевой (1892–1985) // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2014/07/10/1983> (дата обращения 10.12.2022).

⁹ Протокол заседания Института социальной психологии № 3 от 12 сентября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4 об.

¹⁰ Там же.

Для проведения коллективной работы, Вениамин Михайлович предлагал особую форму, отличную от традиционных докладов, которой привыкли пользоваться вчерашние слушательницы Высших женских курсов. Доклады о собранных наблюдениях не должны походить на обычные работы теоретического характера. Перед ними была поставлена задача вести записи о наблюдениях по рубрикам на отдельных листах, аргументируя, почему запись сделана в конкретной рубрике. Кроме того, Хвостов предостерегал наблюдателей от стремления оценочного подхода к происходящему. Вся записанная информация должна была находиться в архиве института и по мере ее накопления разбираться всеми сотрудниками¹¹. Другими словами, предлагалось создать базу данных, основанную на наблюдениях, классифицированную по рубрикам и по мере увеличения объема заключенной в ней информации использовать ее в исследовательских целях.

Поиск формы и содержания наблюдений на этом не закончился, чем дальше продвигалась работа, тем больше возникало вопросов. Во время обсуждения схем рубрик, или, как позже их стали называть, «табличек», все чаще возникал вопрос о терминологии для обозначения и разделения понятий¹².

Направления исследований института были настолько разнообразны, что даже для короткого знакомства с каждым из них потребовалась бы написать отдельную статью. Его сотрудники занимались сбором материалов по таким темам, как «Психология толпы», «О тайне и тайных обществах», «О характере властвования», «Логика чувств», «Психология публики», «Психология армии», «Психология великих людей», «О значении пространства для общественных отношений», «О закономерности революций», «О скрещивании социальных кругов», «Общественные классы», «О методах наблюдения», «О психологии русского народа», «О русской интеллигенции», «Литературная публика», «Право как форма социальной жизни», «Мода», «Махаевщина», «Слухи как социально-политическое явление», «Эволюция морали», «Психология кооператива» и др. Часто тема исследования совпадала с интересами самого В.М. Хвостова, который в своих трудах много внимания уделял этическим нормам, соотношению нравственности и права¹³.

¹¹ Протокол заседания Института социальной психологии № 2 от 5 сентября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2 об.

¹² Протокол заседания Института социальной психологии № 4 от 19 сентября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.

¹³ Жаров Т.К. Хвостов Вениамин Михайлович: Проект музея истории МПГУ. URL: <http://mpgu.su/scientists/hvostov-veniamin-mihaylovich/> (дата обращения 10.12.2022).

Это разнообразие направлений объясняется тем, что он пытался охватить как можно больше проявлений общественной жизни, а все вместе они и составляли ее общую картину. Основная проблема, с которой приходилось постоянно сталкиваться и ее разрешать, заключалась в выработке методологии, как общей для исследований в области социальной психологии, так и конкретной в каждом отдельном случае. В.М. Хвостов последовательно проводил мысль о применении сравнительно-исторического метода в исследовании социальных явлений в обществе [Щедрина, Пружинин 2019, с. 379]. «Процессы социально-психологической жизни имеют в основном один механизм. Чтобы раскрыть этот механизм, мы должны сначала взять исторический материал во всей его индивидуальности и конкретности. Затем наша задача путем сравнения возможно большего количества исторических явлений отмечать сходства и делать на основе их обобщения. В то же время необходимо отмечать и вникать в различия, которые в одной области сравнительно-исторического исследования могут являться сходствами в других сферах <...>»¹⁴.

На заседаниях института в обязательном порядке обсуждались научные труды известных ученых: философов, социологов, историков, психологов, писателей и публицистов – подготовка докладов и рефератов входила в обязанности каждого сотрудника, Хвостов и сам часто строил свои выступления на основе анализа научных воззрений западных ученых, особенно выделяя среди них труды Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля¹⁵. Он начал работу над вторым томом «Социологии» и периодически выносил на обсуждение коллег отдельные главы, часто сочетая свои теоретические выкладки с их практическим применением. Так, во время обсуждения программы изучения социальных групп он указывал на различие между группой и классом, которое видел в том, насколько полно и всецело они влияют на личность. В процессе дискуссии по этому вопросу высказывалась мысль, что в некоторые моменты истории требова-

¹⁴ Протокол заседания Института социальной психологии № 52 от 8 октября 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 67 об.

¹⁵ Дюркгейм Эмиль (1858–1917) – основатель французской социологической школы, автор многочисленных работ, посвященных проблемам социологии знания, образования, религии, права, морали и девиантного поведения. Дюркгейм ввел в научный оборот ряд популярных ныне терминов, в частности, «коллективное сознание». Зиммель Георг (1858–1918) – немецкий философ и социолог. Автор работ по философии истории, этике, в последний период работал над трудами по эстетике и философии культуры, создатель теории социального взаимодействия и основоположник конфликтологии.

ния группы или класса к личности могут достигать высокого предела, даже жертвования самой жизни, например так, поступает класс пролетариата, «говорящий о пролетарском сознании совести, долге и требующий ради себя жертвы всеми другими связями личности, даже национальными»¹⁶. Это явление Хвостов, со своей стороны, охарактеризовал как патологию, «ненормальность положения», столь бросающуюся в глаза, «как раз тем, что здесь класс присваивает себе не принадлежащие ему права, класс, так сказать, выдает себя за государство, т. е. за группу, кроме того он давит, исключает все другие классы»¹⁷.

В обсуждении исследовательских направлений института участвовали многие известные ученые, например, при обсуждении социальной психологии национальностей, интеллигенции и бюрократии присутствовал Н.А. Бердяев, мнение которого Хвостов ценил очень высоко. Он принял участие в дискуссии по поводу доклада о бюрократии, который вызвал оживленный интерес участников заседания, и высказался в том смысле, что «в социологии можно говорить о социальной физиологии и социальной патологии, подобно тому как, например, врач имеет дело как с физиологией, так и с патологией организма. Социальную патологию мы имеем в том случае, когда в процессе общественной жизни средства, избираемые людьми для достижения известных целей, берут верх над самими целями, заступают их место. Т<аким> образом, имея в виду те цели, которые ставились в известном случае, и видя, что они извращаются, вырождаются, можно в этом смысле высказывать оценки результатов, говорить о патологическом процессе»¹⁸.

Часто на заседаниях присутствовал историк литературы П.Н. Сакулин, который говорил о значении литературы в социологии и о значении социологии для литературы. Павел Николаевич отмечал, что значение литературы для социологии очень велико и имеет большое значение, особенно литературно-публицистические произведения, например, очерк Короленко «На затмение», который в результате исследований мог бы привести к интересным результатам социологического характера. Что касается влияния социологии на литературу, Сакулин также дал утвердительный ответ: «Социология и до сих пор привлекалась для объяснения литературных явлений. Успехи в ее области

¹⁶ Из выступления В.А. Свацинского // Протокол заседания Института социальной психологии № 24 от 26/13 февраля 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Протокол заседания Института социальной психологии № 30 bis от 11 апреля 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 27 об.

окажут, конечно, большое влияние на историю литературы. Особенно важно для истории литературы научное освещение более сложных социологических вопросов»¹⁹. Он особо отметил, что до сих пор в литературе в основном отражалась жизнь высших общественных классов, в то время как не менее живой интерес представляет жизнь и психология других слоев общества.

Каждое заседание института проходило в атмосфере жарких дискуссий и споров, но заканчивалось, как правило, поручением сотрудникам подготовить к следующему собранию трактовку терминологии или предложить свою методику наблюдений. Затем предложения снова обсуждались и принималась общая схема наблюдений. В частности, В.Н. Ивановский в обзоре революционного движения, основанном на фактическом материале, собранном им на улицах Москвы и Казани в 1917–1918 гг.²⁰, обратил внимание на важность переживания и передачи фактического материала так, «чтобы он мог переживаться и другими»²¹. В.М. Хвостов соглашался с ним, но подчеркивал, что стремление к конкретности может существовать только на начальном этапе работы, во время сбора фактов живой или исторической действительности, дальнейшая же стадия работы социального психолога заключается в абстрагировании и разъяснении материала о фактах, в подведении его под определенные классификацию и рубрики. Следующую стадию работы он определял как обобщение, получающееся в результате сравнения однородных фактов.

Однако вскоре, в конце сентября 1917 г., интерес исследований сосредоточился на другой теме – психологии армии. В основу метода сбора информации и изучения были положены те же принципы, что ранее использовались при изучении такого явления, как психология толпы, но этого было недостаточно. Имеющихся сотрудников явно не хватало для проведения исследования. Вениамин Михайлович привлек к работе на правах консультантов военных специалистов и опытных психиатров, знающих положение дел в армии, но в то же время имеющих хотя бы какую-нибудь научную подготовку. Среди них были: Н.Н. Соколов, С.П. Терновский, поручик

¹⁹ Протокол заседания Института социальной психологии № 4 от 19 сентября 1917 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.

²⁰ Ивановский Владимир Николаевич (1867–1939) – российский и советский философ. Ученый секретарь журнала «Вопросы философии и психологии», профессор философии историко-филологического факультета Казанского университета, ректор Самарского государственного университета (1919–1921).

²¹ Протокол заседания Института социальной психологии № 31 от 16 апреля 1918 г. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

Смолин и В.А. Свацинский²². Кроме сбора фактического материала, считалось полезным использовать дневниковые записи и письма военных, в том числе солдатских, причем как дореволюционного времени, так и современных. Сравнение тех и других, по замыслу участников проекта, должно было помочь им разобраться в причинах изменений, происшедших в состоянии армии, в том числе одного из важнейших вопросов – о том, какими средствами может быть достигнута военная дисциплина, утраченная в период революционных преобразований [Юрганов 2020].

Н.К. Кольцов²³ [Горелова 2017, с. 250–253] заинтересовался деятельностью института и, часто посещая его заседания, в свою очередь делился опытом работы над проектом организации статистического бюро при культурно-просветительском отделе Политического управления Военного министерства. В качестве дополнительного ресурса Кольцов предложил сотрудникам института воспользоваться возможностью наблюдений над солдатской средой в недавно открывшемся солдатском университете.

На одном из октябрьских заседаний был прочитан доклад «Психология армии», его подготовила М.В. Резцова, в нем она подвела теоретическую базу – составила свод наиболее распространенных взглядов на то, чем должна быть армия, а затем на основании их составила схему, которая могла бы облегчить практическое изучение психологии армии. Но при этом она столкнулась с некоторыми

²² Вероятно, Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928), юрист (адвокат), активный участник Февральской революции. Входил в состав военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, один из авторов «Приказа № 1» от 1 марта 1917 г. о гражданских правах солдат. С.П. Терновский посетил 12 заседаний Института (октябрь 1917 – август 1918), других сведений о нем установить не удалось; о поручике Смолине дополнительных сведений не обнаружено (участвовал в заседании института один раз 27 октября 1917 г.). Витольд Александрович Свацинский, присяжный поверенный, прапорщик, в 1917 г. Свацинский был уже в отставке. Он принимал активное участие во всех заседаниях института социальной психологии до 15 октября 1918 г. и позднее уже не упоминается в записях института. По воспоминаниям В.В. Стратонова, когда большевики объявили мобилизацию в 1918 г., Свацинский временно укрылся в Одессе, а затем, спасаясь от репрессий, уехал в Польшу (*Стратонов В.В.* По волнам жизни. М.: НЛЮ, 2019. Т. 2. Серия «Россия в мемуарах». URL: <https://books.google.ru/books?id=HiWeDwAAQBAJ&pg=PR176&lpg=PR176&dq=Свацинский> (дата обращения 10.12.2022).

²³ Николай Константинович Кольцов (1872–1940), ученый-биолог. В 1917 г. (по другим данным в 1916 г.) создал Биологический институт при Московском научном институте, которым руководил до 1939 г.

фактами, которые делают составление этой схемы более сложным делом, чем составление схемы для изучения толпы. Она привела целый ряд доказательств своего тезиса, собранных из теории и практики трудов об армиях разных стран²⁴, и на этом основании сформулировала отличия армии как организованной вооруженной силы от случайно организованной толпы²⁵.

Военные специалисты, прошедшие службу в действующей армии, по-разному реагировали на теоретические изыскания сотрудников института, особенно когда речь шла о формировании опросной анкеты. Например, поручик Смолин напрямую связывал степень материального обеспечения армии с «кривой дезертирства», которую он составлял в полевых условиях войны. Он считал, что «нет нужды и в особой военной дисциплине и особом военном воспитании. То и другое, хотя бы на это тратили массу времени и труда при столкновении с боевой обстановкой во время войны, оказываются совершенно непригодными, и на сцену выступает психология отдельного бойца, решающая все дело. Эта психология зависит от того, как поставлено воспитание гражданина»²⁶. Доктор Соколов, член военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, выражал сомнение относительно возможности полагаться на искренность ответов солдат и части офицеров, и это, по его мнению, могло бы привести к некорректным выводам относительно психологического состояния армии. Он вообще сомневался в возможности изучать армию в ее больном состоянии²⁷. Хвостов, наоборот, был уверен, что болезненное состояние армии очень помогает выяснению того, что можно называть здоровым ее состоянием.

Дополнением к материалу Резцовой послужило сообщение ее коллеги А.Г. Левенталь, которая взяла небольшое интервью у офицера с целью выяснения целесообразности сбора подобного материала. Участники заседания признали полезность такого опыта и приняли решение применять его в дальнейших исследованиях. Кроме того, Левенталь прочитала несколько солдатских писем дореволюционного времени, что навело на мысль об их большой ценности для

²⁴ Н.А. Ухач-Огорович. «Военная психология» (1911) и «Психология толпы и армии» (1911); А.С. Резанов. «Армия и толпа: Опыт военной психологии» (1910); Г. Мох. «Постоянная армия и милиция» (1896); Г. Роланд Гольст. «Всеобщая стачка и социал-демократия» (1906).

²⁵ Резцова М.В. Доклад «Психология армии», прочитанный на заседании института 24 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 2. Д. 7. Л. 2, 5–5 об.

²⁶ Протокол заседания Института социальной психологии № 9 от 27 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

²⁷ Там же.

исследования психологии армии, причем в сравнительном аспекте с современными письмами солдат [Хорхордина 2017]. Такие исследования могли бы «многое уяснить в вопросе о причинах изменения состояния армии и подвести отчасти к решению самого жгучего и большого вопроса относительно армии, именно о средствах, какими может быть достигнута дисциплина, существовавшая в русской армии раньше и разрушенная теперь», – и это, по убеждению В.М. Хвостова, «основной вопрос, на который наш институт должен стремиться ответить. Только научная беспристрастная работа может разрешить спор о так называемой «сознательной дисциплине», спор, который совершенно безумен и бесполезен, пока в нем исходят из партийных собраний, пока игнорируют всякую научную и, тем более, социологическую подготовку»²⁸.

С.П. Терновский горячо поддержал предлагаемую методику сбора фактов и высказался за скорейшую разработку анкеты. Опытом по составлению анкет для опроса военных обладал доктор М.П. Кутанин²⁹, сотрудничавший с институтом. Его опыт был чрезвычайно полезным, поэтому В.М. Хвостов предложил создать комиссию для составления опросной анкеты с привлечением к этой работе, кроме военных, специалиста-статистика.

К началу ноября был готов первоначальный вариант анкеты, которая состояла из следующих вопросов: «о прежнем положении анкетуемого (сословия, занятия, семейное положение и т. п.); об отношении к перевороту (25 октября 1917 г. – Г. Л.); об отношении к прежней дисциплине (в армии. – Г. Л.); отношении к врагу; отношении к внешней политике; отношении к политическим партиям»³⁰ и т. д. Однако этот вариант Хвостов подверг критике, так как включенные в анкету вопросы, по его мнению, были слишком общими, не имели конкретной формулировки, поэтому он предложил разбить их на более мелкие элементы. Дискуссии по изучению психологии армии продолжались до конца 1917 г. В итоге Хвостов наконец пришел к убеждению, что на первых порах выработанная институтом систематическая таблица будет полезна для взаимодействия с офицерами и высшим командным составом армии, которых сотрудники смогут привлечь к работе или провести в их среде опрос, так как

²⁸ Протокол заседания Института социальной психологии № 6 от 3 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²⁹ Михаил Павлович Кутанин (1883–1976) – русский ученый-психиатр, гипнолог, основатель саратовской психиатрической школы (1922). После Февральской революции 1917 г. оказался на фронте – был начальником санитарного поезда.

³⁰ Протокол заседания Института социальной психологии № 9 от 27 октября 1917 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

распространение ее в широких армейских массах в настоящих условиях невыполнимо.

В 1918 г. военная тема перестала быть актуальной для института, что было связано с изменениями в политической ситуации в стране после октября 1917 г. Представители Временного правительства, с которыми сотрудничал институт, были свергнуты новой властью. Большевики, как и их предшественники, понимали необходимость реформирования армии, но основывались они уже на собственной идеологической платформе, полностью отмежевываясь от «буржуазной военной науки» [Лисицына 2020, с. 179]. Формируя новую военную психологию, советское руководство поставило задачу содействовать созданию и укреплению армии «нового типа, свободной от идеализма, основанной на материалистическом толковании психологических явлений» [Барабанщиков, Феденко 1968, с. 16].

Правительству большевиков необходимо было формировать новую армию, поэтому оно вынужденно было привлекать бывших военных специалистов. В связи с этим неудивительно, что весной 1919 г. институт вернулся к теме изучения социальной психологии армии. Специально организованная комиссия, в состав которой вошли В.М. Хвостов и Л.Д. Баршева (она вела протокол) и военные специалисты – Д.К. Лебедев, Н.С. Беляев, В.И. Селивачев, П.А. Глазков, С.Д. Харламов, А.А. Свечин и Н.Н. Сучков³¹, прово-

³¹ Все перечисленные лица были в прошлом офицерами Русской императорской армии, видными военными специалистами, мобилизованными советской властью для работы в высших управленческих структурах Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА): Дмитрий Капитонович Лебедев (1872–1935) – генерал-майор Русской императорской армии, с 1918 г. военный специалист РККА – чиновник Главного управления Генерального штаба и ученый секретарь военно-исторической комиссии по описанию событий Первой мировой войны, преподаватель. Николай Семенович Беляев (1866–1935) – генерал Русской императорской армии, герой Первой мировой войны, военный специалист РККА, занимал должность инспектора Главного управления военно-учебных заведений Всероссийского главного штаба, с 1919 г. – преподаватель Военной академии РККА. Владимир Иванович Селивачев (1868–1919) – генерал-майор Русской императорской армии, военный специалист РККА. В 1918 г. призван в Красную Армию, занимал должность сотрудника по исследованию и использованию опыта войны при Всероссийском главном штабе. Петр Александрович Глазков (1869–1867) – по сведениям на 1916 г., офицер Русской императорской армии (подполковник), участник Первой мировой войны, командир 2-го дивизиона 10-й полевой тяжелой артиллерийской бригады. Сергей Дмитриевич Харламов (1881–1965) – полковник Русской императорской армии, в мае 1918 г. добровольно вступил в РККА, был

дила свои совещания в редакции журнала «Военное дело». Комиссия должна была выработать совместный план работы для изучения военной психологии. По мнению В.М. Хвостова, это был чрезвычайно удачный исторический момент, когда в короткий срок разложилась старая армейская система и начинала складываться новая армия, в состав которой вливались образованные военные кадры царского времени.

На совместном заседании В.М. Хвостов изложил свои взгляды на современное состояние социальной психологии как науки, указав на то, что, только усвоив задачи и методы социальной психологии, можно будет подвести прочный научный фундамент и под исследование психологии армии. Он сообщил собранию о тех попытках, какие предпринимались Институтом социальной психологии для выработки программы изучения психологии армии, затем ознакомил с самой программой и сделал ряд предложений относительно дальнейшего направления начатой работы. Эти предложения были изложены В.М. Хвостовым в ряде статей, написанных для журнала «Военное дело»³² под заголовком «Социальная психология и военное строительство». В них он рассматривал вопросы рациональной организации аппарата армии и предлагал методику наблюдения за жизнью армейской системы. Он считал невозможным строить изучение социальной психологии армии изолированно, исследование должно быть связано, по его мнению, с общей наукой социальной психологии, которая устанавливая общую классификацию социальных образований, отводит определенное место армии как одному из видов социальных образований. Хотя комиссия рассматривала все составленные институтом программы по изучению психологии армии, в которых ставились вопросы, подлежащие изучению, постоянные дебаты относительно терминологии, нормативной базы,

назначен начальником Отделения оперативного управления Всероссийского главного штаба, с февраля по май 1919 г. – преподаватель Военной академии РККА. Александр Андреевич Свечин (1878–1938) – генерал-майор Русской императорской армии. В марте 1918 г. перешел на сторону большевиков, был назначен начальником Всероссийского главного штаба, затем преподавал в Академии Генерального штаба и занимал пост главного руководителя военных академий РККА по истории военного искусства и стратегии. Расстрелян в 1938 г. Персонаж романа А. Солженицына «Красное колесо». Николай Николаевич Сучков (?–[1919]) – во время Первой мировой войны офицер в штабе Юго-Западного фронта, после революции, в апреле 1918 г., служил в Москве в офицерской школе маскировки при Главном штабе.

³² *Хвостов В.М. Социальная психология и военное строительство // Военное дело. 1919. № 9–10. С. 396–400.*

психологических особенностей в армии и методов сбора информации так и не переросли в общие принципы и методы исследования. Комиссия не довела работу до конца и осенью 1919 г. прекратила свое существование. Этому также способствовали и тяжелые условия повседневной жизни, «чрезвычайно затруднявшие работу, на эту попытку губительно повлияло и развитие Гражданской войны [Бызов 2011, с. 112].

Несмотря на все трудности, работы В.М. Хвостова и проект по изучению социальной психологии армии, несомненно, повлияли на создание в марте 1920 г. при Академии Генерального штаба опытной психологической лаборатории, главной целью которой стало «научное, систематическое изучение тех отделов психологии, которые могут иметь <...> отношение к военной практике» [Бызов 2011, с. 112].

К концу 1919 г. в поле зрения института оказался новый объект для изучения — кооперация. Существовавшее до революции кооперативное движение объединяло множество кооперативов и артелей под эгидой всероссийских и московских центров. Среди них значительное место занимали Артель-банк, Совет промышленной кооперации, Всероссийский центр кустарно-промышленной кооперации (Кустарсбыт), редакция журнала «Вестник промысловой кооперации» и Всероссийское объединение лесных союзов трудовых артелей (Волста). Получение заказа на исследование социальной психологии кооперативов стало для института большой удачей как с точки зрения направления исследования, так и с финансовой стороны³³.

2 сентября 1919 г. Хвостов выступил с программной речью перед участниками заседания, в котором, кроме сотрудников, приняла участие и группа представителей разных организаций, представлявших кооперативное движение³⁴. Он объявил, что от работы теоретического и абстрактного характера институт переходит к изучению социальной психологии «путем чисто конкретного

³³ Приходно-расходная книга Института социальной психологии за 1917–1921 гг. // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–40.

³⁴ В.А. Перелёшин – председатель правления Артельсовета, А.И. Кондратьев – управляющий делами Сельскосовета, И.Я. Блинов – заведующий отделом Центрального союза «Кооперативное зерно», Н.Н. Ломакин – инструктор Артель-банка, А.Н. Марков – секретарь Совета промысловой кооперации, В.С. Малченко – юрист, инструктор московского Союза кустарных артелей, Н.И. Курочкин – инструктор Центрального кооперативного товарищества плодородов и огородников и другие (см.: Протокол заседания Института социальной психологии № 89 от 02.09.1919 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 4. Л. 48).

подхода к обследованию самой социальной жизни» и объектами такого исследования в первую очередь выдвигаются два социальных образования – армия и кооператив. В.М. Хвостов подготовил ряд докладов и статей о значении социальной психологии для кооперации. Специалисты кооперативного движения, в свою очередь, обращали внимание сотрудников института на особенности текущего момента, «когда происходит много болезненных явлений в этой области и когда мы здесь видим борьбу разных психологических мотивов, но редко находим подлинную душу кооператива, какой она должна быть»³⁵.

Сбор материала, как правило, проводился в виде опроса работников, в основном женщин, за каждой из которых, по словам Н.Н. Фадеевой, – «чувствуется своя жизненная драма...»³⁶.

Сложность наблюдения за происходящими в кооперативной среде явлениями ставила перед исследователями новые задачи, поэтому в дальнейшем после многочисленных дебатов, в том числе с представителями кооперации, были намечены разные формы наблюдений. Хвостов, в частности, предложил целый ряд методов и приемов изучения кооперативов, состоящих из сравнительно-исторического изучения кооперативного строительства; наблюдений массовых процессов через наблюдения отдельных кооперативов; применения детального «микроскопического» анализа для их исследования; составления биографий и характеристик отдельных личностей, как крупных, так и «заурядных»; сбора всевозможных материалов в виде записей наблюдений, отчетов, протоколов съездов, совещаний, уставного материала, инструкторских докладов и т. п.; составления общей программы изучения кооперативной психологии, а также отдельных опросников как для кооператива в целом, так и отдельной личности³⁷.

В процессе исследования социальной психологии кооперативов постоянными участниками заседаний института были такие известные экономисты, как И.В. Мозжухин, Н.Д. Кондратьев, И.А. Поплавский, В.А. Перелёшин. Они не могли игнорировать новые тенденции социалистической экономики, тем более что среди специалистов, привлекаемых к исследованию психологии кооперации, к 1920 г. появлялось все больше представителей новой власти, пытавшихся изменить направление основного замысла исследования, до сих пор свободного от навязываемой

³⁵ Там же. Л. 49.

³⁶ Бызов Л. Дневник моей бабушки Н.Н. Бызовой-Фадеевой. URL: <https://proza.ru/2015/07/12/865> (дата обращения 10.12.2022).

³⁷ Протокол заседания Института социальной психологии № 93 от 6 октября 1919 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 4. Л. 62.

большевистской идеологии. 12 января 1920 г. состоялось заседание, посвященное проблемам исследования кооперации, речь на нем шла в основном о различии между артелями и коммунами, между кооперативным движением и социализмом³⁸. Основным докладчиком по теме был В.И. Барыков³⁹, большинство участников (А.В. Вавулин, Н.А. Витке⁴⁰, В.М. Хвостов и сам В.И. Барыков) в прениях по докладу выразили свое отношение к идеологическим нападкам со стороны социалистов, они пришли к выводу, что нецелесообразно убеждать противников кооперации идеологическими доводами, а необходимо сосредоточиться на деловой практической деятельности. Но воплотить такое намерение в реальной жизни было непросто, идеологические споры отвлекали сотрудников от исследовательских задач, что, видимо, в значительной степени повлияло и на депрессивное настроение В.М. Хвостова. Кроме того, малочисленный кадровый состав института не мог в полной мере справляться со сроками и объемами поставленной задачи, а идея создания сети корреспондентов для проведения опросов в кооперативной среде не была в полной мере реализована.

2 февраля В.М. Хвостов провел последнее в своей жизни заседание. Извинившись за свое болезненное состояние⁴¹, он представил собравшимся программу по изучению публики, выработанную еще

³⁸ Протокол заседания Института социальной психологии № 119 от 12 января 1920 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

³⁹ Барыков Всеволод Иванович – деятель промысловой кооперации, автор книг «Заработная плата кустарей Костромской губернии» (Кострома, 1915); «Льняная крестьянская промышленность Костромской губернии» (Кострома, 1919); «Об издании общеземского органа в интересах мелкой и кустарной промышленности» (Казань, [1909]); «Статистические данные по обязательному земскому страхованию Костромской губернии за 1879–1901 годы» (Кострома, 1902); «Ткацкий промысел» ([Кострома], 1914) и др. Активный участник заседаний в Институте социальной психологии в 1919–1920 гг.

⁴⁰ Вавулин А.В. – представитель промысловой кооперации. Активный участник заседаний в Институте социальной психологии в 1919–1920 гг. Витке Николай Андреевич – сотрудник Института социальной психологии, исследователь в области организации труда и управления, один из инициаторов НОТовского движения в 1920–1930 гг. Отстаивал идею целостного подхода к управленческой деятельности, основы которой изложены в работе «Организация управления и индустриальное развитие» (1925).

⁴¹ В.М. Хвостов пропустил предыдущее заседание института 26 января 1920 г.

в 1917 г. Сделал он это в связи с появлением новой темы исследования – психологии слухов⁴².

Трагическое происшествие стало известно только 10 февраля, когда сотрудники пришли на очередное заседание⁴³. Вениамин Михайлович покончил с собой 5 февраля, возможно, на его душевное состояние повлияли несколько причин.

Профессор Московского университета С.Б. Веселовский сделал запись об этой трагедии в своем дневнике: «Какую ужасную драму должен был пережить этот уравновешенный, самоуверенный и самонадеянный человек, обладавший недурным, во всяком случае, здоровьем и значительной силой воли. Его смерть производит тяжелое впечатление. Так гибнут один за другим представители верхов нашего образованного класса. И не видно конца этому ужасу»⁴⁴.

После смерти Хвостова его имя было присвоено институту, но продержался институт недолго, хотя его новый руководитель, профессор Московского университета историк Р.Ю. Вишпер⁴⁵, старался поддерживать и продолжать намеченный его предшественником план исследований. Институт продолжал работу до середины 1922 г., известно, что примерно в это время Вишпер вынужден был покинуть Московский университет из-за идеологических разногласий с советской властью. Формально с этого момента Институт социальной психологии прекратил свое существование.

Причиной стало отсутствие интереса со стороны государства к социологии как науке, которая вскоре и вовсе оказалась под запретом, и, как следствие, прекращение финансирования и лишение помещения (руководство университета потребовало освободить его для Бактериологического института). Около двух лет бывшие сотрудники института под руководством Л.А. Бызова пытались продолжать работу и исследования в области общественного строительства в форме кружка, но и эта инициатива продержалась лишь до первых месяцев 1924 г.

⁴² Протокол заседания Института социальной психологии № 124 от 2.02.1920 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

⁴³ Протокол заседания Института социальной психологии № 126 от 10.02.1920 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-18. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁴⁴ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 118. Запись в дневнике ошибочно датирована 29 января 1920 г., в это время В.М. Хвостов был еще жив. Вероятно, Веселовский иногда вел записи задним числом, поэтому случались ошибки.

⁴⁵ Роберт Юрьевич Вишпер (1859–1954), российский историк, с 1901 по 1922 г. – профессор Московского университета.

Заключение

Вениамин Михайлович Хвостов понимал, что без социологии, начальные ростки которой только начали проявляться в России, проигрывают не только общественные науки, но и вся научная среда начала XX в. Свою инициативу по созданию нового исследовательского направления он начал реализовывать в переломный исторический момент, когда «Февральская революция многими воспринималась как борьба за свободу и гражданские права»⁴⁶, а общественная жизнь во всех ее проявлениях стала важным явлением, которое должна была изучать новая научная дисциплина – социология – свободная от идеологических догматов. В октябре 1917 г. страна погрузилась в другую реальность – революция и победа большевиков неизбежно внесли свои коррективы в деятельность института. Особенно трудно было в зимний период 1918–1920 гг., при постоянном дефиците продуктов питания, тесноте и холоде в помещениях, при отсутствии регулярной работы транспорта и неуверенности в завтрашнем дне из-за царящего бандитизма и чекистского террора⁴⁷. Однако сотрудники института продолжали свою работу в области изучения социально-психологических

⁴⁶ Федотов Г.П. Февральская революция 1917 года // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 258.

⁴⁷ Из дневника Н.П. Окунева, запись 17/30 июля 1918 г.: «Советская власть должна обеспечить свой тыл, против нее, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее. <...> Скорее бы уж, что ли, “придушали” нас, как это обещается Лениным и Троцким. Жизнь стала совсем невозможной <...> неровен час попадешь на Лубянку № 11. (Историческое место; застенок; там заседает Чрезвычайная комиссия <...>, оттуда ежедневно выносятся десяткам несчастных или преступных людей быстрые и безапелляционные смертные приговоры)» (Окунев П.Н. Дневник москвича: 1917–1924. Paris: YMCA-PRESS, 1990. С. 206). Из записей в дневнике Н.Н. Фадеевой от 2 ноября/20 октября 1918 г.: «Трамваи с сегодняшнего дня ходят только с 7 до 11 утра и с 4 до 7 вечера»; от 4 ноября/22 октября: «Сегодня был чрезвычайно утомительный день: в 9 часов вышла из дому, до 4 на фабрике, оттуда в институт. И при том, за отсутствием трамваев, два конца пешком...»; от 6 ноября/24 октября: «Утром пошла на фабрику. Работали там до часу, потом пришлось идти пешком, так как трамваи перестали ходить...»; от 5 января 1919 г.: «Сегодня с утра звонила тетя, сказала, что у них не осталось дров, нет хлеба, у нее нет уже сил жить так, просит приютить всех у нас. По этому поводу весь день обсуждали, как мы можем еще уплотниться» (Бызов Л. Дневник моей бабушки Н.Н. Бызовой-Фадеевой. URL: <https://proza.ru/2015/07/12/865> (дата обращения 10.12.2022)).

процессов и явлений в общественной жизни. Объемы этой работы исчисляются многими часами заседаний, опросными листами и анкетами, рефератами и докладами, научными спорами, практической деятельностью в среде самых разных социальных групп. Но со временем общая обстановка в стране и порядки, установленные советской властью, становились мощным раздражителем для Хвостова. В таких условиях осуществлять работу было крайне трудно, мечта о создании Социологического института представлялась ему недостижимой. В это время любой ничтожный повод мог привести к катастрофе, что и произошло 5 февраля 1920 г.

Институт социальной психологии просуществовал всего пять лет, история его деятельности сохранилась благодаря его бывшим сотрудникам Леонтию Алексеевичу Бызову (1886–1942) и особенно его жене – Наталье Николаевне Фадеевой-Бызовой (1892–1985). Сохраненные ими документы перешли по наследству к их внуку Леонтию Георгиевичу Бызову – московскому социологу. В 2017 г. он передал в Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге протоколы заседаний института, а в 2018 г. архив пополнился материалами, ранее хранившимися у Максима Ефимовича Осовского, которые вместе с протоколами составляют архивный фонд, получивший название Л-18 «Леонтий Алексеевич Бызов»⁴⁸. В настоящее время фонд состоит из трех частей, из которых две имеют отношение к деятельности Института социальной психологии⁴⁹.

В 1-й описи фонда сформированы 8 единиц хранения: протоколы заседаний Института социальной психологии с 1917 по 1922 г. включительно и протоколы заседаний Кабинета общественного строительства и затем его правопреемника – кружка с подобным названием, которые до 1924 г. на общественных началах продолжали дело, начатое Вениамином Михайловичем Хвостовым, его создателем и руководителем до 1920 г. Внутри каждой единицы хранения находятся описания каждого протокола: его номер, дата проведения заседания, имя участников заседания и темы их выступлений. Всего в опись внесены описания 256 протоколов на 732 листах. Все протоколы представляют собой рукописные тексты в удовлетворительной степени сохранности, но небольшая их часть имеет значительные повреждения. Все тексты протоколов оцифрованы, осуществлен компьютерный набор протоколов с целью их будущей публикации.

⁴⁸ Архив ЕУСПб. Ф. Л-18 «Л.А. Бызов». URL: <http://arch.eu.spb.ru/object/1277290> (дата обращения 10.12.2022).

⁴⁹ В 3-ю опись фонда Л-18 внесены документы (80 ед. хр.) с 1928 по 1968 г. за период деятельности Л.А. Бызова вне института, в основном о его деятельности уже в Институте графического языка.

Во 2-ю опись фонда внесены документы о деятельности института и его сотрудников: сохранившиеся доклады, рефераты, конспекты, опросные листки, приходно-расходные книги, проекты программ, устав. Доклады и рефераты дополняют протоколы заседаний. В описании к ним дается ссылка на номер и дату протокола заседания, когда они были зачитаны. Всего во 2-ю опись внесено 109 единиц хранения за 1913–1928 гг.

Состав и содержание документов о создании и деятельности Московского института социальной психологии представляют собой большую историческую и научную ценность, их изучение и публикация могут внести новый вклад в такие направления, как история формирования российской и советской науки в начале XX в., история российской социологии, а также в области отдельных биографических исследований.

Литература

- Барабанчиков, Феденко 1968 – *Барабанчиков А., Феденко Н.* К вопросу о развитии советской военной психологии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 15–25.
- Бызов 2011 – *Бызов Л.А.* Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 4 (104). С. 107–130.
- Горелова 2017 – *Горелова Л.Е.* История создания Московского научного института – вольной научной академии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 4 (25). С. 250–253.
- Лисицына 2020 – *Лисицына Г.Г.* История Московского института социальной психологии (по материалам протоколов заседаний института: 1917–1924) // Социологический журнал. 2020. № 3 (26). С. 172–193.
- Хорхордина 2017 – *Хорхордина Т.И.* Революция 1917 года и российские архивы: как это было // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 38–56.
- Щедрин, Пружинин 2019 – *Щедрин Т.Г., Пружинин Б.И.* Вениамин Михайлович Хвостов и Густав Густавич Шпет: «разговор» о методологии исторического знания // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов. М.: РОССПЕН, 2019. С. 367–380.
- Юрганов 2020 – *Юрганов Ю.Л.* Повседневность в истории России: опыты реконструкции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 10–14.

References

- Barabanshchikov, A. and Fedenko, N. (1968), "On the issue of the development of Soviet military psychology", *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 12, pp. 15–25.
- Byzov, L.A. (2011), "Institute of Social Psychology in Moscow", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, vol. 104, no. 4, pp. 107–130.
- Gorelova, L.E. (2017), "The history of the creation of the Moscow Scientific Institute – a free scientific academy", *Issues of social hygiene, public health and history of medicine*, vol. 25, no. 4, pp. 250–253.
- Khorkhordina, T.I. (2017), "The 1917 Revolution and Russian archives. How it all happened", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 38–56.
- Lisitsyna, G.G. (2020), "The history of the Moscow Institute of Social Psychology (based on the materials from Institute Meeting Reports. 1917–1924)", *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 26, no. 3, pp. 172–193.
- Shchedrina, T.G. and Pruzhinin, B.I. (2019), "Veniamin Mikhailovich Khvostov and Gustav Gustavovich Shpet: 'conversation' about the methodology of historical knowledge", in *Metodologiya istorii: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevskii, D.M. Petrushevskii, V.M. Khvostov* [Methodology of history: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, D.M. Petrushevsky, V.M. Khvostov], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Iurganov, A.L. (2020), "Everyday in Russian history. Experiences of reconstruction", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 10–14.

Информация об авторе

Галина Г. Лисицына, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 1; galina@eu.spb.ru
ORCID ID: 57219267327

Information about the author

Galina G. Lisitsyna, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia; bld. 1, Shpalernaya St., Saint Petersburg, Russia, 191187; galina@eu.spb.ru
ORCID ID: 57219267327

**Архивоведение и документоведение:
история, теория, практика
К 100-летию классика отечественного архивоведения
В.Н. Автократова**

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-125-137

**В.Н. Автократов и формирование
научно-педагогической школы источниковедения**

Надежда В. Серeda

*Тверской государственный университет, Тверь, Россия
nv.sereda@yandex.ru*

Аннотация: В литературе, посвященной В.Н. Автократову, оценивается его вклад в теорию архивоведения. Отмечается, что системообразующим элементом «общей теории архивоведения» у Автократова является подход к процессу фондообразования как к частному проявлению причинно-следственных связей.

Автор настоящей статьи видит свою задачу в том, чтобы показать огромное положительное влияние статей В.Н. Автократова на развитие источниковедения и на формирование на рубеже XX–XXI вв. в рамках кафедры источниковедения Историко-архивного института научно-педагогической школы источниковедения.

Статьи, опубликованные Автократовым в 60–70-е гг. XX в., уже тогда были осмыслены и восприняты научным сообществом. Ярким подтверждением этого является появление в 60–70-е гг. XX в. целого ряда исследований, построенных на анализе описей.

В последующие годы сотрудники кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ провозгласили тезис об отражении в системе источников проекции культуры прошлого. Тезис нашел подтверждение в исторических и источниковедческих исследованиях. Была также продемонстрирована продуктивность такого подхода к источникам.

В трудах исследователей, работающих в рамках этой школы, изучаются документные комплексы различного масштаба.

Ключевые слова: Россия, архивный фонд, научная школа, источники, методы исследования, научное сообщество

© Серeda Н.В., 2023

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2022 г.;

принята к публикации 15 декабря 2022 г.

Для цитирования: Середя Н.В. В.Н. Автократов и формирование научно-педагогической школы источниковедения // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 125–137. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-125-137

V.N. Avtokratov and the formation of the scientific pedagogical school of source studies

Nadezhda V. Sereda

Tver State University, Tver, Russia, nv.sereda@yandex.ru

Abstract. The literature about V.N. Avtokratov evaluates his contribution to the theory of archival studies. It is noted that Avtokratov's approach to the fund formation process as to a particular manifestation of a cause-and-effect relationship is the backbone element of the "general theory of archival studies". The aim of the present research is to show the enormous positive impact of V.N. Avtokratov's works on the development of source studies and on the formation of the Scientific and Pedagogical School of Source Studies within the framework of the Department of Source Studies of the Institute for History and Archives at the turn of the 20th-21st centuries. The articles published by Avtokratov in the 1960s – 1970s at that time already were conceptualized and perceived by the scientific community. The appearance at that time of a number of studies based on the analysis of inventories proves to be its striking confirmation. In subsequent years, the staff of the Department of Source Studies of the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities proclaimed a thesis about the reflection in the sources system of the past culture projection. The thesis was confirmed in historical and source studies. The efficacy of such an approach to sources has also been demonstrated. The works of that school researchers working within this school deal with the document complexes of various scales.

Keywords: Russia, archival fund, scientific school, sources, research methods, scientific community

The article was submitted 1.11.2022;

accepted for publication 15.12.2022.

For citation: Sereda, N.V. (2023), "V.N. Avtokratov and the formation of the scientific and pedagogical school of source studies", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 125–137, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-125-137

Введение

В XXI в. благодаря сотрудникам кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ осмыслен и оценен вклад Владимира Николаевича Автократова в развитие теории архивоведения. Их стараниями издана монография Владимира Николаевича, в которую вошли его наиболее значительные статьи [Автократов, 2001]. В предисловии к монографии Т.И. Хорхордина предложила свое осмысление вклада В.Н. Автократова в развитие архивоведения. Т.И. Хорхордина очень верно заметила, что системообразующим элементом «общей теории архивоведения» у Автократова является подход к процессу фондообразования как к частному проявлению причинно-следственных связей [Хорхордина 2001, с.15]. В предисловии сделан акцент на противостоянии Владимира Николаевича и «зубров» архивоведения, в том числе из числа сотрудников Историко-архивного института.

Автор настоящей статьи видит свою задачу в том, чтобы показать огромное влияние трудов В.Н. Автократова, опубликованных в 60–70-е гг. XX в., на развитие источниковедения и формирование на рубеже веков в рамках кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ научно-педагогической школы источниковедения, основополагающие идеи которой получили развитие и признание, воплотившись в конкретных источниковедческих и исторических исследованиях.

В.Н. Автократов и развитие его идей в трудах ученых научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института РГГУ

В России основным видом архивных фондов являются фонды, сформированные по принципу происхождения, созданные в деятельности государственных учреждений, общественных организаций или органов самоуправления. Разрабатывая теорию архивоведения, В.Н. Автократов отмечал, что в таких фондах «информация фонда является документным отражением причинно-следственных отношений и способна служить источником наших знаний о прошлом» [Автократов 1973, с. 60]. Обосновывая тезис об объективной природе понятия «архивный фонд», В.Н. Автократов подчеркивал значение архивного фонда как «генетически и структурно целостного источника со своими реальными связями», которые складываются в процессе документирования деятельности фондообразователя, сохраняются в фонде *и отражают структуру и содержание документной информации* [Автократов 1973, с. 61–62].

Несомненная заслуга Автократова заключается в том, что он напомнил о теоретических разработках историков и архивистов предреволюционного времени и первых лет советской власти, когда были осознаны и применялись возможности исследования на стыке архивоведения, документоведения и источниковедения. Однако с приходом М.Н. Покровского к руководству архивным делом исследования в этом направлении были прерваны.

По счастью, кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в ИАИ некоторое время руководил А.И. Андреев, чья деятельность создала предпосылки для осознания сотрудниками и аспирантами института факта формирования информационных связей в условиях создания и хранения дел в составе фондов. Это повышало возможности использования описей фондов и НСА архивов для изучения не только истории архивов, но также и для лучшего понимания контекста эпохи, в рамках которой создавались документы и формировались архивы и архивные фонды. Ярким подтверждением восприятия идей Автократова и его предшественников стало появление в 60–70-е гг. XX в. целого ряда исследований, построенных на анализе описей [Амосов 1975; Гальцов 1976; Шмидт 1984; Шмидт 1996]. Правда, плодотворность комплексного исследования источников на стыке архивоведения и источниковедения несколько тормозилась процессом дифференциации вспомогательных исторических дисциплин и кафедр в рамках Историко-архивного института.

Тем не менее на кафедрах вспомогательных исторических дисциплин и истории организации архивного дела постепенно произошло осмысление подхода первых послереволюционных исследователей и идей В.Н. Автократова и их дальнейшее развитие. Занимаясь подготовкой к переизданию труда А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», сотрудники кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (так стала называться с 1990 г. кафедра вспомогательных исторических дисциплин) восприняли и стали всячески пропагандировать тезис ученого об источнике как продукте человеческой психики [Дурновцев 2022]. Была осмыслена и воспринята идея Автократова, что процесс фондообразования является частным проявлением причинно-следственных связей в процессе его развития и познания. Осознание этих идей и легло в основание научно-педагогической школы источниковедения. В современной литературе встречается определение этой школы как научно-педагогической школы О.М. Медушевской [Сабенникова 2022]. В конце XX в. представители школы стали рассматривать целостные архивные комплексы как продукты культуры своего времени и как проекции исследуемого объекта [Медушевская 2001, с. 9; Румянцева 1999, с. 68–69], а сами фонды – как отражение системы, в процессе функциониро-

вания которой они отложились. Сторонники этой идеи заявили о новой феноменологической парадигме, которая ориентирована не на отбор источников по той или иной теме, а на обнаружение в системе сохранившихся исторических источников проекции культуры прошлого на современность [Румянцева 1999, с. 68]. К моменту формулирования этого тезиса в арсенале источниковедов были не только идеи В.Н. Автократова об архивном фонде как генетически и структурно целостном историческом источнике, но также исследования отдельных видовых комплексов дел [Рогожин, 1981] и некоторых категорий делопроизводственной документации [Новохатко 2000]. В последующие годы провозглашенный сотрудниками кафедры источниковедения подход, направленный на обнаружение в системе источников проекции культуры прошлого на современность, нашел подтверждение в исторических и источниковедческих исследованиях. В трудах исследователей, работающих в рамках этой школы (возможно, даже не вполне осознанно), изучаются документные комплексы различного масштаба: комплексы однородных видов источников, отдельные дела, сформированные в делопроизводстве, комплексы однородных дел, архивные фонды отдельных учреждений (организаций) и даже большие совокупности фондов.

Н.А. Четырина, проанализировав содержание дел с протоколами заседаний ратуши Сергиева Посада, установила периодичность заседаний, круг корреспондентов ратуши и основные направления работы, а также периодическую смену подведомственности ратуши губернским учреждениям. Ей удалось также установить, что с Московским губернским правлением ратуша вела более активную переписку, чем с уездными учреждениям Богородского уезда, к которому она относилась [Четырина 2006, с. 90–95], что требует разъяснений с точки зрения истории государственных учреждений.

Изменения в системе управления хорошо видны на основе системного анализа целостных документальных комплексов, сформированных в делопроизводстве, либо сложившихся как на стадии делопроизводства, так и на архивной стадии их бытования: дело – совокупность однотипных дел, фонд – комплекс фондов. Проведенное автором настоящей статьи исследование ряда дел с протоколами магистратов городов Тверской губернии за несколько лет позволяет говорить о происходившей в конце XVIII в. передаче распорядительных функций от центральных исполнительных органов власти (коллегий) новым, региональным управленческим структурам губернского уровня: губернатору, губернскому правлению, губернскому магистрату, т. е. о процессах децентрализации власти [Середа 2004].

И.Е. Прядеина, исследовав комплекс маклерских книг г. Торжка Тверской губернии, установила тенденцию эволюции условий

найма на работу от феодальных к капиталистическим [Прядеина 2006].

Е.А. Шевченко исследовал систему управления Воронежским наместничеством. Он сумел охватить огромное количество документов из фондов федеральных и регионального архива, и констатировал, что деятельность воронежских прокуроров в архивных материалах не отражена, и на этом основании сделал заключение о неэффективности надзора со стороны губернского прокурора [Шевченко 2010, с. 276–277]. Такое заключение Шевченко предполагает в качестве исходного мнения, что архивные комплексы содержат в себе проекцию культуры прошлого, в том числе проекцию системы управления. Анализ указов, возникших в Воронежском наместническом правлении, позволил сделать вывод, что правление выступало в роли транслятора информации о распоряжениях органов высшей власти [Шевченко 2010, с. 113].

О.Е. Думенко провела изучение состава документов фондов сиротских судов Тверской губернии и установила, что они свидетельствуют об отклонении от законодательства на стадии реализации екатерининской реформы управления, а также о складывании локальных моделей управления в городах Тверской губернии [Думенко 2010, с. 14].

Изучение фондов других городских учреждений Тверской губернии также свидетельствует о существовании локальных моделей управления в городах губернии в период реализации реформы управления Екатерины II.

Чтобы ответить на вопросы, осуществились ли замыслы Екатерины, и когда начался процесс перехода к новому типу городского управления, автор статьи проанализировал состав и содержание документов всех архивных фондов городских учреждений Тверской губернии на основе описей их фондов. Комплекс описей фондов учреждений каждого города был рассмотрен, во-первых, как система источников, отражающих важнейшие стороны деятельности учреждений и их взаимодействие, во-вторых, как средство познания системы управления и эволюции ее структуры в процессе модернизации. Учитывая выводы о многовариантности городского управления на рубеже XVIII–XIX вв., ранее полученные историками [Рабцевич 1984, с. 256], мы пришли к необходимости рассмотреть комплексы описей фондов городских учреждений всех городов Тверской губернии, а не одного города. Такой подход позволил выявить общую тенденцию в развитии системы городских учреждений Тверской губернии и в распределении функций между ними на основе исследования распределения информации между документальными комплексами этих учреждений. Исследование описей документов фондов всех городских учреждений стало, таким

образом, средством изучения глобального по объему материала, хранящегося в их составе, и позволило восстановить изменения, происходившие в системе управления, т. е. создать проекцию действительности [Середа 2005]¹. В данном случае мы имеем возможность рассматривать комплекс источников как продукт среды, и при этом – воссоздавать целостность культуры, в контексте которой они сложились [Середа 2005, с. 11]². Целостность здесь понимается как общее в направлении развития процесса реформирования, представление о котором получено на основе анализа описей фондов городских учреждений. Однако при этом на основе комплекса документов каждого из городов мы исследуем и особенности, с которыми происходило воплощение основополагающих принципов реформ в каждом из них.

Исследуя документы фондов городских учреждений за последнюю четверть XVIII – первую половину XIX в., мы отчетливо видим эволюцию компетенции любого из учреждений городской управленческой структуры, и механизм перестройки системы управления. В силу ограниченности объема статьи рассмотрим этот тезис на примере документов и учреждений лишь одного города – г. Бежецка. Бросается в глаза малочисленность в составе фонда Бежецкого магистрата дел о разделе имущества и о вводе во владение³. Эта категория дел чаще проходила по делопроизводству сиротского суда и сохранилась в его фонде⁴ (ф. 675). Состав документов фонда Бежецкой городской думы⁵ свидетельствует, что в первой половине XIX в. все источники городского бюджета находились под контролем думы, точно так же, как объекты вложения значительной части его доходов. Контролируя сбор налогов, дума стала сама выдавать горожанам разрешения на отлучку из города. Становится совершенно очевидно, что именно городская дума является в указанный период главным органом городского управления.

При этом следует отметить многочисленность дел фонда Бежецкого магистрата за конец XVIII в., что объясняется наличием

¹ Возможно, что такой подход к источникам может называться «архивным источниковедением». Ср.: *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества. М., 1997. С. 41–43; *Старостин Е.В.* Архивное источниковедение: терминологические споры // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 26–27.

² Об использовании другими исследователями таких подходов к изучению «культурного целого» см.: *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. С. 210–218.

³ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 165.

⁴ Там же. Ф. 675.

⁵ Там же. Ф. 22.

в фонде большого количества дел судебного и спорного характера, в том числе по взысканию денег по векселям со всех категорий городского населения, включая дворян. Это может рассматриваться, во-первых, как показатель реального складывания всеобщего городского общества, что соответствовало положениям Жалованной грамоты городам, и, во-вторых, как свидетельство расширения деятельности магистрата в области судопроизводства, что находилось в полном соответствии с предписаниями «Учреждений о губерниях». Об этом же свидетельствует и элементарный подсчет отдельных категорий дел по описи фонда, который показывает, что к концу XVIII в. количество бесспорных дел за год сокращается с 69 до 55 %, а доля судебных и спорных увеличивается. Видно, что Бежецк был городом, где многообразные функции магистрата на рубеже XVIII–XIX вв. стали перераспределяться между созданными Екатериной II и ранее существовавшими учреждениями. При изучении комплексов описей городских учреждений других городов Тверской губернии мы видим аналогичную картину в эволюции городского управления.

В обстоятельствах недостаточно четкого разделения законодательством полномочий городских учреждений неизбежно должно было возникать дублирование деятельности, а значит, и дублирование документной информации, что также составляло основу некоторой вариативности городского управления. Чтобы продемонстрировать разнообразие механизмов реформирования городского управления и его вариативность, приведем лишь один пример. В «Книге всем расходам и доходам городским Восьегонской думы» за 1830–1831 гг. есть записи о выдаче расходчику думы денег на раздачу кормилицам⁶, что свидетельствует о выполнении думой города функций сиротского суда. Об этом же свидетельствует Книга на записку денег, расходуемых на покупку продуктов для больницы, т. е. о неразрывной связи между думой и учреждениями здравоохранения. Как видим, в сферу забот Восьегонской думы входило не только пропитание брошенных детей, но и людей, находившихся в городской больнице⁷.

Сиротский же суд в городе в указанные годы, видимо, не функционировал, а его обязанности исполняла городская дума, косвенным подтверждением чему являются хронологические рамки документов фонда Восьегонского сиротского суда (ф. 675), в котором 331 ед. хр. за 1829–1919 гг.)⁸. Бесспорно, что в восприятии горожан и даже служащих магистрата главным учреждением г. Восьегонска

⁶ ГАТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 32.

⁸ ГАТО. Ф. 675.

уже в 1787 г. являлась городская дума, которая в документах обозначалась как «городовые дела». Главенство Учреждения под названием «городовые дела» жители Весьегонска признавали безоговорочно, а вот претензии городничего на руководящую роль принимали в штыки.

Заключение

Обобщая итоги развития источниковедения в современный период, О.М. Медушевская ввела понятие «интеллектуальный продукт». Оно весьма определенно указывает на общность методов архивоведения и источниковедения и актуализирует оценку информативных возможностей архивных фондов, на которую еще в начале 1970-х гг. указывал В.Н. Автократов. «Поскольку интеллектуальный продукт обладает, по определению (по замыслу), устойчивостью существования в виде материального объекта, то его структурированность сохраняется и после того, как первоначальная функция им утрачивается и он более не востребован в действующей системе» [Медушевская 2008, с. 336]. Под интеллектуальным продуктом можно понимать не только отдельный исторический источник, но также комплексы документов, созданных в делопроизводстве – дела и даже архивные фонды.

Подтверждением научной результативности сложившегося в отечественной гуманитарной науке понятия архивного фонда является большое число публикаций, являющихся, по сути, обзорами архивных фондов.

С учетом перемен в отечественной историографии внимание ученых все чаще привлекают личные фонды деятелей культуры, науки [Рафикова 2019] и даже – документы членов императорской семьи [Софьин, Софьина 2021].

Приведенный анализ подтверждает правоту мысли В.Н. Автократова о том, что в архивном фонде складываются связи, возникшие в процессе документирования. Принятие научным сообществом историков такого подхода, несомненно, ускорило бы освоение огромного документального наследия прошлого, хранящегося в наших архивах.

Литература

-
- Автократов 1973 – Автократов В.Н. Общая теория архивоведения // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 59–72.
- Автократов 2001 – Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 402 с.

- Амосов 1975 – *Амосов А.А.* Архивы двинских монастырей: очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: [Б. и.], 1975. 35 с.
- Гальцов 1976 – *Гальцов В.И.* Малоизвестный источник по истории архивного дела – черновая опись архива Посольского приказа 1626–1627 гг. // Советские архивы. 1976. № 1. С. 49–57.
- Думенко 2010 – *Думенко О.Е.* Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. ... канд. ист. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2010. 22 с.
- Дурновцев 2022 – *Дурновцев В.И.* Исторический источник как феномен культуры и объект истории окружающей среды: к столетию со дня рождения профессора С.О. Шмидта и профессора О.М. Медушевской // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. Ч. 2. С. 114–123.
- Медушевская 2001 – *Медушевская О.М.* Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 8–32.
- Медушевская 2008 – *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Новохатко 2000 – *Новохатко О.В.* Записные книги московского стола Разрядного приказа XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 447 с.
- Прядеина 2006 – *Прядеина И.Е.* Маклерские книги записей договоров о найме слуг и рабочих людей г. Торжка как исторический источник (начало XIX в.): Автореф. ... канд. ист. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2006. 22 с.
- Рабцевич 1984 – *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984. 256 с.
- Рогожин 1981 – *Рогожин Н.М.* Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории АН СССР, 1981. С. 99–114.
- Рафикова 2019 – *Рафикова Г.Э., Пазина Н.Б., Галимова Р.У.* «Казанский» архив дипломата В.Н. Чичерина (1829–1882): История, характеристика, состав фонда // Вестник архивиста. 2019. № 4. С. 971–984.
- Румянцева 1999 – *Румянцева М.Ф.* Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. С. 57–69.
- Румянцева 2002 – *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М.: Аспект-Пресс, 2002. 319 с.
- Сабенникова 2022 – *Сабенникова И.В.* Научная школа Ольги Михайловны Медушевской: момент истины в российском гуманитарном познании // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 557–570.
- Серeda 2005 – *Серeda Н.В.* Городская реформа Екатерины II в Тверской губернии: источники и методы исследования: Автореф. ... д-ра ист. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2005. 44 с.

- Середа 2004 – *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй: Источниковедческое исследование. М., 2004. 446 с.
- Софьин, Софьина 2021 – *Софьин Д.М., Софьина М.В.* Обзор личного фонда великого князя Сергея Александровича в Государственном архиве Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 891–903.
- Хорхордина 2001 – *Хорхордина Т.И.* Открытие В.Н. Автократова (1922–1992) // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. С. 1–15.
- Четырина 2006 – *Четырина Н.А.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX в. (посад как тип городского поселения). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 320 с.
- Шевченко 2010 – *Шевченко Е.А.* Воронежское наместничество (1779–1796 гг.): Система управления. Воронеж: Истоки, 2010. 3011 с.
- Шмидт 1984 – *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1984. 278 с.
- Шмидт 1996 – *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. 496 с.

References

- Autocratov, V.N. (1973), “General theory of archival studies”, *Voprosy Istorii*, no. 8, pp. 59–72.
- Autocratov, V.N. (2001), *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of Russian archival science], RGGU, Moscow Russia.
- Amosov, A.A. (1975), “Archives of the Dvina monasteries. Essays on the history of the organization and formation of the archives of spiritual corporations”, Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, Russia.
- Galtsov, V.I. (1976), “A little-known source on the history of archives is a draft inventory of the Archives in the Posolsky Prikaz of 1626–1627”, *Sovetskie arkhivy*, no. 1, pp. 49–57.
- Dumenko, O.E. (2010), “Orphans courts of the Tver province in the last quarter of the 18th – the first half of the 19th century. Abstract of Ph.D. dissertation (History), Tver State University, Tver, Russia.
- Durnovtsev, V.I. (2022), “Historical source as a phenomenon of culture and an object of the environment history. On the centenary of the birth of professor S.O. Schmidt and professor O.M. Medushevskaya”, *RSUH/RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies* Series, no. 7, part 2, pp. 114–123.
- Medushovskaya, O.M. (2001), “Scientific and pedagogical prospect in source studies. Humanitarian knowledge as strictly scientific”, in *Nauchno-pedagogicheskaya shkola istochnikovedeniya istoriko-arkhivnogo instituta* [Scientific and pedagogical school of source studies of the Historical and Archival Institute], Moscow, Russia, pp. 8–32.
- Medushevskaya, O.M. (2008), *Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii* [Theory and methodology of cognitive history], RGGU, Moscow, Russia.

- Novokhatko, O.V. (2000), *Zapisnye knigi moskovskogo stola Razryadnogo prikaza XVII v.* [Registration books of the Moscow Department of the Razryadny (Order-in-charge) prikaz of the 17th century], Monuments of historical thought, Moscow, Russia.
- Pryadeina, I.E. (2006), "Broker books of the service and employment contracts of the Torzhok citizens as historical sources (the beginning of the 19th century), Abstract of Ph.D. dissertation (History), Tver State University, Tver, Russia.
- Rabtsevich, V.V. (1984), *Sibirskii gorod v doreformennoi sisteme upravleniya* [Siberian city in the pre-reform system of government], Science, Siberian Branch, Novosibirsk, Russia.
- Rogozhin, N.M. (1981), "Ambassadorial books of the beginning of the 17th century and the Archives of the Ambassadorial Prikaz", in *Voprosy istochnikovedeniya i istoriografii istorii SSSR: dooktyabr'skogo perioda* [The issues of the source study and historiography of the USSR history of the pre-October period], Institute of the USSR History, Moscow, Russia.
- Rafikova, G.E., Pazina, N.B. and Galimova, R.U. (2019), "The Kazan Archive of Diplomat V.N. Chicherin (1829–1882). History, characteristics, composition of the fond", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 971–984.
- Rumyanceva, M.F. (1999), "Urbanization as an issue of comparative study", in *Urbanizatsiya v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva* [Urbanization in the formation of socio-cultural space], Nauka, Moscow, Russia, pp. 57–69.
- Rumyantseva, M.F. (2002), *Teoriya istorii* [Theory of History], Aspect-Press, Moscow, Russia.
- Sabennikova, I.V. (2022), "Research school of Olga Mikhailovna Medushevskaya. The moment of truth in the Russian humanitarian knowledge", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 557–570.
- Sereda, N.V. (2005), "Urban reform of Catherine 2 in the Tver province. The sources and methods of research", Abstract of D. Sc. dissertation (History), Tver State University, Tver, Russia.
- Sereda, N.V. (2004), *Reforma upravleniya Ekateriny Vtoroi: Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Governance reform of Catherine the Second. A source study], Monuments of historical thought, Moscow, Russia.
- Sofin, D.M. and Sofina, M.V. (2021), "Review of the personal fund of Grand Duke Sergey Alexandrovich in the State Archives of the Russian Federation", *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 891–903.
- Khorkhordina, T.I. (2001), "Discovery of V.N. Avtokratov (1922–1992), in Avtokratov, V.N. *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of Russian archival science], RGGU, Russia, pp. 1–15.
- Chetyrina, N.A. (2006), *Sergievskii posad v kontse XVIII – nachale XIX v. (posad kak tip gorodskogo poseleniya)* [Sergiev Posad at the end of the 18th century – the beginning of the 20th century (posad as a type of urban settlement)], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Shevchenko, E.A. (2010), *Voronezhskoe namestnichestvo (1779–1796 gg.). Sistema upravleniya* [Voronezh Governorate (1779–1796). Governance system], Istoki, Voronezh Russia.

- Schmidt, S.O. (1984), *Rossiiskoe gosudarstvo v seredine XVI stoletiya: Tsarskii arkhiv i litsevye letopisi vremeni Ivana Groznogo* [The Russian State in the middle of the 16th century. The tsar's archive and the chronicles of the time of Ivan the Terrible,] Nauka, Moscow, Russia.
- Schmidt, S.O. (1996), *U istokov rossiiskogo absolyutizma: issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo* [At the origins of Russian absolutism. Research of the social and political history of the time of Ivan the Terrible], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Надежда В. Середина, доктор исторических наук, профессор, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170100. Тверь, ул. Желябова, д. 33; nv.sereda@yandex.ru

ORCID ID: 0000-001-7250-6826

Information about the author

Nadezhda V. Sereda, Dr. of Sci. (History), professor, Tver State University, Tver, Russian Federation; bld. 33, Zhelyabov St., Tver, Russia, 170100; nv.sereda@yandex.ru

ORCID ID: 0000-001-7250-682

Архивная информационная среда в воззрениях В.Н. Автократова (1922–1992)

Зинаида П. Иноземцева

*Российское общество историков и архивистов,
Москва, Россия, zinaida33@bk.ru*

Аннотация. В статье, посвященной 100-летию В.Н. Автократова (1922–1992), видного теоретика в области истории и архивоведения, рассмотрены его воззрения на проблему сохранения целостности «архивной информационной среды», изложенные в монографии «Теоретические проблемы отечественного архивоведения», вышедшей в свет уже после кончины ученого. Исследуя научный уровень архивной информационной среды, а также зависимость от фондирования по принципам исторической или формально-логической классификации, Автократов рассмотрел этапы развития архивоведения в контексте теории научного познания. В статье рассматриваются и дискуссии в среде научной общественности по этой проблеме.

Анализ теоретических положений В.Н. Автократова об историческом принципе классификации в архивоведении как определяющем условии обеспечения научного использования информационного ресурса Архивного фонда РФ автор соотносит с теорией научного познания великого русского мыслителя Н.Я. Данилевского (1822–1885). Отмечая высокий теоретический уровень творческого наследия В.Н. Автократова, автор статьи обращает внимание на актуальность и востребованность методологических подходов В.Н. Автократова применительно к развитию теории и практики архивоведения в современных изменившихся условиях.

Ключевые слова: Автократов В.Н., Данилевский Н.Я., архивоведение, архивная информационная среда, архивный фонд, принцип историзма, классификация

Статья поступила в редакцию 10 июня 2022 г.;

принята к публикации 18 ноября 2022 г.

Для цитирования: Иноземцева З.П. Архивная информационная среда в воззрениях В.Н. Автократова (1922–1992) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 138–146. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-138-146

Archival information environment in the views of V.N. Avtokratov (1922–1992)

Zinaida P. Inozemtseva

*Russian Society of Historians and Archivists,
Moscow, Russia, zinaida33@bk.ru*

Abstract. The article is about the 100th anniversary of V.N. Avtokratov (1922–1992), a prominent theorist in the field of history and archival studies. The paper reveals his views on the issue of retaining the integrity for the “archival information environment”, set forth in the monograph “Theoretical Issues of National Archival Studies” – the work that was published after his death. Researching the level of the archival information environment and also of the funding according to the principles of historical or formally logical classification, V.N. Avtokratov investigated stages in the archival studies development within the context of the scientific knowledge theory. The article touches upon discussions on the issue within the scholarly community. The analysis of V.N. Avtokratov’s theoretical provisions on the historical principle of classification in archival studies as a determining condition for ensuring the scientific use of the information resource of the Archival Fund of the Russian Federation is correlated with the scientific knowledge theory of the great Russian thinker N.Ya. Danilevsky (1822–1885). Noting the high theoretical level of V.N. Avtokratov’s creative heritage, the author draws attention to the relevance and importance of the methodological approaches by V.N. Avtokratov with regard to the development of the theory and practice of archival science in today’s changed conditions.

Keywords: Avtokratov V.N., Danilevsky N.Ya., archival studies, archival information environment archival fund, principle of historicism, classification

The article was submitted 10.06.2022;
accepted for publication 18.11.2022.

For citation: Inozemtseva, Z.P. (2023), “Archival information environment in the views of V.N. Avtokratov (1922–1992)”, *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 138–146, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-138-146

Введение

В статье предпринята попытка рассмотреть воззрения В.Н. Автократова на проблему сохранения целостности архивной информационной среды как условия для научного познания реалий исторического прошлого. Потребности общества и госу-

дарства в объективном освещении истории России актуализируют опирающееся на принципы историзма творческое наследие В.Н. Автократа, выдающегося теоретика в области историко-архивоведческой проблематики. Его концептуальный анализ теоретических проблем архивоведения впервые получил развернутую характеристику во вступительной статье Т.И. Хорхординой [Хорхордина 2001, с. 5–22], которой мы обязаны опубликованием монографии В.Н. Автократа «Теоретические проблемы отечественного архивоведения» [Автократов 2001, с. 5–22]. В монографии представлена проблематика архивоведения как научной дисциплины, имеющей свой объект, предмет, методы исследования. В ней содержатся методологические подходы к осмыслению и разрешению современных проблем экспертизы, классификации и фондирования, комплектования, использования информационного ресурса Архивного фонда РФ.

Опираясь на философское определение информации как отраженном разнообразии объективного мира, подходя с теоретико-информационных позиций, В.Н. Автократов обратил внимание на то, что: а) бытующее среди архивистов узкое понимание термина «информация» как «сообщение», «сведение», «знание», «содержание, текст документа» не входит в предметную область архивоведения; б) предметное содержание понятий «документная ретроспективная информация» и «архивная информационная среда» различно; в) архивоведение, формирующее «архивную информационную среду» бытования документа как исторического источника, имеет дело не со «свободной» информацией, но с документной информацией «связанного типа». Он рассмотрел это положение на примере управленческой системы учреждения, включающей его структуру, функциональную компетенцию, систему документирования, виды применяемых документов. *«В качестве «связанной» информации, – отмечает В.Н. Автократов, – следует понимать и структуры фондов, описей, и других информационных объектов»* [Автократов 2001, с. 65]. Мысль Автократа о необходимости сохранения целостности «архивной информационной среды» на основе применения принципов исторической классификации пронизывает рассмотренный им в монографии архивоведческий процесс: от экспертизы документов на стадии делопроизводства учреждения до обеспечения всех видов использования документной ретроспективной информации [Тихонов 2015, с. 11–28; Зелов, Хорхордина 1995].

Обращаясь к истории вопроса о классификации и фондировании документных комплексов, Автократов детально прослеживает, как в процессе острых дискуссий, развернувшихся в 1918 г. среди разработчиков проекта Декрета о реорганизации и цент-

реализации архивного дела¹, понятие «фонд» получило значение научной установки для будущего архивного строительства. В основу этого понятия был положен *исторический принцип* в отличие от логического, применявшегося в западноевропейской практике. Отстаивая принцип историзма в фондообразовании и целостность архивной информационной среды, В.Н. Автократов находил определенную поддержку в суждениях видных архивистов Н.А. Орловой, К.И. Рудельсон, М.Ф. Петровской, разделявших мнение А.С. Николаева, участника архивной реформы, что «такой внутренний целый и единый по своему существу архивный фонд ни в коем случае нельзя дробить» [Автократов 2001, с. 110]. В.Н. Автократов обосновывает это требование тем, что «информация фонда является документным отражением причинно-следственных отношений. Обнаруживая объективную и не зависящую от субъекта (архивиста, историка) связь запечатленных исторических реалий, эта информация способна служить источником наших знаний о прошлом» [Автократов 2001, с. 113].

Архивная информационная среда и ее исследование в трудах В.Н. Автократова

Исследуя научный уровень архивной информационной среды и его зависимость от фондирования по принципам исторической или формально-логической классификации, Автократов рассматривает этапы развития архивоведения в контексте теории научного познания. «В развитии конкретных наук, – пишет он, – обычно выделяются два основных этапа: эмпирический, характеризующийся накоплением научного материала и попытками его систематизации по искусственному или, как говорят “несущественному” признаку, и теоретический этап, отличающийся систематизацией, сообразно внутренней связи изучаемого материала, сообразно закону (“естественная систематизация”), когда исходят из существенных свойств явлений. Открытие внутренне присущей связи признается методологией науки необходимым условием для перехода данной отрасли знания к теоретическому этапу развития. Наличие этих этапов обнаруживается и в архивоведении. Первый знаменовался торжеством искусственных классификаций (коллекционный подход), второй утвердил фондовую классификацию» [Автократов 2001, с. 110]. Примечательно, что, обосновывая свои выводы,

¹ Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», 1 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1959. Т. 2. С. 383–385.

В.Н. Автократов опирается на формулировки основных положений теории научного познания, сформулированной в середине XIX в. великим русским мыслителем Николаем Яковлевичем Данилевским (1822–1885), 200-летие которого отмечалось в 2022 г. Именно Данилевский, характеризуя ступени научного познания, ввел понятия «искусственная система» и «естественная система», показав, что только пройдя ступени собирания и первичной искусственной систематизации материала по отдельным признакам (искусственная система), научное познание может достичь теоретического уровня – естественной системы, когда «факты науки находятся в их настоящем соотношении, что дает возможность отыскать ту зависимость, в которой они между собой находятся»² [Данилевский 1995, с. 129]. На этих положениях, по сути, В.Н. Автократов обосновывает свою мысль о недопустимости разрушения естественной среды бытования документа в «связанной» информационной структуре, показывает, к чему может привести и приводит формально-логический принцип классификации на стадии фондирования документов. К сожалению, констатирует Владимир Николаевич, со времен «вновь прозвучала критика принципа происхождения <...>, отвергался принцип недробимости фонда» [Автократов 2001, с. 124], что получило закрепление в нормативных документах и терминологическом словаре³. Понятие архивного фонда оказалось оторвано от фактора его происхождения, было нивелировано содержательное различие в понятиях «архивный фонд» и «архивная коллекция». «Логическое», в архивоведческих классификациях – противопо-

² Н.Я. Данилевский исходил из понимания истины в науке как «*знания существующего именно таким, каким оно существует*», рассматривал действительность как внешний элемент, который не зависит от познающего субъекта: показал, что отражение этой действительности и ее восприятие в человеческом сознании (элемент внутренний) всегда одностороннее и неполное, подверженное огромному влиянию не науки и культуры, а религии, имеющей характер бесконечности вне материального мира [Данилевский 1995, с. 108–109]. Учитывая, что все науки «*есть последовательное логическое развитие и построение истин, принадлежащих к известной сфере или категории предметов*» материального мира [Данилевский 1995, с. 118], он вывел научное познание из области бездоказательных психологических рассуждений, ограничивая это познание рамками материальными, реально существующими во времени в определенных формах, имеющих начало и конец, а следовательно, свои законы развития. Научное познание этих законов, как показал Н.Я. Данилевский на многих примерах, становится при таком подходе достижимым.

³ Архивный фонд // Краткий словарь архивной терминологии. М.; Л., 1968. С. 12.

ложность «исторического», – по его словам, – оказалось приравненным «историческому» [Автократов 2001, с. 125; Киселев 2020].

Касаясь вопросов слабого внедрения этих установок в практику фондирования и комплектования, Автократов верно определил, что сама *«методологическая природа архивоведения, его историзм – противятся попыткам примирить (соединить) теоретически неприемлимое»* [Автократов 2001, с. 127]. Однако формально-логический принцип был все же широко использован, как известно, в практике создания объединенных архивных фондов, лег в основу применения повидовой выборки в отношении документов массовых учреждений низового звена. Отметим, что до сих пор информативность таких фондовых образований, обращаемость к ним, не исследовались.

Все, кто знал Автократова, помнят, что он находился в непрерывном творческом поиске. Вспоминаются вопросы, заданные мне Владимиром Николаевичем, в какой-то мере поясняющие вышеизложенное.

В 1984 г. в личной беседе он спросил, почему Главархив РСФСР перешел от отраслевого к ведомственному подходу в определении состава источников комплектования государственных архивов. В моем ответе отмечалось, что идея соблюдения отраслевых пропорций в комплектовании появилась в Главархиве СССР в середине 1960-х гг. на основе анализа Центрального фондового каталога (чему пришлось быть свидетелем в качестве сотрудника отдела ведомственных архивов). Выявилось существенное превышение в составе ГАФ СССР фондов организаций сельскохозяйственного профиля по отношению к фондам промышленных предприятий. Высказывались суждения о недостатках в комплектовании, не отражающем высокий уровень промышленного развития советского государства. Углубленное изучение проблемы, проведенное образованным в 1971 г. Главархивом РСФСР, показало ошибочность таких суждений. Помнится, Владимир Николаевич с особым вниманием отнесся к информации о том, что понятие «отрасль» в советском народнохозяйственном планировании не имело структурно-функциональных признаков и, по разъяснению специалистов Госплана РСФСР, рассчитывалось «под задачу». К примеру, машиностроительная отрасль охватывала не только предприятия профильного министерства, но и ряд других ведомственных систем. Так, Министерство мелиорации и водного хозяйства выпускало автомобили для использования в заболоченных местностях. Учитывая это, Главархив РСФСР, опираясь на предоставленные ему функциональные компетенции в области организационно-методического руководства постановкой делопроизводства в ведомствах, ввел порядок принятия совместных решений ЦЭПК (Центральной

экспертно-проверочной комиссии) Главархива РСФСР и ЦЭК (Центральных экспертных комиссий) союзно-республиканских и республиканских министерств и ведомств [Хорхордина 2022, с. 457–463]. Эти решения касались утверждения списков источников комплектования по каждой ведомственной системе на основе предварительного совместного изучения схемы размещения подведомственных учреждений, движения документопотоков, всего процесса документирования в учреждениях данной ведомственной системы, дислоцированных на всей территории РСФСР.

В 1989 г. на вопрос Владимира Николаевича о причинах намерений в 1918 г. делить ЕГАФ на тематические секции, автор настоящей статьи высказала предположение, что, скорее всего, это было обусловлено политико-идеологической мотивацией, связанной с созданием искусственной системы управления информационным ресурсом страны. Я провела аналогию с подходами составителей изданного в 1984 г. Словаря архивной терминологии соцстран⁴, в котором было закреплено действующее поныне понятие «архивного фонда», допускающее искусственную систематизацию документов по логическому принципу, в том числе и применительно к документным комплексам, образовавшимся в деятельности учреждений, организаций и с юридическим статусом.

Заключение

Кризис исторической науки последнего тридцатилетия серьезно коснулся и архивоведения, развитие которого утратило централизованную основу, было отдано на откуп региональному законотворчеству [Хорхордина 2022, с. 539–545]. Теоретические вопросы комплектования и экспертизы ценности документов, фондирования не являлись предметом профессионального обсуждения ни в печати, ни на всероссийских конференциях, хотя вся система документирования, содержательная составляющая видового состава документов – существенно изменилась. Достаточно сказать, что последняя республиканская научно-практическая конференция по проблемам комплектования состоялась четверть века назад – в 1996 г. в Екатеринбурге.

Остается надеяться, что научная конференция, посвященная 100-летию рождения Владимира Николаевича Автократова, явится необходимым толчком к теоретическому осмыслению и практическому воплощению основанных на принципах историзма его

⁴ Архивный фонд // Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. С. 23.

идей о сохранении целостности архивной информационной среды как определяющему условию обеспечения возможности научного использования информационного ресурса Архивного фонда РФ в объективном познании истории России.

Литература

- Автократов 2001 – *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
- Данилевский 1995 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб.: Глагол, 1995. XXXIV, 513 с.
- Зелов, Хорхордина 1995 – *Зелов Н.С., Хорхордина Т.И.* Классик отечественного архивоведения (обзор личного фонда В.Н. Автократова) // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 10–19.
- Киселев 2020 – *Киселев И.Н.* Применение основополагающих принципов классического архивоведения к электронным документам: к зарубежной историографии проблемы // Отечественные архивы. 2020. № 3. С. 13–26.
- Тихонов 2015 – *Тихонов В.И.* Архивная теория В.Н. Автократова: анализ основных положений и подходов // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 1. С. 9–29.
- Хорхордина 2001 – *Хорхордина Т.И.* Открытие Автократова // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. С. 5–22.
- Хорхордина 2022 – *Хорхордина Т.И.* История архивов и архивного дела в России. М.: Юрайт, 2022. 627 с.

References

- Avtokratov, V.N. (2001), *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of national archival studies], RSUH, Moscow, Russia.
- Danilevskii, N.Ya. (1995), *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe], Glagol, Saint Petersburg, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2001), “Discovering Avtocratov”, in Avtocratov, V.N. *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of national archival science], RSUH, Moscow, Russia, pp. 5–22.
- Khorkhordina, T.I. (2022), *Istoriya arkhivov i arkhivnogo dela v Rossii* [History of archives and archival administration in Russia], Yurait, Moscow, Russia.
- Kiselyov, I.N. (2020), “Application of the basic principles of classical archival science to electronic records. On the foreign historiography of the issue”, *Otechestvennye arkhivy/Domestic archives*, no. 3, pp. 13–26.
- Tikhonov, V.I. (2015), “V.N. Avtocratov’s archival theory. Analysis of the main provisions and approaches”, *RSUH/RGGU bulletin. “Records Management and*

Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series, no. 1, pp. 9–29.

Zelov, N.S. and Khorkhordina, T.I. (1995), “The classic of national archival science (the review of the personal fund of V.N. Avtokratov)”, *Otechestvennye arkhivy/ National archives*, no. 6, pp. 10–19.

Информация об авторе

Зинаида П. Иноземцева, Российское общество историков и архивистов, Москва, Россия; 141107, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *zinaida33@bk.ru*

ORCID ID: 0000-0002-9296-7096

Information about the author

Zinaida P. Inozemtseva, Russian Society of Historians and Archivists, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 141107; *zinaida33@bk.ru*

ORCID ID: 0000-0002-9296-7096

В фондах отечественных архивов

УДК 930.253

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-147-167

Создание базы данных репозитория архивных документов по проблемам преодоления последствий радиационной аварии на химкомбинате «Маяк» в 1957 г.

Олег Н. Апанасюк

*Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН,
Москва, Россия, aon@ibrae.ac.ru*

Анатолий М. Скоробогатов

*Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН,
Москва, Россия, sam@ibrae.ac.ru*

Татьяна А. Буланцева

*Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН,
Москва, Россия, tabu@ibrae.ac.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты поискового исследования документов по проблемам преодоления последствий радиационной аварии 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча с 1949 по 1956 г., хранящихся в фондах государственных архивов Уральского региона. Задачей исследования является анализ конкретных мер, предпринятых с целью формирования и развития системы радиационной безопасности в Уральском регионе. Описана структура базы данных созданного репозитория документов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов КПСС по данной проблеме (Курганская, Челябинская и Свердловская области). На основании электронных копий отобранных документов была сформирована база данных репозитория этих документов. Поиск и выборка документов для подготовки электронных версий осуществлялась по критериям связи документа с мероприятиями по деятельности и ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк» и/или с оценкой социально-экономической ситуации

© Апанасюк О.Н., Скоробогатов А.М., Буланцева Т.А., 2023

в Курганской, Челябинской и Свердловской областях. Созданная база данных репозитория документов может быть использована для оценки эффективности управленческих решений, направленных на преодоление последствий радиационных аварий.

Ключевые слова: база данных, репозиторий документов, государственный архив, радиационная авария, радиоактивное загрязнение, радиационная безопасность населения, ПО «Маяк», защитные меры, реабилитация территорий

Статья поступила в редакцию 17 августа 2022 г.;

принята к публикации 18 ноября 2022 г.

Для цитирования: Апанасюк О.Н., Скоробогатов А.М., Буланцева Т.А.

Создание базы данных репозитория архивных документов по проблемам преодоления последствий радиационной аварии на химкомбинате «Маяк» в 1957 г. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 147–167. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-147-167

Creation of the repository database
for the archival documents
on the issues of overcoming the consequences
of the radiation accident
at the “Mayak” Chemical Plant in 1957

Oleg N. Apanasyuk

*Nuclear Safety Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, aon@ibrae.ac.ru*

Anatoly M. Skorobogatov,

*Nuclear Safety Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, sam@ibrae.ac.ru*

Tatyana A. Bulantseva

*Nuclear Safety Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, sam@ibrae.ac.ru*

Abstract. The article presents the results of the exploratory study of the documents connected with the issues of overcoming the consequences of the 1957 radiation accident at the “Mayak” Production Association and the discharge of the radioactive waste into the Techa River from 1949 to 1956, these records are kept in the funds of the State Archives of the Ural region. The objective of the research is to analyze the specific measures taken to form and

develop a radiation safety system in the Ural region. The paper describes the structure of the created repository database containing the related documents of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation and the CPSU bodies (of the Kurgan, Chelyabinsk and Sverdlovsk regions). Based on the electronic copies of the selected documents, a database of the repository of those documents was formed. The search and selection of the records for the preparation of electronic versions was carried out according to the criteria of the document's connection to the activities and elimination of the consequences of the accident at the "Mayak" PA and / or to the assessment of the socio-economic situation in the Kurgan, Chelyabinsk and Sverdlovsk regions. The created database of the document repository can be used to assess the effectiveness of the management decisions aimed at overcoming the consequences of radiation accidents.

Keywords: database, document repository, state archives, radiation accident, radioactive contamination, radiation safety of the population, "Mayak" PA, protective measures, rehabilitation of territories

The article was submitted 17.08.2022;

accepted for publication 18.11.2022.

For citation: Apanasyuk, O.N., Skorobogatov, A.M. and Bulantseva, T.A. (2023), "Creation of the repository database for the archival documents on the issues of overcoming the consequences of the radiation accident at the 'Mayak' Chemical Plant in 1957", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 147–167, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-147-167

Введение

В условиях масштабных аварийных ситуаций, затрагивающих административно-территориальные образования различных уровней, особое значение имеет адекватное реагирование на возникающие угрозы. 29 сентября 2022 г исполняется 65 лет с момента аварии на производственном объединении (ПО) «Маяк» – одной из крупнейших техногенных катастроф XX в.¹

Специфику радиационной обстановки в районе размещения ПО «Маяк» на территории Челябинской области определили последствия крупномасштабного радиоактивного загрязнения наземных и водных объектов, возникшего в середине XX в.²

¹ Последствия техногенного радиационного воздействия и проблемы реабилитации Уральского региона / Под ред. С.К. Шойгу. М.: Комтех-принт, 2002. 287 с.

² Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Атомный след на Урале. Челябинск: Рифей, 1997. 240 с.

Наиболее значимыми источниками загрязнения были сбросы жидких радиоактивных отходов в р. Теча в 1949–1956 гг., взрыв в хранилище высокоактивных отходов в 1957 г., в результате которого образовался Восточно-Уральский радиоактивный след – ВУРС, а также значительные газо-аэрозольные выбросы предприятия, имевшие место в начальный период его работы (1948–1958 гг.). Помимо этого, ветровой перенос радиоактивного ила с прибрежной полосы промышленного озера Карачай в 1967 г. привел к дополнительному загрязнению территории Челябинской области³.

Ученые отмечают, что Кыштымская радиационная авария 1957 г. стала первой в мире «глобальной» техногенной радиационной катастрофой: «В результате ликвидации ее последствий впервые был приобретен опыт такого масштаба» [Толстиков, Бочкарева 2017, с. 106]. В 1955–1960 гг. в чистые районы были переселены 7500 жителей 20 населенных пунктов. На пойменные земли реки Теча, в границах от бывшего н. п. Асанова до Курганской области, установлен режим санитарно-охранной зоны: «В пределах указанной территории запрещается проживание населения, жилищное и культурно-бытовое строительство, все остальные виды строительства подлежат обязательно согласованию с органами государственного санитарного надзора» [Нуждин, Корнеева 2008, с. 16, 19].

Анализ архивных документов показывает, что в минимизации негативных экологических последствий производственной деятельности ПО «Маяк» значительную роль сыграли местные органы партийной и советской власти⁴.

В.Д. Камынин указывает, что в советское время политика по отношению к населению, пострадавшему от радиационных аварий, в том числе, произошедших в результате производственной деятельности ПО «Маяк» во второй половине 1940-х – 1960-е гг., относи-

³ Атлас Восточно-Уральского и Карачаевского радиоактивных следов, включая прогноз до 2047 года / Под ред. Ю.А. Израэля. М.: ИГКЭ Росгидромета и РАН, Фонд «Инфосфера» – НИА-Природа, 2013. URL: http://downloads.igce.ru/publications/Atlas/CD_VURS/index.html (дата обращения 12.08.2022).

⁴ Обзор документов по аварии 1957 года на комбинате / Составлен архивистом группы фондов НТД ПО «Маяк» Спиридоновой Л.А. Инв. № Арх-332. ПО «Маяк» // Группа фондов НТД, 1994. URL: <http://nuclear.tatar.mtss.ru/arxiv/332.htm> (дата обращения 12.08.2022); Выписка из архивного документа ПО «Маяк». Справка и. о. замдиректора по переселению Я. Братцева по выполнению Постановлений СМ СССР от 12.11.57. № 1282-587 и от 27.02.58. № 227-110. URL: <http://nuclear.tatar.mtss.ru/arxiv/tsA-17.htm> (дата обращения 12.08.2022).

лась к разряду строжайших государственных секретов, и документы по этой проблеме были недоступны исследователю. Только на рубеже 1990–2000 гг. они начали вводиться в научный оборот [Камынин 2016, с. 355]. Изучение документов из общедоступных электронных ресурсов показывает, что многие источники, касающиеся социальной защиты граждан, подвергшихся воздействию радиации, публикуются в извлечениях. Часто дается только ссылка на принятый закон. Таким образом, и в наше время сохраняется государственная тайна в отношении этих документов, что затрудняет их использование, отмечает В.Д. Камынин [Камынин 2016, с. 357].

Социальная и радиационная реабилитация населения и территорий Уральского региона сохраняет свою актуальность до настоящего времени: «Как объект и предмет исторического исследования исторический регион находится на стыке двух подходов: крупномасштабного (охватывающего целиком такую страну, как Россия, или значительную самостоятельную ее часть) и узорегионального (ориентирующегося на локальные, местные объекты)» [Белов 2015, с. 59]. Документы же самих центральных и региональных органов управления архивным делом стали важнейшей составной частью Архивного фонда страны, и историковедам освоение этих документов «отечественные историки-архивисты всегда считали и считают своим профессиональным долгом и своим научным призванием» [Безбородов, Хорхордина 2018, с. 61].

Для создания электронного научно-справочного аппарата архива большое значение имеет разработка единых для архива стандартных форм описания информации на трех уровнях: на уровне фонда, дела, документа, поскольку информационный ресурс может быть использован для поиска информации, как в рамках отдельных баз данных, так и в составе единой информационно-поисковой системы [Котлова 2006, с. 135–136]. Базы данных (БД) и другие электронные информационные ресурсы, созданные на основе архивных документов, уже стали привычными инструментами исследователей в поиске необходимой для них информации. «Однако создание БД – процесс затратный, требующий от архивных учреждений знаний, времени и финансирования. Облегчение труда специалистов предметных областей благодаря грамотно спроектированным БД является одной из главных задач программирования», – сообщает М.В. Леонов [Леонов 2020, с. 37]. Подход к представлению архивной информации о ликвидации последствий радиационных аварий посредством систематизации на интернет-портале показал важность совместных усилий руководства, специалистов и различных служб по ликвидации последствий таких аварий, – подчеркивают И.А. Куприянова и М.Н. Каткова [Куприянова, Каткова 2018, с. 23].

Объекты и методы исследования

В рамках представленной статьи изучены архивные организационно-распорядительные документы региональных органов исполнительной власти по вопросам организации и проведения работ по ликвидации последствий аварии в 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча с 1949 по 1956 г., хранящиеся в государственных архивах Курганской, Челябинской и Свердловской областей.

В целях исследования трансформации управленческих решений на различных уровнях исполнения возникла необходимость создания документационной тематической межотраслевой базы данных (БД) репозитория документов фондов государственных архивов, содержащей основные сведения о мероприятиях по реабилитации территорий, загрязненных в результате деятельности ПО «Маяк», включая организацию защитных мер и социальную защиту граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии.

Результаты исследования

В 2013 г. в рамках реализации федеральной целевой программы «Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2015 года»⁵ была проведена исследовательская работа по выявлению документов и созданию электронных копий по вопросам последствий радиоактивного загрязнения вследствие радиационной аварии 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча в период с 1949 по 1956 г., а также применяемых мер по ее ликвидации, включая работы по проведению защитных мероприятий и реабилитации радиоактивно загрязненных территорий вдоль р. Теча в 1957–1962 гг.

Поиск и выборка документов для подготовки электронных версий осуществлялись по критериям связи документа с мероприятиями по деятельности и ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк» и/или с оценкой социально-экономической ситуации в Курганской, Челябинской и Свердловской областях.

Основой для создания БД репозитория документов органов исполнительной власти Уральского региона (Курганская, Челябин-

⁵ Постановление Правительства РФ от 29.06.2011 № 523 (ред. от 25.05.2016) «О федеральной целевой программе “Преодоление последствий радиационных аварий на период до 2015 года”». URL: <https://base.garant.ru/12187909/?ysclid=l6mjciwefh274315107> (дата обращения 12.08.2022).

ская и Свердловская области) и органов КПСС по проблеме радиоактивного загрязнения вследствие радиационной аварии 1957 г. на ПО «Маяк», а также сбросов радиоактивных отходов в р. Теча в период с 1949 по 1956 г. (далее – Репозиторий) явились документы, хранящиеся в следующих архивных учреждениях:

Государственном архиве Курганской области⁶ (ГКУ «ГАКО»);

Государственном архиве социально-политической истории Курганской области⁷ (ГКУ «ГАСПИКО»);

Объединенном государственном архиве Челябинской области⁸ (ГУ ОГАЧО);

Государственном архиве Свердловской области⁹ (ГАСО).

В результате изучения фондов государственных архивов отобраны наиболее значимые материалы, связанные с реабилитацией территорий, загрязненных в результате деятельности ПО «Маяк», включая защитные и оздоровительные мероприятия, проводимые в населенных пунктах и на р. Теча.

Проведено исследование и отбор документов фондов указанных архивов, выполнено их сканирование (в PDF-формате) и создана БД Репозитория документов фондов государственных архивов Курганской, Челябинской и Свердловской областей (табл. 1–4).

Таблица 1
Репозиторий документов фондов ГКУ «ГАКО»

№ фонда	№ описи	№ дела (ед. хр.)	Кол-во документов	Кол-во листов, всего	Годы документов
P-1541	1	65	2	11	1957
P-1541	1	69	2	8	1958
P-1541	1	70	1	9	1958
P-1541	1	74	4	21	1959
P-1541	1	80	3	9	1960

⁶ Государственный архив Курганской области [сайт], 2022. URL: <http://www.gako.archives.kurganobl.ru/> (дата обращения 12.08.2022).

⁷ Государственный архив социально-политической истории Курганской области [сайт], 2021. URL: <http://opd.archives.kurganobl.ru/> (дата обращения 12.08.2022).

⁸ Объединенный государственный архив Челябинской области [сайт], 2022. URL: <https://archive74.ru> (дата обращения 12.08.2022).

⁹ Государственный архив Свердловской области [сайт], 2022. URL: <https://gaso-ural.ru/> (дата обращения 12.08.2022).

Продолжение табл. 1

№ фонда	№ описи	№ дела (ед. хр.)	Кол-во документов	Кол-во листов, всего	Годы документов
P-1541	1	87	2	2	1961
P-1541	1	93	3	18	1962
P-1541	1	97	1	2	1963
P-1541	7	344	2	5	1956
P-1541	7	422а	2	3	1956,1958
P-1541	7	545	1	2	1960
P-1541	8	234	1	2	1964
P-1541	8	682	1	4	1967
P-1541	8	940	1	3	1969
P-1541	8	1777	1	2	1973
P-1541	8	2600	1	2	1977
P-1541	8	3479	1	3	1983
P-1541	8	4280	1	2	1986
P-1541	16	95	1	1	1992
P-1541	16	100	1	4	1992
Всего:			32	113	

Перечень документов фондов ГКУ «ГАКО», входящих в БД Репозитория

Решения:

по переселению жителей из населенных пунктов, расположенных по берегам р. Течи Курганской области в 1957 г. Перечень мероприятий по обеспечению полного прекращения использования воды р. Теча населением прибрежных населенных пунктов Уксянского, Катайского и Далматовского районов (с приложениями 2, 3, 4, 5, 7)¹⁰, 1957 г.;

об утверждении проектно-сметной документации по строительству сооружений на р. Тече. Распоряжение о создании комиссии для приемки и сдачи жилых и надворных построек лицам, переселяемым по решению Облисполкома¹¹, 1958 г.;

¹⁰ ГКУ «ГАКО». Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 65. Л. 25–35.

¹¹ Там же. Д. 69. Л. 9–15, 21.

решение о ходе строительных работ на р. Теча, принятых Постановлением Совета Министров СССР от 20.03.1957, № 299-145сс¹², 1958 г.;

о плане строительно-монтажных работ, проводимых в Уксянском, Далматовском и Катейском районах на р. Теча¹³, 1959 г.;

распоряжение по выполнению плана оздоровительных мероприятий по р. Теча в 1960 г. Решение об отселении граждан с. Першино, проживающих на левом берегу р. Теча в с. Пески Далматовского района¹⁴, 1960 г.;

об организации радиологической группы первой категории при Щадринской городской санитарно-эпидемиологической станции. Распоряжение по подготовке предложений по оздоровительным мероприятиям по р. Исеть¹⁵, 1961 г.;

о мероприятиях по защите продовольствия, фуража и воды от отравляющих, радиоактивных веществ и бактериальных средств. План герметизации резервуаров чистой воды и артскважин на промышленных предприятиях Курганской области при новом строительстве¹⁶, 1962 г.;

Курганского и Челябинского облисполкомов о запрещении пользования водой р. Теча¹⁷, 1956 г.;

о запрещении пользования водой р. Теча в 1956 г.¹⁸, 1960 г.¹⁹, 1956 г.;

об установлении санитарно-охранной зоны по р. Теча и об ответственности за ее нарушение²⁰, 1961 г.;

об установлении санитарно-охранной зоны по р. Теча в Далматовском и Катайском районах, 1967 г.²¹, 1969 г.²², 1973 г.²³, 1977 г.²⁴, 1983 г.²⁵;

о проекте планировки и застройки центральной усадьбы совхоза «Верхнетеченский» н. п. Верхняя Теча Катайского района²⁶, 1986 г.;

¹² Там же. Д. 70. Л. 63–71.

¹³ Там же. Д. 74. Л. 12–13, 13 об., 14–21, 21 об., 29–32, 74–80.

¹⁴ Там же. Д. 80. Л. 1, 1 об, 2, 3, 3а, 3а об., 7–9, 9 об. 38, 39.

¹⁵ Там же. Д. 87. Л. 36, 39.

¹⁶ Там же. Д. 93. Л. 80–92, 92 об., 93, 94, 94 об., 95–97.

¹⁷ Там же. Оп. 7. Д. 344. Л. 310–314.

¹⁸ Там же. Д. 422а. Л. 181–183.

¹⁹ Там же. Д. 545. Л. 44–45.

²⁰ Там же. Оп. 8. Д. 234. Л. 261–262.

²¹ Там же. Д. 682. Л. 67–70.

²² Там же. Д. 940. Л. 134–136.

²³ Там же. Д. 1777. Л. 121–122.

²⁴ Там же. Д. 2600. Л. 97–98.

²⁵ Там же. Д. 3749. Л. 21–23.

²⁶ Там же. Д. 4280. Л. 39–40.

о реабилитации территорий, загрязненных в результате деятельности ПО «Маяк»²⁷, 1992 г.;

о работе администрации области по реабилитации территорий, загрязненных в результате деятельности ПО «Маяк»²⁸, 1992 г.;

постановление о режиме работы по лесосплаву на р. Исеть и льготах для рабочих и инженерно-технического состава Мехонского леспромхоза²⁹, 1963 г.

Таблица 2

Репозиторий документов фондов ГКУ «ГАСПИКО»

№ фонда	№ описи	№ дела (ед. хр.)	Кол-во документов	Кол-во листов, всего	Годы документов
166	14	63	2	2	1956, 1957
166	19	86	1	1	1957
166	19	87	5	12	1960
166	19	89	2	28	1960
166	19	90	1	2	1960
166	19	191	1	4	1957
166	20	81	2	3	1961
166	20	84	3	12	1961
166	20	86	22	48	1962
166	21	86	1	3	1962
Всего:			40	115	

Перечень документов фондов ГКУ «ГАСПИКО», входящих в БД Репозитория

Переписка секретаря Курганского обкома КПСС с заместителем командующего Уральским военным округом о возвращении бывшего здания поликлинике (ныне занятого штабом воинской части № 10342) в г. Шадринск³⁰, 1956 г.;

²⁷ Там же. Оп. 16. Д. 95. Л. 97.

²⁸ Там же. Д. 100. Л. 41–44.

²⁹ Там же. Д. 97, Л. 6, 6 об., 8.

³⁰ ГКУ «ГАСПИКО». Ф. 166. Оп. 14. Д. 63. Л. 258–259.

переписка секретаря Курганского обкома КПСС с Председателем Совета министров РСФСР о выделении дополнительного оборудования для проведения оздоровительных мероприятий по р. Теча³¹, 1960 г.;

переписка Министерства среднего машиностроения с секретарем Курганского обкома КПСС о строительных работах на р. Теча³², 1960 г.;

предложения отдела здравоохранения Курганской области о строительстве заграждений, переселении и охранных мероприятиях по р. Теча и р. Исеть. Геоморфологическая, геологическая и гидрогеологическая характеристика территорий Катайского, Далматовского, Шадринского, Ольховского, Мехонского и Шатровского районов Курганской области³³, 1960 г.;

предложение исполкома Далматовского районного Совета депутатов трудящихся об отселении хозяйств колхозников и хозяйственных построек населенного пункта Першино с левой стороны р. Теча на правую сторону³⁴, 1960 г.;

предложения по реорганизации совхозов в Далматовском районе Курганской области³⁵, 1957 г.;

переписка секретаря Курганского обкома КПСС с министром среднего машиностроения о выделении дополнительного оборудования и механизмов³⁶, 1961 г.;

предложения по реорганизации колхозов в Далматовском районе Курганской области: колхозов им. Калинина, «Путь к коммунизму», «Заря» и «Память Ленина» в совхоз с центром в с. Песковском; колхозов им. Сталина, «Красный Октябрь» и «Урал» в совхоз с центром в с. Верхний Яр³⁷, 1961 г.;

докладная записка зав. радиологического отдела облветлаборатории об оказании помощи в организации работы радиологического отдела облветлаборатории³⁸, 1961 г.;

предложения отдела здравоохранения Курганской области Челябинскому филиалу НИИРГ о разработке оздоровительных мероприятий в районе р. Теча и Исеть. Акты об обследовании сел в Курганской области: Унсянский район (с. Лобаново и с. Верхняя Теча Анчуговского сельсовета, с. Бугаево – правобережная часть

³¹ Там же. Оп. 19. Д. 86. Л. 70.

³² Там же. Д. 87. Л. 52–53, 63–72.

³³ Там же. Д. 89. Л. 1–2, 43–68.

³⁴ Там же. Д. 90. Л. 149–149 об.

³⁵ Там же. Д. 191. Л. 2–5.

³⁶ Там же. Оп. 20. Д. 81. Л. 167–169.

³⁷ Там же. Д. 84. Л. 36–39, 46–49.

³⁸ Там же. Л. 131–134.

и с. Бисерово Бугаевского сельсовета); Катайский район (с. Кованцева Кованцевского сельсовета, с. Бугаево – левобережная часть, с. Бугаево – правобережная часть ис. Шутиха Шутихинского сельсовета); Далматовский район (с. Першина Першинского сельсовета, с. Ключи Ключевского сельсовета; Алматовский район (с. Затока Красноисетского сельсовета)³⁹, 1962 г.;

сведения о количестве людей, животных, домовладельцев и водоснабжении в населенных пунктах, расположенных по берегам р. Исеть, на 01.01.1962⁴⁰, 1962 г.

Таблица 3

Репозиторий документов фондов ГУ ОГАЧО

№ фонда	№ описи	№ дела (ед. хр.)	Кол-во документов	Кол-во листов, всего	Годы документов
P-274	20	20	4	14	1948
P-274	20	21	1	5	1948
P-274	20	31	2	10	1952
P-274	20	33	5	21	1953
P-274	20	38	1	2	1954
P-274	20	40	1	2	1954
P-274	20	43	5	20	1956
P-274	20	45	2	7	1957
P-274	20	46	1	1	1957
P-274	20	48	10	31	1958
P-274	20	49	11	13	1958
P-274	20	50	2	14	1958
Всего:			45	140	

Перечень документов фондов ГУ ОГАЧО, входящих в БД Репозитория

Решения исполкома Челябинского областного совета об отселении граждан из режимных зон объектов № 815, 817, 659⁴¹, 1948 г.;

³⁹ Там же. Д. 86. Л. 14, 63, 161–166, 170–171, 173–210.

⁴⁰ Там же. Оп. 21. Д. 86. Л. 15–17.

⁴¹ ГКУ «ГАОПД КО». Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 20. Л. 1–5, 172–173, 211–214, 282–284.

распоряжение об утверждении плана вселения граждан отселяемых из режимных зон⁴², 1948 г.;

распоряжение о выделении денежных средств на строительство колодцев. Решения о ходе строительства колодцев в Аргаяшском, Кунашакском и Бродокалмакском районах⁴³, 1952 г.;

решение о ходе строительства колодцев в Аргаяшском, Кунашакском и Бродокалмакском районах (1952 г.). Решения о мероприятиях по улучшению медицинского обслуживания трудящихся Кунашакского и Аргаяшского районов. Решение о переводе лесов Госхимзавода им. Менделеева в леса 1-й группы (1953 г.)⁴⁴, 1952–1953 гг.;

распоряжение о строительстве новых колодцев в 1954 г.⁴⁵, 1954 г.;

письмо Совета Министров РСФСР о передаче Муслимовскому овощемолочному совхозу всех земель и общественного имущества колхозов Кунашакского района в связи с прекращением их деятельности из-за переселения колхозников из запретной зоны⁴⁶, 1955 г.;

протокол заседания технического совета по делам строительства и архитектуры. Письмо начальнику УРС'а комбината «Челябуголь» по поводу строительства канала, проходящего по землям Худайбердинского совхоза и решения о запрещении пользования водой р. Теча, Об отчуждении земель под строительство межозерного канала в Каслинском районе⁴⁷, 1956 г.;

решение о мероприятиях по переселению жителей из населенных пунктов, расположенных по берегам р. Теча. Мероприятия по переселяемым населенным пунктам, расположенным на р. Теча⁴⁸, 1957 г.;

решение о переселении колхозов «Кызыл-Тай» и «Кызыл-Яр» Каслинского района⁴⁹, 1957 г.;

решения об установлении строгого санитарного режима на части территорий Каслинского, Кунашакского, Багарякского районов и на р. Теча⁵⁰, 1958 г.;

распоряжения о запрете забоя скота и использования мяса, о приеме загрязненного молока от населения и выдачи такого же

⁴² Там же. Д. 21. Л. 15–19,

⁴³ Там же. Д. 31. Л. 131–140.

⁴⁴ Там же. Д. 33. Л. 20–34, 154–156, 161–163.

⁴⁵ Там же. Д. 38. Л. 13–14.

⁴⁶ Там же. Д. 40. Л. 342–343.

⁴⁷ Там же. Д. 43. Л. 11, 13, 85, 2 л. б/н, 154–165, 177, 178, 180.

⁴⁸ Там же. Д. 45. Л. 31–34, 34 об., 35, 36.

⁴⁹ Там же. Д. 46. Л. 242.

⁵⁰ Там же. Д. 48. Л. 51–54, 54а, 55–62, 64–71, 71а, 72, 94–97, 159–162.

количества чистого молока. Распоряжение о сдаче в эксплуатацию многоквартирных жилых домов. Распоряжения о перечислении средств Бродокалмакскому и Канашанскому райисполкомам для выплаты переселенцам от р. Теча за их дома. Распоряжение об установлении радиологического контроля за скотом и птицей, заготавливаемыми в районах области. Распоряжение о создании комиссии для решения вопросов, связанных с бракеражем и утилизацией крупных партий с/х продуктов. Распоряжение об обмене загрязненной шерсти на чистую⁵¹, 1958 г.;

решение об изменении планов развития с. х. и закупок по Багарякскому, Каслинскому и Кунашакскому районам на 1958 г. Решение о зачислении в госземфонд земель переселяемых колхозов Багарякского района⁵², 1958 г.

Таблица 4

Репозиторий документов фондов ГАСО

№ фонда	№ описи	№ дела (ед. хр.)	Кол-во документов	Кол-во листов, всего	Годы документов
241	4	248	1	2	1958
627	1	464	1	3	1958
627	3	250	1	3	1969
627	3	1374	1	5	1973
627	3	1376	1	1	1973
P-721	2	88	2	2	1957
P-721	2	94	1	3	1958
P-721	2	95	5	9	1958
P-721	2	100	2	2	1965
P-721	2	102	1	1	1965
1813	12	34	1	5	1959
1813	12	46	1	2	1959
P-2199	1	923	1	8	1959
P-2199	1	927	1	3	1959
P-2199	1	1297	2	11	1961
P-2199	1	1769	2	5	1965

⁵¹ Там же. Д. 49. Л. 7, 9, 10, 13, 14, 27–34.

⁵² Там же. Д. 50. Л. 151–164.

Продолжение табл. 4

№ фонда	№ описи	№ дела (ед. хр.)	Кол-во документов	Кол-во листов, всего	Годы документов
P-2199	1	2391	1	4	1969
P-2199	1	2480	1	2	1982
P-2308	1	144	1	3	1957
P-2308	1	148	1	2	1957
P-2308	1	159	1	9	1959
P-2308	1	180	1	4	1960
P-2308	1	432a	1	3	1969
Всего:			31	92	

Перечень документов фондов ГАСО, входящих в БД Репозитория

Итоги выполнения народно-хозяйственного плана за III квартал 1958 г. по Каменскому району. Сельское хозяйство (1957–1958 гг.)⁵³, 1958 г.;

справка о состоянии терапевтической службы в Каменском районе⁵⁴, 1958 г.;

анализ ранней детской смертности по области за 1968–1969 гг.⁵⁵, 1969 г.; объяснительная записка к годовому отчету по педиатрической службе Свердловской области⁵⁶, 1973 г.;

решение коллегии облздравотдела о состоянии детской смертности за 9 месяцев 1973 г.⁵⁷, 1973 г.;

решение исполкома Каменского райсовета о рассмотрении плана развития с. х. на 1958 г. по колхозу «Победа» и по колхозу им. Чапаева⁵⁸, 1957 г.;

справка о состоянии животноводства по Каменскому району на 1 октября 1958 г.⁵⁹, 1958 г.;

приложения к решению исполкома Каменского райсовета о местонахождении кварталов и занимаемой площади колхозами «Победа» и им. Чапаева, совхозами, сельсоветами и организациями,

⁵³ ГАСО. Ф. 241. Оп. 4. Д. 248. 2 л. б/н.

⁵⁴ Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 464. Л. 113–115.

⁵⁵ Там же. Оп. 3. Д. 250. Л. 1, 4, 5.

⁵⁶ Там же. Д. 1374. Л. 16, 13, 17, 2 л. б/н.

⁵⁷ Там же. Д. 1376. Л. 159.

⁵⁸ Там же. Ф. Р-721. Оп. 2. Д. 88. Л. 60, 1 л. б/н.

⁵⁹ Там же. Д. 94. Л. 104, 126, 127.

о плане сдачи сена государству, о заготовке кормов в колхозах и совхозах, по посеву озимой ржи на зеленый корм в колхозах Каменского района на 1958 г.⁶⁰, 1958 г.;

решение исполкома Каменского райсовета, г. Каменск-Уральский № 138 от 8 июня 1965 г. о переименовании с. Монастырка на с. Заречное и о переименовании с. Малая-Грязнуха на с. Белогорское⁶¹, 1965 г.;

решение исполкома Каменского райсовета, г. Каменск-Уральский № 280 от 23 ноября 1965 г. о распределении земель по угодьям и землепользователям по району на 1 ноября 1965 г.⁶², 1965 г.;

сведения о численности наличного и постоянного населения, временно проживающих, временно отсутствующих и лиц в возрасте 18 лет и старше⁶³, 1959 г.;

статистические данные 1959 г. по Красногорскому району г. Каменск-Уральского по источникам средств существования, общественным группам и возрасту по сельским местностям Синарского райсовета⁶⁴, 1959 г.;

статистические данные санэпидстанции (ул. Куйбышева, 40)⁶⁵, 1959 г.;

рекомендации Главному врачу ГОРРАЙСВС о приобретении бесклапанного противопылевого респиратора ШБ-1 «Лепесток»⁶⁶, 1959 г.;

штатное расписание областной санитарно-эпидемиологической станции (СЭС) и приложение к смете на 1961 г. по ст. 5 областной СЭС⁶⁷, 1961 г.;

расчет потребного количества горючего и смазочных материалов для автотранспорта областной СЭС и приложение к смете на 1965 г. по ст. 5 радиологического отдела областной СЭС⁶⁸, 1965 г.;

штатное расписание областной СЭС на 1970 г.⁶⁹, 1969 г.;

данные по составу областной СЭС за 1982 г.⁷⁰, 1982 г.;

список гидрометеорологических станций и постов Уральско-го Управления гидрометеорологической сети (УГМС) на 1957 г.

⁶⁰ Там же. Д. 95. Л. 82, 83, 158, 1 л. б/н., 181–184, 228.

⁶¹ Там же. Д. 100. Л. 154, 155.

⁶² Там же. Д. 102. Л. 111.

⁶³ Там же. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 34. Л. 27, 4 л. б/н.

⁶⁴ Там же. Д. 46. Л. 253, 266.

⁶⁵ Там же. Ф. Р-2199. Оп. 1. Д. 923. Л. 9–16.

⁶⁶ Там же. Д. 927. Л. 239–241.

⁶⁷ Там же. Д. 1297. Л. 9–15, 1 л. б/н., 38–40.

⁶⁸ Там же. Д. 1769. Л. 8, 14, 30, 31, 90.

⁶⁹ Там же. Д. 2391. Л. 5, 6, 8, 22.

⁷⁰ Там же. Д. 2480. 2 л. б/н.

и план НИР по службе гидрологических прогнозов на 1958–1959 гг.⁷¹, 1957 г.;

гидрологический бюллетень № 1 от 10.04.1957 и № 8 от 18.04.1957, прогноз важнейших гидрологических явлений (карты речной сети)⁷², 1957 г.;

отчет о деятельности отдела гидрометеорологической сети Уральского УГМС за 1959 г.⁷³, 1959 г.;

пояснительная записка к отчету о работах на гидрометеорологической сети Уральского УГМС за 1960 г.⁷⁴, 1961 г.;

об установлении дополнительного отпуска за вредность работникам радиологических групп⁷⁵, 1969 г.

Структура базы данных

Отобранные документы (в PDF-формате) – файлы БД Репозитория были сгруппированы по каталогам (папкам) фондов в следующей иерархии: фонд/опись/дело. Наименования файлов БД Репозитория дано символьной строкой следующего вида:

{FFFFFF}_{OO}_{DDDD}_{LLL[+LLL-LLLLLLob+LLLbn]}_{GGGG}.pdf,

где

{FFFFFF} – номер фонда в Государственном архиве;

{OO} – номер описи в фонде;

{DDDD} – номер дела в описи фонда;

{LLL[+LLL-LLL+LLL+LLLob+LLLbn]} – номер листа в деле, номера листов через дефис или через символ «+», номер обратной стороны листа с приставкой символа «ob» и/или количество листов без номеров с приставкой символа «bn» через символ «+»;

{GGGG} – год создания документа.

Примеры наименований файлов БД Репозитория:

– Ф. 166. Оп. 14. Д. 63. Л. 258 (1956 г.) – имя файла: 166_14_63_258_1956.pdf.

– Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 65. Л. 25–27 (1957 г.) – имя файла: Р-1541_1_65_25-27_1957.pdf.

– Ф. Р-2199. Оп. 1. Д. 1769. Л. 14, 30–31, 40 (1965 г.) – имя файла: Р-2199_1_1769_14+30-31+40_1965.pdf.

⁷¹ Там же. Ф. Р-2308. Оп. 1. Д. 144. Л. 16, 49, 1 л. б/н.

⁷² Там же. Д. 148. Л. 36, 47.

⁷³ Там же. Д. 159. Л. 1, 7, 43, 63, 65, 66, 84, 85, 111.

⁷⁴ Там же. Д. 180. Л. 99–101, 111.

⁷⁵ Там же. Д. 421а. Л. 111–113.

– Ф. Р-2199. Оп. 1. Д. 1297. Л. 9–15 + 1 л. б/н. (1961 г.) – имя файла: Р-2199_1_1297_9-15+1bn_1961.pdf.

База данных Репозитория архивных документов содержит следующие поля:

- имя файла *. PDF;
- количество документов, входящих в состав дела (единиц хранения);
- наименование документа;
- номер документа;
- год документа;
- дата документа;
- краткое описание содержимого документа;
- ключевые слова;
- № фонда;
- № описи;
- № дела.

Заключение

Таким образом, на основании подготовленных электронных копий (в PDF-формате) организационно-распорядительных документов региональных органов исполнительной власти и органов КПСС по вопросам организации и проведения работ по ликвидации последствий аварии в 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча создана БД Репозитория государственных архивных фондов Курганской, Челябинской и Свердловской областей:

- БД «Курганская область» (фонды № Р-1541, 166) – 72 файла.
- БД «Челябинская область» (фонд № Р-274) – 45 файлов;
- БД «Свердловская область» (фонды № 241, 627, Р-721, 1813, Р-2199, Р-2308) – 31 файл.

В БД Репозитория содержится следующая основная информация:

- мероприятия по реабилитации территорий, загрязненных в результате деятельности ПО «Маяк»;
- решения по обеспечению полного прекращения использования воды р. Теча населением прибрежных населенных пунктов;
- оздоровительные мероприятия, проводимые на р. Теча;
- мероприятия по переселяемым населенным пунктам, расположенным на р. Теча;
- мероприятия по обеспечению водоснабжения населенных пунктов, расположенных на р. Теча и р. Исеть;

- мероприятия по защите продовольствия, фуража и воды от отравляющих, радиоактивных веществ и бактериальных средств;
- сведения о реорганизации и переселении колхозов и совхозов;
- решение о запрете забоя скота и использования мяса;
- мероприятия по улучшению медицинского обслуживания трудящихся.

Разработанная База данных Репозитория входит в состав межведомственной информационной системы по вопросам обеспечения радиационной безопасности населения и проблемам преодоления последствий радиационных аварий [Скоробогатов, Апанасюк, Буланцева 2021, с. 320]. Она обеспечивает многоуровневый и межотраслевой анализ реализации управленческих решений, направленных на преодоление последствий радиационных аварий, включая информирование населения по вопросам, касающимся режимов природопользования, безопасного проживания населения и хозяйственной деятельности на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению.

Литература

- Безбородов, Хорхордина 2018 – *Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И.* Архивы и власть: государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый исторический вестник. 2018. № 3(57). С. 59–77.
- Белов 2015 – *Белов А.В.* «Исторический регион» и его роль во внешней политике России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2015. № 3. С. 53–69.
- Камынин 2016 – *Камынин В.Д.* Документы электронного архива как источник для изучения политики России по отношению к населению, пострадавшему от радиационных аварий (на примере деятельности ПО «Маяк» // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. / Гл. ред. Л.Н. Мазур; отв. ред. Т.В. Соловьева. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 355–358.
- Котлова 2006 – *Котлова Т.Н.* Электронные описи ГАРФ: Опыт создания, новые возможности использования и совершенствования // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 133–144.
- Куприянова, Каткова 2018 – *Куприянова И.А., Каткова М.Н.* Представление архивной информации о ликвидации последствий радиационных аварий на интернет-портале // Медицинская радиология и радиационная безопасность. 2018. Т. 63. № 2. С. 18–24.
- Леонов 2020 – *Леонов М.В.* Опыт автоматизации поиска персональных данных студентов Московского университета за 1813–1917 гг. по документам ЦГА Москвы // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 37–44.

- Нуждин, Корнеева 2008 – *Нуждин М.В., Корнеева С.А.* Последствия радиационных аварий на Урале // *Агрохимический вестник*. 2008. № 2. С. 15–19.
- Скоробогатов, Апанасюк, Буланцева 2021 – *Скоробогатов А.М., Апанасюк О.Н., Буланцева Т.А.* Опыт создания межведомственной информационной системы по вопросам преодоления последствий радиационных аварий // *Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»*. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. С. 319–324.
- Толстиков, Бочкарева 2017 – *Толстиков В.С., Бочкарева И.А.* Кыштымская ядерная катастрофа 1957 года: исторический опыт ликвидации последствий крупномасштабных радиационных аварий // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 6-1 (60). С. 104–107.

References

- Bezborodov, A.B. and Khorkhordina, T.I. (2018), “Archives and power. The State Archival Service in the formation of historical consciousness and Russian social and cultural identity”, *The New Historical Bulletin*, vol. 57, no. 3, pp. 59–77, EDN: YVRCXJ, DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00023.
- Belov, A.V. (2015), “‘Historical region’ and its role in the foreign policy of Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 53–69.
- Kamynin, V.D. (2016), “Documents of digital archives as a source for study of Russia’s policy in relation to the population affected by radiation accidents (on the example of the ‘Mayak’)”, in Mazur, L.N. and Solovyova, T.V. (eds.), *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 2–3 dekabrya 2016 g.* [Document. Archive. History. Modern times. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, 2–3 December 2016], Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, pp. 355–358, EDN: XRDKVF.
- Kotlova, T.N. (2006), “Electronic inventories of GARF. Experience of creation, new opportunities for use and improvement”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 133–144, EDN: KVPOXB.
- Kupriyanova, I.A. and Katkova, M.N. (2018), “Presentation of archival information on the overcoming the consequences of radiation accidents through Internet-portal”, *Medical Radiology and Radiation Safety*, vol. 63, no. 2. pp. 18–24, EDN: YWFBMR, DOI: 10.12737/article_5ac61ad45ede28.13528430.
- Leonov, M.V. (2020), “Experience in automating the search for the personal data of the students of Moscow University of 1813–1917 according to the documents of the Central State Archives of Moscow”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 4. pp. 37–44, EDN: RLQVWB.
- Nuzhadin, M.V. and Korneeva, S.A. (2008), “Consequences of radiation accidents in the Urals”, *Agrochemical Herald*, no. 2, pp. 15–19. EDN: KZNJRF.
- Skorobogatov, A.M., Apanasyuk, O.N. and Bulantseva, T.A. (2021), “Experience in creating an interdepartmental information system on overcoming the consequences of radiation accidents”, in *Sbornik izbrannykh statei po materialam*

nauchnykh konferentsii GNII "Natsrazvitie". [Themed collection of papers from international conferences by HNRI "National development"], HNRI "National development", Saint-Petersburg, Russia, pp. 319–324, EDN: DYLKTC, DOI: 10.37539/AUG298.2021.14.75.037

Tolstikov, V.S. and Bochkareva, I.A. (2017), "Kyshtym nuclear disaster of 1957. Historical experience of liquidating the effects of large-scale radiation accidents", *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, vol. 60, no. 6-1, pp. 104–107, EDN: YTTHDH, DOI: 10.23670/IRJ.2017.60.022

Информация об авторах

Олег Н. Апанасюк, Институт проблем безопасного развития атомной энергетики Российской академии наук, Москва, Россия; 115191, Москва, ул. Большая Тульская, д. 52; aon@ibrae.ac.ru
ORCID ID: 0000-0002-0362-3698

Анатолий М. Скоробогатов, Институт проблем безопасного развития атомной энергетики Российской академии наук, Москва, Россия; 115191, Москва, ул. Большая Тульская, д. 52; sam@ibrae.ac.ru
ORCID ID: 0000-0002-7538-2707

Татьяна А. Буланцева, Институт проблем безопасного развития атомной энергетики Российской академии наук, Москва, Россия; 115191, Москва, ул. Большая Тульская, д. 52; tabu@ibrae.ac.ru
ORCID ID: 0000-0002-3171-0115

Information about the authors

Oleg N. Apanasyuk, Nuclear Safety Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 52, Bolshaya Tulskaia St., Moscow, Russia, 115191; aon@ibrae.ac.ru
ORCID ID: 0000-0002-0362-3698

Anatoly M. Skorobogatov, Nuclear Safety Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 52, Bolshaya Tulskaia St., Moscow, Russia, 115191; sam@ibrae.ac.ru
ORCID ID: 0000-0002-7538-2707

Tatiana A. Bulantseva, Nuclear Safety Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 52, Bolshaya Tulskaia St., Moscow, 115191, Russia; tabu@ibrae.ac.ru
ORCID ID: 0000-0002-3171-0115

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 27.02.2023.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1681

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru